

В. М. ФЕЛИСОВА

СТОЯЛИ
НАСМЕРТЬ

В. М. ФЕЛИСОВА

СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ

ЛЕНИЗДАТ · 1984

Фелисова В. М.
Ф37 Стояли насмерть.— Изд. 2-е, испр. и дополн.—
Л.: Лениздат, 1984.— 238 с.

Эта книга — о войне, о первых неделях Великой Отечественной
О кровопролитных боях с врагом на подступах к Ленинграду.
О славных ребятах — курсантах Ново-Петергофского военно-политиче-
ского неграницного училища имени К. Е. Ворошилова, их мужестве
и стойкости. О тяжком труде сандружинным, выпавшем на долю
автора документальной повести Веры Михайловны Фелисовой (в годы
войны Царевой).

Расчитана на массового читателя.

Ф 0505030202—152
М171(03)—84 280—84

63.3(2)722.11

© Лениздат, 1977

© Лениздат, 1984, с испр. и дополн.

ОТ АВТОРА

Воссозданию боевой истории курсантских батальонов — новопетергофцев мне помогли обстоятельства. Будучи в составе сборной команды спортивного общества «Динамо» (Ленинград) по гребному спорту, я была в Саратове на Всесоюзные соревнования. Раньше мне приходилось бывать во многих городах страны. Видела я угрюмый Урал, любовалась могучим Днепром. Теперь увидела матушку-Волгу, покоровшую меня своим величием. Понравились мне и саратовцы, в характере которых чувствовалось что-то общее с рекой.

Когда мы с подружкой Анной Каалисте старались выиграть решающий заезд на байдарке, публика искренне аплодировала нам. Мы победили. Играл оркестр. Стоя на пьедестале, я с благодарностью за дружескую поддержку смотрела на праздничную толпу и неожиданно увидела в ней человека, который показался мне знакомым.

Я принялась более пристально вглядываться в него, мне вспомнился знакомый образ. Постаралась сравнить черты его лица с мелькавшими в памяти представлениями. Сомнения исчезли. Передо мной Николай Александрович Шорин. Тот самый Шорин, который в трудном сорок первом, будучи майором, командовал курсантским батальоном. Я была сандружинницей в его батальоне. Шли кровопролитные бои на дальних подступах к Ленинграду. Незабываемо то время. Незабываемы участники тех боев. Незабываемы их имена...

Но как же оказался здесь, в Саратове, бывалый воин, потерявший под Ленинградом правую руку?

— Николай Александрович!..

Он оторопел, долго всматривался в мое лицо. Наконец узнал.

— Неужели Царева?..

Бывший комбат протянул мне руку. Встреча спортсменки, только что сошедшей с пьедестала почета, и побывавшего в боях, но все еще крепкого на вид отставного полковника привлекла внимание окружающих. Мы стошли в сторонку. Шорин удивлялся:

— Надо же, как ты меня увидела!.. Хотя нет, ничего удивительного... С пьедестала видней... А зрительная память у тебя отличная, я это знаю. Ну ладно... Есть одно предложение... Ко мне домой, и немедленно!.. Моя постоянная прописка теперь в Саратове. Как эвакуировали сюда в войну наше училище, так и осел здесь.

О многом переговорили мы в тот день. И конечно же, разговор только вначале коснулся спортивных соревнований. Дальше, как всегда у однополчан, пошли разговоры о боях, которые вел наш батальон на Ленинградском фронте. Вспомнили Волгово, Жабино, Порожки, Ирогощу...

Был момент, когда комбат неожиданно помрачнел.

— Такие вот дела, Царева-Фелисова... Столько пережито-перевидано... Столько удивительных людей потеряли мы в боях... Помнить надо о них... Помнить не только нам... Как думаешь, сандружинница?

Что я могла сказать ему? Да, конечно, хотелось бы, чтобы не ушло в безвестность пережитое.

— А тех, кто остался жив, — Шорин сокрушенно вздохнул, — попробуй найди... Пытался я. Да все это не так просто.

Я по-человечески поняла комбата. Разыскивать людей — значит писать и писать, посылать запрос за запросом. А у Николая Александровича нет правой руки. Да и сил у него теперь меньше, чем было тогда, в сорок первом.

В решении о восстановлении боевой истории курсантских батальонов я оказалась единомышленницей комбата. Возвратясь домой в Ленинград, я включилась в эту захватывающую работу. И заняла она у меня ни много ни мало, а более двадцати лет жизни. Были дни и месяцы мучительных ожиданий ответа на мои запросы, надежд, отчаяний. Зато случались, правда реже, минуты невероятной, неопикуемой радости от встреч с однополчанами, особенно с теми, кто по документам считался погибшим.

Много времени заняла работа с письмами. Их были сотни и тысячи, написанных на языках многих национальностей нашей Родины. И все их нужно было читать, часто прибегая к услугам переводчиков. Приходили эти

письма от матерей и отцов, в груди которых все еще не утихла боль от утраты сыновей. Эти письма нельзя было просто читать. Их содержание требовало действий, и я действовала. Это надолго отвлекло меня от работы по восстановлению боевой истории. Приходилось вести переписку с учреждениями и ответственными лицами, уполномоченными решать вопросы о пенсиях, жилье, топливе, приусадебных участках, больницах, домах престарелых и прочее.

Отыскивая наших боевых товарищей и семьи погибших пограничников, я не думала о создании книги. Просто выполняла обещание, данное комбату. Но история моих поисков могла бы стать сама по себе увлекательной, полной драматизма книгой. С каждым новым найденным мной архивным документом, с каждым письмом, с каждой встречей все ярче вырисовывался коллективный подвиг курсантов и командиров Ново-Петергофского военно-политического училища имени К. Е. Ворошилова в годы войны.

Вместе с пограничниками была я в боях. Как сандружинница я перевязывала раненых и вытаскивала их на плащ-палатках в безопасное место. Но писать я стала не о медиках, не о тяготах и сложностях их работы на фронте. Я стала писать о боевых делах курсантов и командиров нашего училища. И решила, что наиболее соответствующим боевым делам ворошиловцев станет название «Стояли насмерть». Навсегда я запомнила, как курсанты и их командиры презирали смерть, были удивительно стойкими и мужественными, желая во что бы то ни стало победить врага, если даже для этого требуется отдать жизнь. Все они были коммунистами, удивительными, бесстрашными, сильными духом людьми.

Пишу и вижу давнее, пережитое. Вижу дороги, по которым мы шли. Вижу бои. Вижу затухающие взоры тяжелораненых, предсмертный румянец, исчезающий с их лиц. Ни одного стога, ни одной жалобы. Только тихий шепот, последние спокойные просьбы, смысл которых всегда был один и тот же: «Сообщи родным, что, умирая, думал о них. Скажи, что желаю им счастья. Подтверди, что дрался до конца. Что верю в победу. И жалею, что имею в своем распоряжении только одну жизнь. Отдал бы и вторую, лишь бы взять верх над фашистами. Скажи...»

Вспоминается бой под Ирогощей, где враг потерял около трехсот солдат и офицеров, много боевой техники и боеприпасов. Под знаменитыми Порожками кур-

сантаы без артиллерийской, авиационной и танковой поддержки шли в атаку на вооруженного до зубов противника и победили. Но у нас в том бою потери были самыми большими — почти сто шестьдесят человек. «Подвиг курсантов-чекистов, — писал в 1945 году секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) А. А. Кузнецов, — трудно переоценить. Задержав продвижение немцев на Кингисепском шоссе, они дали возможность отходящим частям Красной Армии перегруппировать свои силы и подготовиться к обороне на новых, более выгодных рубежах...»

В сорок первом мне было семнадцать — возраст, когда впечатлительность чрезвычайно обострена. Навсегда врезались в мою память мельчайшие подробности первых боев. Многие из того, что было позднее, забылось, а бои на Кингисепском шоссе и на Ораниенбаумском плацдарме запомнились так крепко, что я и теперь могу рассказать о них во всех деталях.

А не рассказывать нельзя. Многие сотни писем, полученных мною со всех концов страны, содержат просьбу написать о близком человеке (отце, сыне, брате или муже), ушедшем на фронт с батальоном пограничников и погибшем в бою.

Переписывалась я все эти годы не только с нашими боевыми товарищами и с родственниками погибших пограничников. В поиске, который мне довелось вести, принимали участие работники Всесоюзного радио и Центрального телевидения, сотрудники архива и Музея пограничных войск, командиры и политработники пограничных частей, «красные следопыты».

Теперь, когда книга написана, я хочу от всей души сказать им спасибо за помощь. И особенно все мы, ворошиловцы, благодарны начальнику архива пограничных войск полковнику Родиону Алексеевичу Бахромееву за то, что он лично принял участие в розыске сведений о тех пограничниках, родина которых была временно оккупирована гитлеровскими захватчиками.

ЗАБЫТЬ НЕВОЗМОЖНО

— Хальт! — хриплым голосом прокричал гитлеровец и тут же автоматной очередью сразил женщину, пытавшуюся извлечь из кармана убитого курсанта-пограничника документы.

Коверкая русские слова на немецкий лад, он объяснял растерявшимся людям, что так будет с каждым, кто посмеет обыскивать убитых юнкеров. И делал это совершенно обыденно, как будто перед этим он убил не человека, а назойливую муху.

Происходило это близ деревни Борницы Гатчинского района Ленинградской области в суровом до жути 1941 году. Всего несколько часов назад здесь отгремел жаркий бой, а теперь согнанные из деревни жители понуро ходили от одной ложины к другой, от одного окопа к другому, подбирая трупы советских воинов-пограничников, бившихся на этом рубеже с гитлеровскими захватчиками. Печальное занятие проходило под пристальным наблюдением вражеских солдат, расставленных по всему полю в ста метрах друг от друга.

Гитлеровские солдаты следили за тем, чтобы жители быстро сбрасывали трупы в большие ямы. Строго запрещалось доставать из карманов убитых их документы. А людям хотелось установить имена и фамилии предаваемых земле. Несмотря на риск быть убитой, одна молодая женщина, с опаской поглядывая на часовых, все же улучила момент и сунула за пазуху фотографию, выпавшую из полевой сумки. Однако до вечера взглянуть на нее не могла, хотя любопытство не было беспредметным: в первый день боев за деревню она мельком познакомилась с курсантами-пограничниками, приходившими в их избу за лопатами. Запомнила одного веселого красивого парня, который на ее глазах устроил в под-

вале кухни «волчью яму». В ловушку попал фашист, его и взял в плен курсант.

Смелые, решительные действия пограничника произвели на девушку сильное впечатление. А упорные бои пограничного подразделения за деревню вселили в жителей уверенность в победе над врагом. Уж не тот ли красавец?..

Девушка хранила фотографию до дня долгожданной победы и еще несколько лет спустя, пока на открытии памятника пограничникам в деревне, где шли бои, эта история с фотографией не завершилась самым неожиданным образом. Открытие памятника всегда волнует людей, и особенно тех, кто причастен к самому событию. Причастных оказалось немало: это и участники боев, их семьи, и ближайшие родственники погибших, а также многие местные жители — живые свидетели боев пограничников за их деревню.

Волнение достигло предела, когда к покрытому белым покрывалом памятнику медленно стала приближаться вереница автобусов с ветеранами. Особенно нервничали женщины. Многим хотелось побыстрее увидеть тех, кого они уже многие десятки лет помнили молодыми и жизнерадостными.

Наконец машины остановились. Воины-пограничники выскочили из кабин и с осторожностью стали помогать прибывшим — ветеранам, отцам и матерям погибших воинов — ступить на гатчинскую землю. Аплодисменты потонули в звуках военного оркестра. Сбравшиеся внимательно рассматривали прибывших и особенно пристально — плотного высокого человека в форме полковника. Его грудь украшало множество боевых орденов. Среди присутствовавших местных жителей послышался шепот:

— Да это же Золотарев, бывший командир пограничников, всевазших в нашей деревне.

— Да, это точно он, — вступил в разговор Борис Средняков. — Ранено его в голову под бровями, а он остался в строю. Сколько ни настаивал наш врач Иванов на отправке его в санбат, сколько ни пугал командира серьезными осложнениями, ничего не помогало. Настоял на своем и остался в строю. Врачу сказал: «А кто командовать в такой заварухе будет? Может быть, вы, врач, согласитесь? Так вот что: вы лучше голову мою какой-нибудь темной повязкой замаскируйте, а то превратили в белую ворону своими бинтами. Того и гляди снайпер на мушку возьмет». Так и продолжал воевать

наш капитан с осколком в голове. Вытаскивать его врачи опасались.

Можно только позавидовать такой характеристике через десятки лет после событий. И ведь она была справедливой...

Наступило время открытия митинга. Секретарь исполкома Гатчинского районного Совета народных депутатов Василий Иванович Злыгостев и начальник отдела культуры исполкома Сергей Никифорович Бондаренко пригласили всех к месту проведения митинга.

Сделав небольшое, но преисполненное благодарности пограничникам вступление и воздав должное их беззаветной храбрости, Василий Иванович под звуки оркестра и оружейного салюта опустил с обелиска покрывало. На мемориальной доске слова: «Здесь в августе 1941 года стояли насмерть курсанты Второго батальона Ново-Петергофского пограничного военно-политического училища под командованием капитана Золотарева А. А. Вечная слава погибшим в боях за нашу Родину».

Ниже следовал список погибших.

Все прибывшие — жители, ветераны и родственники погибших потянулись к мемориальной доске, желая еще и еще раз прочитать и, может быть, навсегда запомнить фамилии погребенных здесь погибших бойцов. Это по-человечески понятное желание длилось несколько минут, заставив многих тяжело вздохнуть, проглотив подступивший к горлу комок. Некоторые не смогли сдерживать слез.

Подавив в себе чувство скорби, Василий Иванович продолжал митинг и предоставил слово полковнику в отставке Золотареву.

Его уже все давно рассмотрели, но теперь этого человека увидели как бы заново. Вот он, высокий, подтянутый и стройный командир с волевым лицом. Тогда, в 1941-м, ему было 37 лет, из которых 15 лет уже были отданы армии. Тогда уже он 11 лет был коммунистом и делом доказывал высокое право принадлежности к партии. Для него это значило стоять на самом трудном и ответственном посту. Забегая вперед, скажу, что не только под Гатчиной, а и в последующих боях Антон Афанасьевич своими ратными делами подтверждал высокое звание члена ленинской партии. Он командовал полком, защищавшим крепость Орешек у истоков Невы, был заместителем командира дивизии в прославленном гвардейском корпусе генерала Симоняка, командовал дивизией, участвовавшей в разгроме Курляндской груп-

пировки врага. На его груди сверкали орден Ленина, пять орденов Красного Знамени, орден Александра Невского, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды и многие медали.

Глядя на памятник своим отважным питомцам, полковник начал говорить:

— Да, дорогие мои боевые товарищи и уважаемые жители, справедливы народные слова: герои не умирают, они живут вечно. Вот и они, что в этом списке, сложившие головы на этих рубежах, продолжают жить в памяти народной. На мемориальной доске только часть имен. Я верю, что этот список будет пополнен новыми именами. Именами тех, судьбы которых сегодня еще не сумели проследить.

Нам было очень тяжело. Наш второй курсантский батальон в составе четырех рот оказался той скромной, но реальной силой, которую командование смогло противопоставить врагу на пути в Гатчину. Это были дальние подступы к Ленинграду.

Уже в начале июля была сформирована Лужская оперативная группа. Под Лугой и Нарвой сосредоточивались две стрелковые дивизии. Остальные войска только подтягивались, в том числе Ленинградское Краснознаменное пехотное училище имени С. М. Кирова. Это мы все хорошо знали. Но мы знали и то, что обстановка стремительно менялась не в нашу пользу. Враг захватил Псков, и наши войска отходили на Гдов и Лугу. Между этими направлениями образовался никем не прикрытый коридор в несколько десятков километров.

В середине августа гитлеровцы подошли к Нарве. Части 8-й армии и Нарвской оперативной группы к этому времени заняли оборону на правом берегу реки Нарвы. Гитлеровцы рвались вдоль шоссе Кингисепп — Красное Село и железной дороги Нарва — Гатчина.

Я говорю об этом, товарищи, для того, чтобы показать сложность и опасность тогдашней обстановки. Хочу подчеркнуть, что все эти особенности были известны курсантам. Они отлично понимали, что прибыли на фронт в силу чрезвычайных обстоятельств. Должен подчеркнуть, что командование фронта и партийная организация Ленинграда оказали курсантам-чекистам особое доверие, и я рад доложить вам, да вы и сами были свидетелями этого, курсанты оправдали его. Наш батальон дрался беззаветно. Я до сих пор с восхищением вспоминаю и курсантов, и командиров, не щадивших себя во имя победы над врагом.

Мне, прошедшему всю войну, позднее пришлось встречаться с храбрыми и смелыми воинами. Но такого организованного, идейно сплоченного коллектива, как курсантский батальон, больше встречать мне не приходилось. Как командир я благодарю вас за службу, товарищи бывшие курсанты и командиры, и низко кланяюсь вам, живым и мертвым. Не хочется, чтобы у вас, присутствующих здесь, сложилось впечатление о чрезмерном восхвалении личного состава 2-го курсантского батальона. Пусть о боевых делах пограничников расскажут другие участники боев. Я же для подтверждения сказанного сошлюсь на страницы сборника «Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945»: «К 7-00 20 августа 1941 г. батальон с боем отошел на третий рубеж и занял оборону. Произведенной разведкой было установлено: в дер. Большие Борницы противник сосредоточил один батальон мотопехоты и выставил 10 замаскированных танков в кустах против нашей линии обороны. Остальные силы противника — 50 танков и мотопехота — стали обходить наш левый фланг...»

В 12-00 в район обороны 2-го батальона прибыл член Военного совета и председатель облисполкома Соловьев, который передал приказ батальону: закрыть дорогу противнику на Красногвардейск. При этом обещал подкрепление: дивизион артиллерии, 6 танков, минометы, боеприпасы, воду и продукты. В 14-00 противник начал сильную артиллерийскую и минометную стрельбу по району обороны и стал обходить батальон. Дорога на Красногвардейск по-прежнему находилась в наших руках, и все попытки противника прорваться по ней мотопехотой были отбиты. С 17-00 до 19-30 батальон отбивал сильный натиск противника огнем и контратаками. В 19-30 батальон в полном составе провел контратаку, и противник, неся большие потери, был рассеян и обращен в бегство...

Далее стал рассказывать полковник запаса Николай Афанасьевич Юхимец, живущий ныне в Саратове.

ДУХОМ КРЕПЛИ В БОРЬБЕ

На второй день войны Юхимец получил звание лейтенанта и был назначен командиром учебного курсантского взвода. Он хорошо понимал, какая большая ответственность легла на его плечи, и считал, что было бы

неплохо приобрести опыт командования подразделением в войсках. Но приказ есть приказ. Начинались боевые будни. Юхимец, проводя занятия с курсантами, сам набирался опыта. Командир роты старший лейтенант Демьян Михайлович Останний помогал взводному, советовал ему, как лучше решить ту или иную учебную задачу.

Однажды Останний и Юхимец были вызваны к командиру батальона капитану А. А. Золотареву. Когда весь командный состав подразделения был в сборе, капитан встал из-за стола и сказал:

— Батальону приказано убыть на выполнение боевой задачи по обороне города Ленина.

И отдал боевой приказ.

Батальон без промедления выступил к назначенному рубежу. Сначала все было как на учениях: рекогносцировка местности, оценка обстановки, постановка задач. Курсанты быстро отрыли и оборудовали окопы. Командиры отделений доложили взводным о готовности к бою.

Наступили сумерки. Моросил холодный дождь. Боевое охранение четко несло службу. Весь личный состав провел ночь не смыкая глаз. Ранним утром послышалась еще далекая стрельба. Враг приближался.

— По правде говоря, — рассказывал Юхимец, — я, как и все мои курсанты, был очень взволнован в то утро. Нам предстояла взаимная проверка в бою. В какой-то момент в небе заревели моторы вражеских бомбардировщиков. Неподалеку от нас прогрехотали взрывы авиабомб. Видимо, хорошо замаскированы были наши окопы, — фашистские летчики сбросили свой смертоносный груз мимо цели. Но вслед за бомбами стали рваться снаряды и мины. Затрещали, уже вблизи, вражеские автоматы. Ребята наши держались молодцами. По фашистским автоматчикам никто не сделал ни одного выстрела, пока не прозвучала команда открыть огонь. Выдержка и хладнокровие необстрелянных курсантов радовали. Но вот связной Моисеенков негромко сказал мне: «Товарищ лейтенант, сигнал...» Вдохнув двойную порцию воздуха, я скомандовал: «По фашистским автоматчикам — огонь!..» Грянул дружный винтовочный залп. Заговорили станковые пулеметы. Стреляли курсанты метко и уже вскоре заставили врага залечь.

Все радовались первому успеху. Парторг взвода курсант Николай Тихонович Козловский, приподнявшись над окопом, закричал: «Так держать, молодцы!..» Его голос

потонул в гуле нового огневого вражеского налета. Потом раздался чей-то крик: «Смотрите, смотрите!.. Перед седьмой ротой фашистский танк горит!..» Все мы увидели этот танк и пламя над ним. Наши залпы загремели с новой силой. Выскочившие на поляну перед взводом автоматчики противника один за другим выбывали из строя.

Через некоторое время накал боя несколько ослабел. И тут мы впервые услышали чужие голоса: «Рус окружен!.. Сопrotивление бессмысленно!.. Рус, сдавайся!..» Гитлеровцы, видимо, тянули время в ожидании подкреплений. Мы продолжали улучшать позиции, проверяли оружие, запасались патронами и гранатами. Посланные в тыл курсанты Сулейманов, Абдулаев, Мартыненко, Андосов, Махиня, Томаров и Викулов вернулись с термосами горячей пищи. Курсанты с удовольствием ели вкусный суп и макаронны по-флотски.

Во второй половине дня на позиции батальона снова обрушился шквал вражеского артиллерийско-минометного огня. Снова затрещали немецкие автоматы. Должно быть, фашисты подтянули резервы. Их уже не останавливал наш ружейно-пулеметный огонь. Автоматчики упрямо атаквали позиции соседних взводов.

Командир роты приказал поддержать соседней огнем. А они тем временем предприняли штыковую контратаку. На поле боя загремело «ура». Курсанты дружно обрушились на противника. Оставляя раненых и убитых, вражеские автоматчики бежали. Курсанты нашего взвода вели по ним меткий огонь.

Выдвинувшийся дальше всех в минуты контратаки взвод лейтенанта Костакова не успел возвратиться в свои окопы и, неся потери, был вынужден залечь. Чтобы стрелять через головы прижатых к земле курсантов, надо было перетащить наши пулеметы на новую огневую позицию. Фашисты заметили наше передвижение. Несколько взрывов преградили нам путь. Застрочили вражеские автоматчики, проникшие на позицию взвода с правого фланга. Я был ранен в ногу осколком, но все же добрался до цели. Курсанты устанавливали пулемет, а связной Сергей Моисеенков под прикрытием пулеметного щита стащил сапог с моей онемевшей ноги и стал накладывать повязку на рану. Я тем временем взялся за рукоятки пулемета. По моему сигналу заговорили все три наших «максима». Через головы курсантов, находившихся метрах в ста — ста пятидесяти впереди, повели мы яростный огонь по врагу. Стрельба со стороны про-

тивника несколько уменьшилась. Взвод лейтенанта Костякова воспользовался этим и вернулся на прежний рубеж.

Запомнился мне такой эпизод. Мой ближайший помощник, отличный курсант Даниил Федорович Приходько, огорченный гибелью нескольких наших ребят, вдруг привстал с земли и, сжимая винтовку, крикнул курсантам: «Отомстим гадам за боевых друзей!..» Фашисты обрушили на Даниила Приходько ливень огня. Курсант Сергей Моисеенков подхватил падающего товарища. На исходе дня мы хоронили Приходько и других погибших. Невыразимо горько было предавать земле тех, с кем плечом к плечу стояли в строю, с кем только что громили врага...

Самому Николаю Афанасьевичу Юхимцу вскоре пришлось по ранению отправиться в госпиталь. За мужество и воинское мастерство, проявленные на поле боя, он был награжден орденом Красной Звезды.

«ВНИМАНИЕ! ФАШИСТСКИЕ ТАНКИ...»

— Да, дорогие товарищи, трудно пришлось на этих рубежах,— продолжал выступление бывший курсант, ныне полковник в отставке Иван Иосифович Синявский. — Бывал я во многих переделках, но бой в районе Больших Борниц, где мы сейчас находимся, запомнился особо. Здесь мы впервые встретились с массой вражеских танков. Они шли с десантом автоматчиков. Впереди них, видимо разведка, двигались мотоциклы.

С командного пункта батальона, приткнувшегося в гравийном карьере, в роты поступила команда:

— Мотоциклистов пропустить. Огонь сосредоточить на десанте автоматчиков и танках. Главное — танки.

Для мотоциклистов же готовилась ловушка в другом месте. Наш взвод короткими перебежками по мелколесью направился к обратному скату косогора. Там должны были встретить мотоциклистов. Курсанты мигом выбрали удобные места для стрельбы. Как только передние машины проскочили поворот, грянули залпы. Мгновенно образовалась свалка. На большой скорости задние машины насакивали на внезапно затормозившие передние. Многие гитлеровцы вылетели из седел и колясок. До нас донесся скрежет металла ломавшихся мотоциклов, слышались крики раненых.

Прицельный огонь курсантов сделал свое дело. За

несколько минут отряд мотоциклистов был полностью уничтожен. На дороге остались исковерканные машины, убитые и раненые гитлеровцы. Курсанты Барышев, Алдобаев, Алферов, Астахов, Грицанфи, Попов, Абдулаев, Запорожец, Китайгородский, Ковтун, Марченко, Макадзюба, Панфилов, Смирнов, Соколов, Трофимов, Швымер, Шумилов, Верещагин, Глухов, Коган, Дроздов, Матюшин и я торжествовали: врага можно бить!

Внимательно наблюдавший за обстановкой лейтенант Новожилов предупредил:

— Внимание! Фашистские танки подходят к косо-
гору.

Мы понимали, что танки — это не мотоциклы. Так легко с ними не разделаешься. И готовились к встрече. Курсант Абдунаби Абдукаимов обратился к лейтенанту Новожилову и попросил разрешить ему попробовать по бронецели бутылки с горючей смесью. Но не из окопа, а с дерева. Объяснил при этом: вражеские танкисты, как правило, ведут наблюдение за окружающей местностью. Им в голову не придет смотреть на деревья.

Лейтенант Новожилов согласился с предложением, и группа курсантов в составе Абдукаимова, Щербакова, Киселева, Безбородова, Бобровского, Мельника и еще нескольких человек с противотанковыми гранатами и бутылками с горючей смесью пробралась по полотну железной дороги к опушке леса.

Первым поднялся на дерево Николай Киселев. Покошачьи стремительно и осторожно забрались на деревья остальные курсанты.

Вражеские танки шли, не замечая опасности. Как только они поравнялись с деревьями, на которых затаились курсанты, в машины полетели гранаты и бутылки с зажигательной смесью. И тотчас же вспыхнули два первых танка. Следовавшие за ними машины остановились и открыли огонь. Загорелась третья машина. Вражеские автоматчики недоумевали: откуда на них обрушилась беда?

Улучив момент, навстречу танкам поползли курсанты-смельчаки. Это были Петр Костиков, Леонид Дмитриев, Сергей Дубов, Николай Ивакин, Федор Жаплов, Александр Коренев, Иван Бунин, Василий Жиряков, Николай Журавлев, Георгий Демин, Василий Деркач, Иван Сериков и Иван Сенчихин. Используя складки местности, они подбирались к врагу на бросок гранаты и пускали в дело «карманную артиллерию». На помощь истребителям танков и автоматчикам подошла новая группа курсан-

тов. В их числе — Пантелей Гайворонский, Семен Власко, Николай Биляминов, Александр Ануфриев, Иван Белов, Леонид Андреев, Геннадий Бердов, Сергей Кривченков, Яков Маслянников, Сергей Мушинский. Бой был жестокий, не на жизнь, а на смерть.

— Некоторым вражеским машинам все же удалось пробиться на позиции батальона,— стал рассказывать герой этого боя, бывший курсант 6-й роты Василий Федорович Рипчанский. — Из только что проутюженного окопа в танк полетела связка гранат, брошенная Борисом Средняковым. Машина с перебитой гусеницей закружилась на месте. Пламя заплесало на соседнем танке.

Не ожидая столь ошеломляющей встречи, фашисты, как нам показалось, несколько растерялись. Их автоматчики начали отходить, оставляя танки без прикрытия. В это время меткие стрелки курсанты Василий Осадчий, Николай Голубев, Семен Сопига, Николай Дронцов, Матвей Гаранин, Алексей Бас, Иван Новиков, Дмитрий Сапрыкин, Валентин Достовалов, Андрей Найда, Борис Маленкин, Николай Беречинсков, Иван Дедюра брали на прицел непрошенных гостей.

Загорелся уже седьмой танк. Успех явно на стороне обороняющихся. Закрепляя его, над окопами прогремело мощное «ура». Курсанты выскочили из укрытий и бросились преследовать вражеских автоматчиков.

У всех на глазах Семен Коваленко вскочил на вражеский танк и с невероятной жесточечностью стал колотить прикладом винтовки по пулеметному столу. Потом, подцепив люк, умудрился открыть его. И вот он уже тащит за шиворот обезумевшего фашиста. Из люка валит дым — вот, оказывается, почему приоткрылся люк.

Коваленко что-то кричит, но его голоса не слышно в суматохе. Вот он жестаи показывает в сторону деревни.

Находившийся поблизости курсант Борис Средняков взглянул по направлению жеста. Там он увидел застывшую в развороченной земле легковую машину. Она буксовала, сляясь вылезти из воронки. Прихватив с собой курсантов Степана Семенца и Александра Чернышова, Средняков бросился к машине. Из нее пытался выбраться грузный фашист с пистолетом в одной и портфелем в другой руке. Сильный удар прикладом, и фашист падает на землю. Еще мгновение, и курсанты сталкивают гитлеровца в придорожную канаву, по кото-

рой тащат пленного в тыл. Чернышов, Пасько, Можейков, Папуша, Сергей и Александр Назаровы прикрывают их огнем. Оглушенный гитлеровец упирается, выкрикивает какие-то слова.

Постепенно стрельба затихает. На КП тем временем идет допрос фашиста. Он оказывается важной птицей. В его портфеле найдены ценные штабные документы...

— Молодцы, ребята! — хвалит курсантов капитан Николай Терентьевич Малышев.

Наступила небольшая передышка. Ее использовали для подготовки к новым схваткам с противником. Командиры разобрали действия подчиненных, отметили отличившихся. Комиссар батальона старший лейтенант Данилин сообщил по окопам, что обороной Красногвардейска руководит товарищ К. Е. Ворошилов. Курсантам-ворошиловцам это известие было очень приятно. Оно воодушевляло их на новые подвиги.

Не теряли зря времени и гитлеровцы. Они наращивали силы для овладения Красногвардейском. То на одном, то на другом направлении враг вел разведку боем. И вот уже снова на позиции курсантов двинулись танки с автоматчиками на броне. Они явно намеревались расчлнить нашу оборону на части.

Не дрогнули пограничники. Они встретили врага гранатами и бутылками с горючей смесью. Все ближе к окопам курсантов Ивана Довганюка и Николая Джевадова, Виктора Савченко и Николая Шмарова, Гавриила Быкова и Николая Дейнекина вражеские танки. Уже отчетливо видны пулеметы, изрыгающие огонь. Еще мгновение — и под гусеницы машин летят гранаты, а в люки — бутылки с горючей смесью.

Николай Джевадов попытался подняться во весь рост и тут же упал. Затем снова поднялся и сделал несколько шагов вперед. Его гимнастерка залита кровью. Левая рука висит на какой-то тоненькой жилке. Джевадов рванул то, что было только что его живой рукой, и, раскрутив как палку бывшую часть своего тела, с остервенением бросил ее в фашистов. И рухнул на землю...

Отбив вражескую атаку, курсанты, военные фельдшера Зеленина и Стаханова бросились подбирать с поля боя раненых товарищей. Бережно принимает пострадавших врач Михаил Петрович Иванов. Срочная помощь оказывается Петру Кретину, Михаилу Ардашеву, Виктору Бобылькову, Степану Федорову, Петру Жигулину, Алексею Князеву, Лаврентию Лукашеву, Петру Мухину, Ивану Орлову, Михаилу Чернецову, Петру Ващеву.

На плащ-палатке с шинельной скаткой под головой лежит Михаил Самарин. Он ранен в ногу. Над раненым колдует курсант Абдунаби Абдукаимов.

— Потерпи, дружок,— уговаривает он товарища.— Сейчас перевяжем и легче будет. Ходить будешь, бегать будешь...

Самарин понимал обстановку и не собирался покидать боевой строй. И весьма кстати. В очередной схватке долговязый гитлеровец бросился на политрука роты Лихваря. Штык Михаила Самарина вовремя пригвоздил врага к земле. Политрук был спасен от неминуемой гибели.

В очередном бою Михаила ранили в руку. И снова он отказался от эвакуации в госпиталь. Запальчиво ответил врачу Иванову:

— Ребята имеют более серьезные ранения, а продолжают воевать. А я чем хуже их?

Получив третье ранение, Самарин в бессознательном состоянии был вынесен из-под огня. Жизнь еле теплилась в нем.

Рядом с Самариным сражался в этом бою курсант Василий Кочкин. В училище он прибыл из Сахалинского ордена Ленина пограничного отряда. Воевал Василий мужественно: с гранатами шел на танк противника. Во время одного из боев Кочкина ранило и контузило. В бессознательном состоянии попал он в плен к гитлеровцам. Забегая вперед, скажу, что пытки не сломили Кочкина. Он не прекратил борьбы с врагом. За попытку бежать из лагеря фашисты бросили его в Освенцим, а затем в Бухенвальд. Василий установил связь с подпольной антифашистской организацией, принял самое активное участие в подготовке побега из лагеря. Позже он стал политруком роты советских войск. Документы лагерного подполья послужили свидетельством удивительной духовной стойкости этого человека. Он был награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями. В 1968 году французское Национальное общество участников Сопротивления и патриотов разыскало героя и прислало бывшему узнику Бухенвальда Василию Георгиевичу Кочкину приветствие и памятный брелок. На брелоке выгравированы слова Луи Арагона: «Пусть это всегда напоминает о том, как человек, который должен пасть, своим мужеством и самоотверженностью сохранил имя человека».

Не посрамили в борьбе с врагом звание советского воина друзья Василия Кочкина. Хочу назвать здесь име-

на особо отличившихся в тех боях. Это курсанты Иван Романов, Федор Исаев, Владимир Акимов, Василий Старостин, Павел Кадошников, Василий Гетманский, Савелий Белоус, Петр Ветюгов, Андрей Гуреев, Иван Стародумов, Михаил Алешенков, Матвей Быковский, Гавриил Бабарицкий, Василий Жарков, Баграт Григорян, Андрей Леонов, Михаил Маркин, Яков Леонов, Михаил Янкин, Василий Сизов, Петр Изосимов, Иван Сержантов, Николай Самойлов, Михаил Новожилов, Павел Усенко, Леонид Головин, Михаил Бондаренко, Георгий Смирнов, Николай Тяжкороб, Азрет Жанцев, Василий Паневин, Александр Пизов, Григорий Григорьянц, Борис Макуха, Иван Денисенко, Георгий Ткачев, Федор Манин.

О событиях на этом участке фронта 20 августа 1941 года в официальной сводке говорилось: «...в результате этого боя было взорвано и сожжено шесть средних танков противника, убито семь офицеров, один генерал, взято у убитых и найдено на поле боя 12 офицерских портфелей, сумок с картами, два пулемета, много автоматов, винтовки, пистолеты, гранаты, патроны и прочее...»

Участники сражения возле деревни Борницы 20 августа 1941 года прибыли на открытие памятника из разных мест Советского Союза через много лет. Но память каждого из них хранила мельчайшие подробности мужественной схватки с врагом. И митинг превратился в своеобразный, на десятки лет запомнившийся отчет перед жителями селения и ленинградцами о выполнении воинов своего долга перед Родиной.

ВАСИНА ФОТОГРАФИЯ

Далее предстояло возложение венков к подножию памятника. К этой скорбной церемонии стали готовиться все: музыканты продували инструменты, группировались ветераны и родственники погибших, кучками собирались школьники и местные жители. Расправлялись ленты на венках, приводились в порядок букеты цветов.

И вдруг пронзительный женский голос, нарушивший только что установившуюся тишину:

— Подождите, пожалуйста, дайте мне несколько слов! Пожалуйста, ведь я так долго ждала этой минуты!

К возвышению, на котором находились организаторы митинга, сквозь толпу протискивалась смущенная и возбужденная женщина средних лет — полевод отдела

ния «Борницы» совхоза «Гатчинский» Анна Ивановна Михайлова. По всему чувствовалось, что она очень волновалась и хотела сообщить что-то важное. Оказавшись в центре внимания, она не могла спокойно говорить и, хотя ее никто не перебивал, бесконечно повторяла: «Подождите, подождите, дайте сказать!..» Подняв высоко над головой пожелтевшую от времени чью-то фотографию, она попросила:

— Всмотритесь, пожалуйста, хорошенько. Ведь это должен быть кто-то из ваших. Я подобрала ее в окопах после тех боев. И вот хранила весь долгий период оккупации и после войны, намереваясь передать фотографию героя матери, жене или детям.

Ветераны взглядом впились в фотографию. Каждый из них силился припомнить фамилию молодого человека. В это время раздался новый пронзительный крик.

— Вася, Вася! Да ведь это же твоя фотография!— плача, прокричала другая женщина — Валентина Павловна, жена бывшего курсанта 7-й роты Василия Дмитриевича Поддубного, прибывшего на митинг из Полоцка.

Присутствовавшие на церемонии буквально замерли. Ничего подобного ни один из них не мог предположить. Люди расступились, образовав коридор от Анны Ивановны Михайловой к Поддубному. А он, узнав себя на снимке, но еще не осознавая, что произошло, шел к Анне Ивановне с раскрытыми объятиями. Еще минута — и он крепко обнял ее, все еще находившуюся в состоянии оцепенения.

Наконец, желая внести ясность, не стесняясь мужских слез, Василий Дмитриевич Поддубный проговорил:

— Это действительно моя фотография. В 1941 году в Петергофе, на Красном проспекте, я сфотографировался, намереваясь послать снимок родителям. Но не успел этого сделать, так как пришлось срочно убыть на фронт. Под Борницами я получил ранение и был вытасчен с поля боя, а шинельная скатка и полевая сумка остались на дне окопа.

Почти шепотом, потрясенная, все еще держа за руку Поддубного, Анна Ивановна произнесла:

— Как мне тяжело, и в то же время мое сердце переполнено радостью. Уж чего-чего, но я никак не ожидала вручения фотографии ее хозяину. А раз получился такой счастливый конец, хочу спросить вас: не знаете ли вы чего-либо о кучерявом курсанте, приходившем в деревню за лопатами и взявшем в плен в нашем доме

гитлеровца? На мой вопрос тогда: «Как тебя зовут?» — он, выводя фашиста с тряпкой во рту, уже в дверях с улыбкой сказал: «Называй попросту Гришкой...»

И, как по команде, все прибывшие на митинг Григории шагнули вперед. Но не для того, чтобы сказать: «Это я», а для того, чтобы поблагодарить женщину за память о их бое под Борницами.

Не скроем, что случившееся произвело неотразимое впечатление на всех, в том числе и на руководителей митинга Василия Ивановича Злыгостева и Сергея Никифоровича Бондаренко и самого Антона Афанасьевича Золотарева.

Митинг закончен. Под звуки траурной мелодии к подножию памятника легли венки и цветы. Порядочно уставшие ветераны отправились в обратный путь, унося с собой добрую память о жителях Борниц и организаторах митинга, давших им возможность встретиться на местах былых боев.

Подъезжая к окраине Гатчины, сын курсанта Михаила Янкина прошептал отцу: «Скрытный ты у нас человек, папа. В таких переделках был, а все молчал и не рассказывал нам о том, где и как сражался с врагом. А чем, собственно, примечательна Гатчина, почему гитлеровцы так старались ее захватить?»

В тон сыну и так же шепотом ветеран пытался ответить несколькими словами, но сын попросил: «Ты подробнее расскажи, время есть — путь далекий».

Бывалому солдату пришлось согласиться, и он начал свой рассказ, который сначала слушали сын и рядом сидевшие. Затем находившийся впереди Виктор Чаплыгин, уловив доносившиеся до него слова, попросил: «Ты давай, Миша, погромче говори, для всех. Интересно рассказываешь. Хотя и воевали мы здесь, и кровь свою пролили, но ничего толком о городе не знаем».

Ветеран нялж просьбе товарищей. И теперь его слушали все, временами перебивая и уточняя памятные детали минувшего.

— Гитлеровцы начали бомбить Красногвардейск примерно в те же дни, когда мы вели бои на подступах к этому городу, — вспоминал ветеран. — А вот фашистские танки появились на его окраине только девятого сентября тысяча девятьсот сорок первого года, когда мы уже ушли из-под этого города. Хозяйничали гитлеровцы в Красногвардейске до января тысяча девятьсот сорок четвертого года, до снятия блокады Ленинграда. Многим из нас пришлось участвовать в тех боях. Сража-

ясь за город, мы понимали, что прикрываем Ленинград, что Красногвардейск (ныне Гатчина) — это важный узел железных и шоссейных дорог.

Рассказ Янкина захватил слушателей, и время пролетело незаметно. Автобусы уже ехали по улицам Ленинграда...

РАССКАЗ О ПЕРВОЙ РАЗВЕДКЕ

Прошли годы после открытия памятника пограничникам в Борницах. За этот период удалось разыскать еще 386 однополчан-ворошиловцев и 555 семей погибших курсантов и командиров. Обремененные солидным грузом лет, бывшие воины, несмотря на раны и пережитые испытания, продолжали трудиться на благо Родины и никак не соглашались называться находящимися «на заслуженном отдыхе». Правда, некоторые из бывших пограничников оказались прикованными к постели, но и в этом случае каждый из них старался по возможности помочь в воссоздании боевой истории училища. Их воспоминания прояснили многие подробности официальных сводок.

Много интересного, например, удалось узнать, найдя курсанта 8-й роты Енина. Отыскав его адрес, я поехала к нему. Встреча с ним была необычной.

— Вы опоздали,— скорбно сказала мне его жена Нина Алексеевна.— Петр в беспамятстве и вряд ли сможет вам чем-либо помочь. Впрочем, я иду в госпиталь к нему, могу и вас с собой взять.

Петр Павлович приподнялся на койке:

— Догадываюсь, зачем вы пришли, Вера Михайловна. Ваше письмо жена мне прочитала, и, по правде говоря, я немного ожил, радуясь, что не забыли нас.

Ветеран перевел дух, отдышался. Глаза выдавали его страдания. Пересиливая боль, он продолжал:

— Попробую вспомнить о первой разведке, в которой я был старшим группы. Это было, по-моему, семнадцатого августа сорок первого года, когда нас выбросили в район деревни Хюльгизи. Было это ночью. Пробирались мы опушкой леса. На рассвете столкнулись с противником и вступили в бой, хотя нам и не полагалось делать этого. Мы должны были, разведав противника, вернуться в свое расположение и доложить о результатах. Но гитлеровцы обнаружили нас и открыли огонь. Затем группа гитлеровцев бросилась на нас.

Петр Павлович замолчал, и я испугалась, что на этом его рассказ закончился. Через несколько минут больной снова заговорил:

— Неожиданно появился фашистский танк. Обстановка усложнилась, но мои помощники не растерялись. Как сейчас помню, сразу пятеро смельчаков — Петр Панасенко, Виктор Дунаенко, Борис Хаскин, Александр Барбашов и Даниил Солдатенко, никогда до того не вступавшие в борьбу с вражескими танками, решительно бросились с гранатами на стальную громадину. Помню, как один из них крикнул: «Держись, братва! Мы сейчас его прикончим!» И действительно, через какую-то минуту курсанты забросали танк гранатами. Разворотили ему гусеницу. Потеряв танк, гитлеровцы заметались. Но их огонь не стихал. У нас появились раненые — Сергей Лукинов, Иван Бекетов, Василий Косматых, Иван Самахов, Федор Третьяков. Забрав у них оружие, курсанты Дементий Гавриленко, Леонид Кондратьев, Александр Петров помогли товарищам добраться до роты, а Георгий Скларов, Николай Старцев, Александр Бровкин и Алексей Бережной прикрыли их от врага.

Петр Павлович снова тяжело вздохнул и повернулся к стене...

А через несколько дней ветераны училища проводили Петра Павловича Енина в последний путь.

После выхода в свет книги о пограничниках «Все мои братья» ко мне стали приезжать многие бывшие курсанты. Однажды под вечер я открыла дверь очередному такому посетителю. Прямо с лестницы он доложил:

— Бывший курсант шестой роты ворошиловцев Григорий Мачков, жив и здоров. Здравствуйте и разрешите переступить порог.

Я не удивилась его визиту и радовалась, что с его помощью смогу воскресить еще одну страницу боевой истории училища. И уже собиралась засыпать Мачкова вопросами, но он опередил меня:

— От всех живых ворошиловцев спасибо вам, Вера Михайловна, за книгу. Жаль только, что о боях на станции Елизаветино, в Елизаветинском парке и возле деревни Хюльгизи ничего в ней не сказано. А ведь они были для нас первыми и унесли из наших рядов многих товарищей. Небезынтересен для истории эпизод с захватом пленного в подвале и с квартирными в Борницах.

— Господи, — вырвалось у меня, когда я увидела сидевшего передо мной выдавшего виды ветерана. — Так это вы? Так значит это о вас на митинге вспоминала

хозяйка того дома, где взяли в плен гитлеровского солдата?

До поздней ночи продолжалась наша беседа, в ходе которой выяснились подробности событий тех фронтовых дней, не упомянутых в книге. Григорий Иванович удивлял меня отличной памятью и мельчайшими подробностями произошедшего в те тяжелые для Отчизны дни.

Мы искали Григория Ивановича Мачкова на его родине в Одесской области, а нашли в Ленинграде, среди строителей. Двадцатидвухлетним коммунистом, заместителем политрука и отличником боевой и политической подготовки прибыл Мачков в училище после более чем двухлетней службы на южной границе. Как и остальные курсанты, Григорий стремился стать хорошим политработником и старательно осваивал военные и политические знания.

Казалось бы, все шло хорошо. Но... началась война, и Мачков все чаще задавал себе вопрос: как же так, народ воюет, льется кровь, враг топчет родную землю, а он, Григорий, полный сил, умеющий владеть оружием, сидит за партой и изучает, как воевал Александр Македонский? Правильно ли это, не на фронте ли его место?

Многие, не сумев подавить сомнения, подали рапорта с просьбой направить на фронт. Командованию и партийно-политическому аппарату училища пришлось много поработать, чтобы, не оскорбляя патриотических чувств молодых людей, тонко и вразумительно объяснить им, что фронту необходимы подготовленные командно-политические кадры.

Учеба продолжалась. Однако в учебный процесс была внесена коренная перестройка, а затем, когда потребовалась обстановка, учеба из классов была перенесена на поля сражений с врагом, и желания курсантов совпали с настоящей необходимостью, вызванной войной.

По приказу командования Северного фронта 2-й батальон Ново-Петергофского военно-политического училища был спешно переброшен за Красногвардейск и занял рубеж обороны возле железнодорожной станции Елизаветино, в деревнях Алексеевка, Пульево, Дылицы и Хюльгизи.

— Помню, примерно в девятнадцать часов с минутами семнадцатого августа, — рассказывал Григорий Мачков, — наша рота вошла в деревню Пульево. Жители встретили нас приветливо. Особенно рады нам были мальчишки. Они крутились возле нас, как пчелы, и ста-

рались выполнить каждое наше поручение. Подростки постарше показали, где находится сельский клуб, рассказали, что молодежь их деревни очень любит бывать в нем. Мы тоже были не прочь потанцевать с красивыми девушками, но дальше желания дело не пошло. Не успели мы как следует осмотреться, раздалась команда приступить к оборудованию оборонительного рубежа.

Я закончил определенную мне работу и собирался выкупаться в пруду. В это время был вызван к лейтенанту Еремину, взводному командиру, а через несколько минут вместе с курсантами Павлом Афониним, Андреем Нароккой, Иваном Сибенковым, Сергеем Бойко и Иваном Бабаковым уже шагал в составе дозора в сторону Волосова. Нам поручили уточнить обстановку. Соблюдая меры маскировки, мы проследовали до шоссе Красногвардейск — Кингисепп. Одолевали комары. Они буквально жалили наши потные шеи и лица. В комарином царстве мы прошли километров десять-одиннадцать. Временами останавливались, вслушивались в ночь, но ничего подозрительного не отмечали. Стороной обошли Кикерино и приблизились к Волосову.

Лаяли собаки, да монотонно гудели телефонные провода. Казалось, что всюду тишина и покой, а война где-то не рядом. Невольно вспомнились дозоры на границе. Там было все ясно: рядом сопредельная сторона либо бескрайнее море. Здесь же кругом родная земля, а мы маскируемся, прислушиваемся. Почему? В голове проносились мысли об оккупированной Украине, Белоруссии, захваченной врагом ленинградской земле...

Через некоторое время повернули назад, так и не встретив ни одного человека. Вдали показалась станция Елизаветино. Было начало пятого часа утра. Вдруг что-то заставило нас остановиться и оглянуться. Со стороны Волосова послышался шум моторов. Он нарастал и приближался, а через десяток минут мы увидели броневик, мчавшийся к станции Елизаветино. Примерно в пятистах метрах за ним следовала колонна автомашин, набитых пехотой. Она поравнялась с нами и проследовала дальше. Сомнений не было: гитлеровцы. Смерч войны уже накатился на гатчинскую землю.

Оставив Павла Афонина и Андрея Нароку наблюдать за врагом, я с остальными курсантами бросился к своей роте в деревню Пульево. Доклад командиру был кратким: враг вот он, рядом. В Алексеевку к командиру пятой роты дополнительно к телефонному сообщению были посланы связные Тохакохов, Пахолка и Кадыров.

Я увидел командира батальона капитана Золотарева. Он был взволнован. Вскоре рота рвавшихся в бой курсантов слушала четкие слова боевого приказа, в котором говорилось, что противник силою до двух батальонов с танками проследовал к станции Елизаветино и выслал разведку в сторону Красногвардейска. наших частей ни справа, ни слева нет. Первый батальон курсантов нашего училища действовал у нас в тылу на Кингисепском шоссе. Пятая рота должна была атаковать врага в направлении станции Елизаветино одновременно с нашей, шестой ротой. Наша задача состояла в том, чтобы внезапной атакой нанести противнику возможно больший урон в живой силе и технике, деморализовать его и заставить задержаться на рубеже станции Елизаветино. Капитан Золотарев так и сказал: «Надо вихрем налететь на гитлеровцев, как можно сильнее побить их и так же стремительно оторваться от врага».

БОЙ У ЕЛИЗАВЕТИНО

Рота выдвинулась к западной окраине станции Елизаветино и сосредоточилась для броска через шоссе и железнодорожный путь. Оставленные для наблюдения за противником курсанты Афонин и Нарока с возмущением докладывали помощнику начальника штаба батальона по разведке капитану Стуленькову Владимиру Михайловичу, находившемуся в нашей роте: «Вражеские солдаты как только заскочили на станцию, так сразу же по домам побежали. Ценности, видать, ищут. Охраны никакой не видно».

Потом гитлеровцы бросились в парк, заметив там большое здание с пристройками и церковь. В прудах парка жили лебеди. Фашисты немедленно устроили на них охоту.

По распоряжению командира батальона курсанты перекрыли входы и выходы из поселка, за исключением дороги в старый парк.

— Со мной вместе, — рассказывал Александр Шашков, — действовали курсанты Федор Квочка, Александр Якименко, Михаил Ардашев, Григорий Стрижак, Михаил Осадчий, Иван Рахманин, Владимир Шулипенко, Василий Макшаков, Дмитрий Чередниченко, Петр Субботин, Федор Блинов и Борис Морозовский. Мы наступали со стороны деревни Алексеевка и столкнулись с противни-

ком, потрошившим станционные склады. Завязалась ожесточенная перестрелка. Засевшие в домах и сараях гитлеровцы отстреливались. В это время раздался призыв курсанта Александра Якименко:

— Ребята, смотрите в оба! Каждое укрытие используйте! Лоб под пули фашистов не подставляйте!

Курсанты настойчиво продвигались вперед. Якименко, а с ним Дмитрий Баев, Александр Денисов, Михаил Коновалов, Иван Панченко, Григорий Береза, Сергей Рябков, Иван Никитин, Александр Балашкин, Федор Эткало, Павел Швандарь, Михаил Елизаров, Салих Душанбаев, Петр Кулаков, Григорий Ромашкин, Василий Ушаков, Анатолий Акимов, Иван Зацепин и Федор Бозин уже прорвались на станцию.

Курсант Федор Квочка, двигаясь впереди группы курсантов, заскочил в сени стоявшего на пути дома и столкнулся с гитлеровцем, выносившим из комнаты охапку награбленного добра.

— Ах ты, вражина, грабитель проклятый! — Квочка всадил в него нож. Гитлеровский солдат упал, а Федор, ринувшийся дальше, так рванул дверь, что она соскочила с петель. Стреляя из трофейного автомата, только что снятого с убитого, он вместе с товарищами пристрелил еще трех гитлеровцев.

Перепуганные хозяева дома, загнанные гитлеровцами за печку, сообразили, кто расправился с их обидчиками. Срывающимися голосами они поспешили предупредить Квочку и других курсантов, что немцы, видимо, есть в кладовке и в подполье. И со двора доносилось отчаянное кудахтанье кур.

Перестрелка шла во всех пристанционных постройках. Группа пограничников, руководимая старшим политруком Зотом Алексеевичем Самохваловым, начальником штаба батальона, окружила большой сарай, в котором укрылись фашисты.

— Бросай оружие! — громко крикнул на немецком языке Петр Данилов. Ответа не последовало. Тогда Самохвалов приказал открыть по сараю огонь. Раздался залп, второй, третий... Из сарая прогремели ответные выстрелы. Потом потянуло дымом, появились языки пламени. Еще несколько секунд — и из ворот стали выскакивать задыхавшиеся от дыма оккупанты. Однако они не сдавались, а наоборот, усилили автоматный огонь.

— Ах вы собаки! — крикнул Квочка. — Всыплем им, ребята, по первое число!

Наши пули и штыки делали свое дело. Внезапный, ошеломляющий удар других групп пограничников заставил, наконец, фашистов спешно бежать в Елизаветинский парк, но и там им пришлось туго. Курсант Петр Данилов кричал им вдогонку: «Бросай оружие, быстрее, быстрее!»

Преследовавшие противника вместе со всеми два друга курсанты Иван Работягов и Александр Куба заметили в стороне от дороги, между домами, застрявшую автомашину. Возле нее находились немецкие автоматчики. Некоторые из них что-то делали. Александр крикнул другу: «Колесо, видать, меняют. Раз не бросили ее, значит, на ней что-то стоящее». Не раздумывая, курсанты тут же выбрали удобную позицию и, установив ручной пулемет, открыли огонь по гитлеровцам.

Бежавшие гитлеровские солдаты попали под наш фланговый удар. Около двухсот отлично стрелявших курсантов, выбирая цели, по команде старшего политрука Самохвалова внезапно обрушили огонь на врага. Результат превзошел ожидания: многие «завоеватели» нашли себе смерть, остальные беспорядочно убегали, подгоняемые курсантским ружейно-пулеметным огнем.

Завидев бежавших в безумном страхе своих солдат, ранее прибывшие в парк и забавляющиеся истреблением лебедей гитлеровцы мгновенно поддались общей панике. «Завоеватели» искали спасения под деревьями, у парковых построек, возле дворца и церкви. Некоторые из них, не добежав до Горбатого мостика, бросались в воду и по пояс в ней, подняв над головой оружие, увязая в иле, пытались укрыться на островах. Первым уже удалось преодолеть протоки, и, чтобы содействовать другим бежавшим, гитлеровцы вели огонь с островов, пытаясь отсечь преследовавших пограничников.

— На берега прудов не выходить! — предупредил возбужденных товарищей курсант Василий Пекленков. А нас и предупреждать не нужно было, так как сами хорошо видели гитлеровцев, притаившихся в прибрежных зарослях. Курсанты Алексей Фомин, Евгений Кезиков, Григорий Боярский, Ипат Фадеев, Николай Цыганков, Иван Тарасенко, Виктор Шмелев, Василий и Николай Шумаевы, Алексей Мостовой и Михаил Давидович, возглавляемые инструктором физподготовки училища лейтенантом Владимиром Дмитриевичем Офицеровым, бросились в прибрежные камыши и в считанные секун-

ды очистили берег в районе моста от укрывшихся там фашистов.

— Как прозевали враги наш бросок в камыши, понять не могу. Полагаю, что, перебегая с места на место, за берегом они не уследили,— вмешался в разговор Григорий Ромашкин.— В парке, в центральной его части, находится дворец. Длинное красивое здание посередине имело надстройку. Метрах в ста от дворца возвышалась церковь, а недалеко от нее — различные постройки из камня. И отступавшие, и преследовавшие их использовали строения для укрытия. Один из гитлеровцев даже втиснул себя в дупло сломавшегося старого дуба и из этого укрытия успел разрядить по нам автоматный магазин. Иван Пруцкий выследил врага, подкрался и прикончил его. Вытащив застреленного гитлеровца из дупла, Пруцкий сам воспользовался этой удобной позицией.

С прибывших в парк немецких автомашин доносились какие-то команды, но водворить ими порядок среди перетрусивших вражеских солдат не удавалось.

Наша рота приблизилась к церкви и взяла под обстрел все четыре входа в храм. Однако дальнейшее наступление приостанавливалось. Гитлеровцы, опомнившись, открыли по нам довольно плотную стрельбу из всех видов стрелкового оружия. Много неприятностей доставлял нам вражеский пулемет, установленный на колокольне. У нас появились убитые.

Для решительного штурма каменной церкви необходимо было хотя бы одно орудие. Но, увы, его у нас не было. Ручными гранатами и бутылками с горючей смесью мы не достигали цели: все попытки подобраться к церкви на дистанцию гранатного броска оканчивались гибелью смельчаков. И несмотря на это, нам нужно было во что бы то ни стало срочно развить наметившийся успех. Промедление было недопустимо, так как на помощь врагу со стороны станции Елизаветино уже спешили два танка...

Группе курсантов в составе Митрофанова, Стороженко, Туйкова, Иноземцева, Татарченко, Силина и Жарко удалось проскользнуть между дворцовыми постройками и встретить танки. Несколько бутылок с горючкой и связки гранат полетели в двигавшиеся по дороге машины. Они загорелись. Воспользовавшись замешательством врага, курсанты Александр Коренев, Иван Довганюк, Иван Пугачев, Иван Левченко и Иван Санников по веранде и водосточным трубам попытались забраться

на крышу дворца. Заметь их гитлеровцы — и смельчакам был бы конец. Но этого не случилось. Изодрав руки в кровь и поминутно рискуя упасть, бойцы выбрались на крышу, прихватив с собой ручной пулемет. Маскируясь за выступами кровли и печными трубами, пограничники выследили фашистов, засевших на колокольне, и расправились с ними.

Пулемет на крыше дворца оказался весьма кстати в борьбе с группами врага, спешившими в парк со стороны станции Елизаветино. Казалось, что уже теперь ничто не препятствует нашей атаке на гитлеровцев, засевших в церкви. Но как только курсанты поднимались на штурм, их снова прижимал плотный огонь из окон храма и с острова на большом парковом пруду. Обстрел с острова был особенно губительным. Бой затягивался. Это не входило в наши планы, но и выход из боя без полного разгрома противника нас не устраивал. Все понимали, что с минуты на минуту враг может разобратся в обстановке и тогда нам придется туго: он превосходил нас числом.

Оценив обстановку, командир взвода лейтенант Иван Васильевич Богатырев приказал курсантам усилить огонь по противнику, находившемуся в церкви. Стрельба с острова также на какие-то секунды уменьшилась. Этим и воспользовался командир взвода 5-й роты лейтенант Алексей Георгиевич Петров. С группой курсантов — Фроловым, Уфимцевым, Пукаловым, Мачковым, Изюминым, Каркавиным, Слободченко, Железниченко, Токобаевым, Крыловецким, Амзиным, Гридневым, Еремеевым и Евстюшкиным — он сумел с ходу проскочить по Горбатову мостику на занятый врагом островок и завязал бой с засевшим там противником. За первой группой курсантов туда последовали другие.

Гитлеровцы поняли трудность положения, в котором они оказались. Несколько солдат попытались сбежать с острова на прогулочной лодке. Но этому помешали курсанты Афонин, Евстафьев, Бутенко, Бобринев, Слыненко, Труфанов и Макадзюба. Они открыли по беглецам огонь, а чтобы не дать им спастись, Павел Афонин бросил в лодку гранату, которая, взорвавшись, разнесла в щепки посудину. Оказавшихся в воде гитлеровцев курсантские пули отправили к их праотцам.

Все это усилило панику в рядах противника, заставило его искать какой-то спасительный выход. Заметив на берегу протоки перевернутые лодки, фашисты устремились к ним. Но и тут пограничники были начеку. За-

маскированные за лодками курсанты Михаил Козин, Петр Матвеевко, Ефим Петров, Евгений Овчар, Михаил Пешков и Петр Федоренков подпускали гитлеровцев почти вплотную и расстреливали их в упор. Передние гитлеровцы падали, а напиравшие сзади, не понимая в суматохе, откуда им грозит опасность, все лезли и лезли к засаде.

От курсантов требовалось большое умение, чтобы бить многочисленного врага, не слишком обнаруживая себя. Они выдержали это испытание, расчетливо использовали свои ограниченные боеприпасы. Полностью и в короткое время выбить врага с острова было трудно. Мешали деревья, кусты и приближавшиеся сумерки. Фашисты хотя и пытались, но огрызались. Враг вел по нам огонь, не жалея боеприпасов. Курсанты прилагали все свое умение приспособливаться к местности, и все же то один, то другой боец получал ранение или падал, сраженный вражеской пулей.

Прошло еще немного времени, огонь врага стал ослабевать. Видимо, у гитлеровцев кончались боеприпасы. Да и у нас патроны уже давно были на исходе. И вот руководимые инструктором физподготовки лейтенантом В. Д. Офицеровым курсанты пошли в штыковую. Послышались стоны поверженных врагов. Со всей силой курсанты работали трехлинейками. Участь сопротивляющихся была почти решена.

Курсанту Ивану Работягову пришлось вести борьбу с несколькими гитлеровцами одновременно. Дрался он умело. Казалось, что он уже разделяется с последним врагом, когда на него налетел неизвестно откуда взявшийся коренастый солдат противника. Фашист неожиданно нанес удар штыком в левую часть груди Работягова и свалил его с ног. Падая, Иван инстинктивно схватился за мелькнувший штык и потянул его на себя, не ощущая боли от глубоких порезов пальцев рук. Вражеский солдат не удержался на ногах и выпустил из рук оружие. Подоспевший лейтенант Петров вовремя помог курсанту.

Иван Работягов, с благодарностью взглянув на командира, крикнул: «Спасибо, товарищ лейтенант! Век буду помнить вашу помощь!» А после боя курсант рассказал товарищам о том, что от фашистского штыка его уберегла чайная ложка, лежавшая в кармане гимнастерки. Ее, как боевую реликвию, полковник в отставке Иван Александрович Работягов хранит и по сей день.

Враг метался. Фашисты теперь хорошо понимали, что, забежав на островок, они оказались в ловушке, так как единственным выходом с него был узкий Горбатый мостик шириною примерно полметра. Это прекрасно понимали все, и потому Горбатый мостик крепко-накрепко был закрыт группой курсантов в составе Михаила Ганагина, Николая Казакова, Ивана Калытюка, Максима Клеща, Никифора Коломыйца, Трофима Кобзаря и Федора Крупа. Они прицельно, без промаха разили каждого гитлеровца, пытавшегося или уйти с острова, или перетащить на остров ящики с боеприпасами.

Политрук роты Федор Федорович Логинов, ведя бой, увидел, как один из гитлеровцев замахнулся ножом над только что упавшим тяжело раненым курсантом. Выпустив по нему очередь из автомата, политрук тут же решил собрать раненых под охрану и для оказания медицинской помощи. Вместе с курсантами Кулешовым, Макаровым, Цыгулевым, Мазаловым, Рябко, Назаренко и Сметанниковым он сам включился в эту работу.

Чувствовалось по всему, что курсанты почти сломили сопротивление врага. Однако до окончательного завершения разгрома гитлеровцев на острове было еще далеко: противник огня не прекращал. Эту обстановку лучше всех оценил лейтенант Петров. Чтобы избежать лишнего кровопролития, он потребовал от врага полного прекращения сопротивления. Гитлеровцы стрельбу прекратили, но из укрытия не выходили.

С прудов поднимался туман. Приближались сумерки. Лейтенант Петров дал курсантам команду не стрелять. Этим воспользовались немцы. Они стали перетаскивать своих раненых и убитых через Горбатый мостик, продолжая беспрерывно кричать: «Не стреляй, не стреляй!» Некоторые вражеские солдаты теряли равновесие и вместе с подопечными — ранеными или убитыми — срывались с Горбатого мостика в воду. Когда переправа завершилась и фашисты стали приходить в себя, они увидели результаты действий курсантов: возле моста и в воде виднелось множество трупов и корчившихся в муках, умиравших немецких солдат. Что ж, завоеватели получили по заслугам.

В наступавшей темноте раздались взрывы гранат. Это курсанты Алексеенко, Андреев, Кононенко, Андрианов, Лиников, Ефимов, Фисунов, Гайнутдинов, Попенко, Плющ и Прибасный блокировали церковь.

Бой на станции Елизаветино и в Елизаветинском парке запечатлен в документе, опубликованном в сборнике

«Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941—1945». В нем сказано: «В ночь на 18 августа 1941 г. нашей разведкой было установлено наступление противника двумя мотомехбатальонами дивизии «СС» и одним разведывательным танковым батальоном, движение которых было отмечено по дорогам Волосово — ст. Елизаветино и озеро — ст. Елизаветино. В 5.00 18 августа 1941 г. противник прорвал передний край обороны батальона, и завязался ожесточенный бой до 23.00 18 августа 1941 г. В результате этого боя было подбито и сожжено два танка противника...»

И все же противостоять численно превосходящему противнику курсанты не могли. Оправившись после внезапной атаки пограничников и подтянув свежие силы, гитлеровцы возобновили наступление. В 23.00 противник занял парк станции Елизаветино. По распоряжению полковника Роганова курсантский батальон отошел на другой рубеж обороны — Микино — Шпаньково и к 8.00 19 августа 1941 года закрепился на новых позициях. Курсанты приводили себя в порядок, пополнялись боеприпасами, доставленными снабженцами училища. Горячий обед в тот день был обычным, но запомнился потому, что фактически явился последним: в последующие дни батальону было не до обедов.

Возле Шпанькова батальон находился недолго. Потребовалось перекрыть дорогу на Красногвардейск. Северо-восточнее деревни Большие Борницы батальон прибыл в 7 часов утра 20 августа. Однако на новый рубеж пришли не все. Под Шпаньковым пришлось отражать атаки превосходящих сил врага. В бою погиб командир взвода лейтенант Пизов Александр Петрович, получили ранения пятнадцать курсантов, в том числе Иван Помыткин, Павел Демура, Николай Ковалев, Алексей Наумов, Иван Распопов, Владимир Хромов, Александр Чубаров, Леон Корытин, Николай Неровный, Иван Носков, Валентин Шестаков, Алексей Ельчищев, Василий Земляков, Дмитрий Недрянко, Константин Мишин, Михаил Швырев.

А КУРСАНТ НЕ СПЛОХОВАЛ

Бои в районе Борниц ожидались тяжелыми, и всем была понятна необходимость скорейшего создания здесь достаточно надежных инженерных сооружений. Для ускорения работ решили не ограничиваться штатным шанцевым инструментом, а позаимствовать у мест-

ного населения ломы и лопаты. Для этого командир роты старший лейтенант Останний направил в Борницы курсантов Григория Мачкова, Александра Платонова, Абрама Копыленко и Карама Рахманова.

Григорий Мачков рассказывает:

— Зная точно, что врага в деревне нет, мы смело вошли во второй от окраины дом. Нас приветливо, но настороженно встретили две женщины. Узнав о цели нашего прихода, одна из женщин вызвалась показать нам лопаты в хлеву и в сарае, посоветовала поискать инструмент в тех же местах в соседних домах. Из разговора женщин между собой мы поняли, что перед нами мать и дочь Анна.

Ребята ушли, а Анна тут же принялась хлопотать по хозяйству. Не успел я оглянуться, как на столе появился аппетитный завтрак. У меня аж слюнки потекли при виде деревенского угощения. Однако не успел я подойти к столу и отведать угощение, как услышал треск мотоциклетных моторов. Выглянул в окно и увидел три машины с вражескими солдатами. Откуда они появились, раздумывать было некогда. Две машины проехали в деревню дальше, а третья подошла к крайнему дому. Водитель медленно подвел мотоцикл к пруду и, соскочив с седла, стал мыть сапоги и машину. Другой солдат вылез из коляски и с автоматом на груди пошел в соседний дом. По всему чувствовалось, что гитлеровцы были совершенно уверены в своей безопасности.

«Мама, возвращаясь в дом, даже не заметила прибытия непрошенных гостей,— рассказывала при встрече Анна Ивановна Михайлова, выступавшая на митинге в Борницах.— Но, узнав о случившемся, засуетилась, закрестилась и запричитала, спрашивая у пограничника, что же теперь делать. Как сейчас помню, наш курсант не сплеховал.

— Спокойно, бабуся,— сказал он. — Возвращайтесь в сарай, как будто ничего не случилось, и скажите моим товарищам, что произошло. Пусть они не обнаруживают себя. И вы, бабуся, оставайтесь с ними.

Мать мигом посеменила обратно к сараю.

— А ты, Анна, давай топор,— приказал мне пограничник. Не догадываясь, для чего нужен топор, но и не рассуждая, я быстро принесла его из сеней. Пограничник в одно мгновение открыл люк в подвал и совершенно спокойно сказал:

— Как войдет немец, приглашай его к себе в комнату. В кухню не выходи. Да поприветливей все делай.

Парень нырнул под пол и, постучав немного топором, прикрыл за собой крышку. Тут только я поняла, что он стяжные клинья из нее выбил и таким образом «вольчью яму» устроил. Все это шло так поспешно, что я и осмысливать увиденное не успевала.

Послышался стук кованых сапог, и в кухню ввалился гитлеровец. Какие-то секунды он привыкал к свету, а увидев меня, заулыбался и на ломаном русском языке сказал, что подбирает дом для офицера.

Взяв себя в руки и изображая гостеприимную хозяйку, я с опаской жестом пригласила его в комнату. Дальше все произошло молниеносно. Гитлеровец шагнул вперед, тяжело наступил на крышку люка и провалился в подвал. От страха я чуть не закричала. Прошли минуты, а я все продолжала стоять, не решаясь сделать хотя бы шаг. Из-под пола слышались тяжелое дыхание, возня. Наконец появился пограничник, потный и грязный. Ничего не сказав мне, он выскочил из дома. «Вот тебе раз,— подумала я,— натворил дел и скрылся, а нам что теперь делать?»

Не успела я так подумать, как услышала гул мотоциклов и автоматную стрельбу. От страха затряслись ноги и пропал голос. Была мысль бежать и спрятаться, но задержал страх перед открытым люком. В это время в дом возвратились пограничники.

— Не волнуйся, Анна, все в порядке,— торопливо произнес смелый солдат. Можно было подумать, что курсанты такими делами не первый раз занимаются. А он продолжал: — Мы следов своих не оставляем. Вы только с бабусей держите язык за зубами.

Прижавшись к лежанке, я видела, как пограничники выволокли из подпола фашиста с тряпкой во рту и скрученными руками. Гитлеровца вытащили во двор. Забегав еще раз на кухню, этот рослый, кучерявый курсант вновь спустился в подвал и несколькими ударами топора поставил на прежнее место клинья люка.

— Ну, Анна, как и раньше все было. Полы-то малость водичкой смачни, а то напачкали мы тут. Выкинь все из головы. Ничего и никого тут у вас не было. А теперь будь здорова. Лопаты мы потом вернем,— произнес он, уходя.

Опомнившись, я выскочила вслед за ним и на ходу спросила: «А как зовут-то тебя?» Усмехнувшись, он ответил: «Называй попросту — Гришкой».

Пограничники исчезли. Все было пока тихо и спокойно. Я внимательно все осмотрела вокруг дома, но ниче-

го подозрительного не наша. Куда курсанты спрятали мотоциклы и трупы вражеских солдат, я до сих пор не догадываюсь. Спустя некоторое время возле нашей деревни начались страшные бои».

В том же сборнике документов «Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941—1945» сказано: «...21 августа 1941 года с 2.00 до 4.00 противник вновь открыл сильный артиллерийский и минометный огонь и к утру ввел новые силы и начал наступление, которое продолжалось в течение всего дня и ночи на 22 августа. 22 августа противник под сильным артиллерийским и минометным огнем также непрерывно атаковал батальон, но был каждый раз отбит нашими контратаками. Дорогу же на Красногвардейск батальон продолжал удерживать, и движения противника по ней не было...»

НА ТРЕТЬЕМ РУБЕЖЕ

Участник этого боя бывший курсант Иван Петрович Попенко рассказывает:

— На третьем рубеже, возле деревни Борницы, наш курсантский батальон бился уже вторые сутки. Бой шел непрерывно. Даже ночью противник стремился смять оборонявшихся. Примерно с двух до четырех часов ночи по нашим позициям били вражеская артиллерия и минометы. Всю ночь мы не сомкнули глаз, продолжая зарываться в землю. Мы понимали, что наше спасение в глубоких окопах и траншеях. Руки ныли от усталости, но работа не прекращалась. И даже вспыхивали шутки, от которых больше всего доставалось рослому Ивану Осияну: «Ну, а тебе, браток, придется до самого утра потрудиться, чтобы твой полный рост в землю спрятать. Давай поможем», — подзуживали его товарищи.

Привычку и умение окапываться привил курсантам начальник инженерной службы училища капитан Афанасий Георгиевич Теренин, получивший боевой опыт в Испании. В предыдущих боях мы израсходовали много боеприпасов, и теперь каждый больше мечтал о патронах и гранатах, чем о хлебе, которого у нас также не было.

Примерно к пяти часам утра вражеский обстрел несколько утих, и сквозь редкий вой мин мы услышали урчание автомобильного мотора, а вскоре и увидели фронтového труженика ЗИС-5, пробивавшегося в нашу сторону. Автомашина лавировала между воронками. На-

конец. она остановилась в расположении курсантских рот, паря радиатором. Из бывшей в свое время удобной, а сейчас с выбитыми стеклами и покореженными дверцами кабины буквально вывалился известный всем курсантам, старый знакомый из роты боевого обеспечения училища Петр Захарович Баранов. Вид его говорил сам за себя: трудно пришлось водителю. Не дав ему опомниться, курсанты обступили машину и, не дожидаясь команды, приступили к разгрузке бесценного груза.

— Ну молодец, Петр! Ну, удружил! С меня точно тяжелый камень свалился,— откровенно радовался прибитию машины с боеприпасами капитан Тимофей Дмитриевич Струценко, помощник начальника штаба батальона по снабжению.— Какой сюрприз нам преподнес! Ведь мы так нуждаемся в твоём товаре. Да тут и письма от родных! Ну герой, да и только!

— Как тебе и Петру Филиппову удалось к нам проскочить? — наперебой интересовались курсанты. — Дороги-то со всех сторон под обстрелом. И особенно за твоим грузом охота ведётся, сами видели, как ты ехал.

— Как только твой «старичок» дотянул, выдержал,— неслись со всех сторон одобрительные возгласы пограничников, не замечавших удрученного состояния Баранова.

— «Старичок»-то мой выдержал, не подвел,— отвечал Баранов.— В трудные минуты я все вас вспоминал. Сам заместитель начальника училища по МТО Семен Александрович Конников и ставший его помощником по жилищной части Василий Сергеевич Земсков не только приказывали, а очень просили как можно быстрее доставить этот груз, с большим трудом добытый ими на складах. Чтобы дорога покороче и безопаснее была, они мне даже схему маршрута набросали. Местность-то им знакомая. Можно сказать, ещё до войны на животе исползанная во время тактических учений с курсантами. Строго придерживаясь их маршрутной схемы, хоть и с приключениями, но довольно быстро добрался до вас. А вот товарища своего в пути потерял. Пришлось самому за руль сесть...

Поначалу мало кто понял, о чём говорит Баранов. А он, подведя курсантов к кабине и не говоря ни слова, показал на сиденье. В кабине, уткнувшись ногами в переднюю часть пола, полулежал младший сержант Василий Алексеевич Щербаков. Под ним запеклась лужа крови. Чтобы погибший не вывалился и не очень затруд-

нял действия водителя, шофер укутал его шинелью и подпер винтовкой с примкнутым штыком.

— Так вот почти полдороги и ехал с другом,— тихо рассказывал Баранов.— От Петергофа все хорошо шло. Просил меня Вася в обратный путь его не брать, а заменить кем-нибудь из раненых. Он очень хотел остаться с курсантами и повоевать как положено. Смелый был парень. Все успокаивал меня, а машину все ближе к лесной стороне обочины прижимал. Ругал фашистских летчиков, гонявшихся за нами. Я слушал Василия, а сам следил за воздухом. Вдруг полетели стекла, машину резко бросило в сторону. Я инстинктивно схватился за руль и скороговоркой бросил: «Вася, что с тобой?» Вместо ответа на мою руку полилась горячая кровь и повалился Щербаков. Он был смертельно ранен. Не раздумывая, я укутал его шинелью, подпер винтовкой и, не обращая ни на что внимания, погнал машину на максимально возможной скорости.

— Да, Петя, тут ничего не поделаешь. Похороним парня как положено. А ты родителям помягче опиши все как было,— успокаивал Баранова командир взвода Степан Игнатьевич Попиков.

В небе снова повис вражеский разведчик. Начался новый обстрел. Курсанты торопились с разгрузкой автомашины. Наконец боеприпасы были перенесены в укрытия, а в кузов машины курсанты укладывали раненых — Андрея Коротя, Василия Боровикова, Николая Сиренко, Петра Колюшева, Василия Фарафонова, Павла Левченко, Антона Лисового, Алексея Лысова, Федора Теплых, Александра Мартыша, Евгения Скроцкого, Александра Вазина, Ивана Голикова, Ивана Коблова и Василия Роганова, Михаила Колесникова и Василия Лужбина.

Баранов еще раз осмотрел своего побитого, но еще надежного «старичка» и запустил мотор. Чтобы выскочить из-под обстрела, он сразу дал машине большую скорость и вместе с инструктором политотдела Петром Петровичем Филипповым поспешил в обратный путь.

Не успела машина Баранова скрыться за поворотом, как с новой силой загрохотали взрывы вражеских снарядов и тяжелых мин. Глубокие окопы, соединенные траншеями, конечно, спасали личный состав от осколков. Но не от прямых попаданий. А гитлеровцы тем временем устремились в очередную атаку. Возникла опасность прорыва обороны батальона на участке 7-й роты. Ее политрук Иван Иванович Овчинников срочно собрал коммунистов.

— Положение, товарищи коммунисты, трудное. Только что отправили большую группу раненых, а уже снова немало выбывших из строя. Немец наносит ущерб главным образом из минометов. Его батарея находится между Борницами и Шпаньковом. Курсанты Андрей Чесноков, Григорий Грибков, Иван Овчаров и Зиновий Левин только что разведали ее местонахождение.— Политрук замолчал, как бы обдумывая, что сказать дальше.

— Да что тут думать? Взорвать ее надо, другого выхода нет,— взволнованно произнес курсант Семен Киселев. Но не успел он и рта закрыть, как вперед выдвинулся голубоглазый плечистый курсант, гармонист и запевала Александр Изюмин.

— Разрешите сделать это мне,— сказал бывалый дальневосточный пограничник и, объясняя свое решение, тут же добавил:— Люди на глазах гибнут. Если дальше так пойдет, то ничего хорошего у нас не получится. Правильно Киселев сказал. Нужно уничтожить батарею.

Изюмин достал из кармана гимнастерки партийный билет, подошел к политруку со словами: «Поберегите до возвращения».

Примеру Изюмина последовали другие коммунисты. В считанные минуты была сформирована группа из четырнадцати добровольцев. В нее вошли Семен Киселев, Михаил Лушпа, Михаил Коваленко, Леонид Кондрашов, Аркадий Харин, Андрей Сорокин, Василий Голубов, Федор Тимашов, Василий Кажиков, Михаил Кучерявенко, Григорий Святенко, Андрей Артеменко, Михаил Мартынов. Старшим, как и ожидалось, был назначен Александр Изюмин.

Смельчаки бесшумно ушли и сразу же затерялись в нескошенной траве и мелколесье. Курсанты спешили, зная, что до расположения батареи нужно сделать большой круг и обойти стороной то тут, то там расположенные подразделения гитлеровцев, готовившихся к наступлению.

Добраться до батареи минометов важно было именно сейчас, пока она молчала, сделав по батальону два мощных налета. Видимо, гитлеровцы пополняли боеприпасы, а может быть, и завтракали— по времени можно было предположить и это занятие.

Начинало рассветать. Сосредоточив все внимание на курсантской обороне, противник не особенно беспокоился за свой тыл. И жестоко поплатился. Часа через

полтора группа курсантов была уже в районе цели. Не требовалось большого искусства, чтобы отыскать торчащие из окопов, направленные в сторону фронта минометы. Расчеты не было видно. Несколько минут курсанты высматривали часового, охранявшего батарею, но так и не увидели его. Что ж, тем легче действовать. До минометной позиции оставался последний бросок. А напряжение уже на пределе.

— Прямо не верится, что мы у цели. Неужели нам улыбнулось счастье? — шепотом произнес Михаил Лушпа.— И чего это медлит старший группы? Почему не дает сигнал к нападению?

И как раз в это время поступила команда Изюмина, но не такая, которую ждали многие. Старший группы приказал слиться с местностью, ползти след в след за Хариным, Голубовым, Кажиковым и Святенко. Не отклоняться ни на сантиметр в сторону, осматривать все бугорки и взрыхленные места почвы. Пояснил:

— Ползем через минное поле. Им прикрыта батарея.

Так вот, оказывается, в чем секрет вражеской беззаботности! Вот почему враг не позаботился даже о часовых, надеясь на минное ожерелье. И пехотных окопов не оказалось перед батареей!

Фашисты не учли сноровки своего противника. Посланные вперед курсанты Харин, Голубов, Кажиков и Святенко быстро разгадали схему вражеской системы прикрытия и подали условный сигнал.

Александр Изюмин с товарищами ворвался в блиндажи вражеских минометчиков. Изумлению гитлеровцев не было предела. Некоторые из них отставили котелки и бросились к оружию, другие замерли как изваяния. Курсантские гранаты «дорисовали» картину.

Дальнейшие действия подсказала обстановка. Изюмин приказал немедленно взорвать технику и боеприпасы и всем отходить. Раздались взрывы. Гитлеровцы пытались преследовать чекистов, но нарвались на минное поле и вынуждены были сделать большой круг по открытой местности. Большая группа противника преследовала курсантов огнем. Ранило Михаила Мартынова, Андрея Артеменко, Семена Киселева и Василия Голубова. Александр Изюмин вел себя, как подобает командиру: принимал обоснованные решения, отдавал четкие команды. Но в самый последний момент пуля настигла и его.

Через некоторое время принявший на себя командо-

вание группой Михаил Коваленко докладывал комбату о том, что батарея тяжелых минометов и боеприпасы, находившиеся на ней, прислуга в районе южнее Шпанькова прекратили свое существование. Ранены курсанты Мартынов, Артеменко, Голубов, Киселев и старший группы Александр Изюмин. Все они доставлены в расположение и переданы врачам.

— Благодарю вас за отличную службу! — сказал командир батальона.— Все вы заслуживаете самой высокой похвалы. Жаль, что нет времени для отдыха. Враг беснуется. Всем занять свои места согласно расчету.

Курсанты понимали обстановку и исполнили требования службы.

ДЕРЗКИЙ НАЛЕТ

Вскоре пришла весть о том, что группа, возглавляемая Борисом Перским, в которую входили курсанты Василий Вторыгин, Иван Попенко, Николай Астахов, Иван Богатский, Николай Припутнев, Федор Бондаренко, Николай Смирнов, Сергей Репкин, Иван Гоголев и Сергей Вирабов, ранним утром дерзким налетом вынудила остановиться вражескую легковую машину, мчавшуюся от станции Елизаветино. При этом взяли в плен офицера и ликвидировали ехавших в ней пассажиров, захватив их портфели. Этот налет был совершен удивительно просто. Выйдя глубокой ночью на патрулирование главной магистрали Волосово — Красногвардейск, курсанты, укрываясь от дождя, набросили на себя плащ-палатки, а чтобы пронзительный ветер не трепал полы, они опоясали себя ремнями. В таком необычном виде курсанты имели внешнее сходство с гитлеровскими солдатами.

Часа в три ночи по дороге проскочила груженная автомашина. Курсанты не решились ее уничтожить, так как не было уверенности, что она не имеет прикрытия.

— Нужно было все же взорвать грузовичок-то,— произнес Богатский и, как бы рассуждая сам с собою, сердито продолжал: — Уж раз ночью он покатил, значит, какой-то срочный груз доставляет.— Затем, взглянув на дорогу, с сожалением добавил: — И никакого прикрытия не появляется. Считаю, что проглядели мы.

— Ночь-то работает на нас, не вдруг разберешься, кто мы такие,— соглашаясь с Богатским и глядя на товарищей, отозвался Борис Перский и предложил план действий на случай появления следующей автомашины.

Ветер буйствовал. Тяжелые, низкие облака закрыли небо. Неистовствовал дождь. Струи воды хлестали по лицу, затрудняя наблюдение.

В шестом часу утра группа услышала шум мотора. Вскоре в пелене дождя обозначились контуры приближавшейся легкой автомашины. Как и было решено, пограничники вышли на дорогу, а Перский, повелительно подняв руку, заставил машину остановиться. Подойдя к ней, на немецком языке произнес:

— Ваши документы.

Офицер, взглянув через запотевшее стекло на строй людей с автоматами на груди, весьма похожих на гитлеровских солдат, с большой неохотой приоткрыл дверцу машины, намереваясь что-то ответить человеку, потребовавшему документы. Курсанты немедленно воспользовались этим. Они стали выволакивать пассажиров с их сидений, но, встретив яростное сопротивление, были вынуждены пустить в ход оружие. Впереди сидевший офицер был пленен и доставлен в штаб батальона.

— Как же вы решились на такой рискованный захват «языка»? И почему вас гитлеровцы не перестреляли? — не то выговаривал, не то спрашивал командир батальона. Перский же благодарил преподавателей и родителей, заставлявших чуть ли не силой осваивать немецкий язык.

Начало дня было удачным. Но и враг не бездействовал. Он готовился к наступлению и теперь, казалось, решил рассчитаться с курсантами за их проделки. Снаряды рвались близко, осыпая стенки окопов и траншей. Но прямых попаданий было очень мало. Сквозь грохот разрывов наблюдатели уловили гул моторов. Противник подтягивал танки.

— Приготовить гранаты,— распорядился командир роты лейтенант Павел Николаевич Усенко, обращаясь к окружавшим его курсантам. Затем он сказал связистам, чтобы немедленно передали по подразделениям приказ командира батальона: «Подготовить гранаты и бутылки с горючей смесью. Танки ни в коем случае не пропускать в расположение рот». Связисты принялись передавать приказание. Накручивали ручки аппаратов и до хрипоты кричали в трубки. А потом вдруг вскакивали и, прихватив оружие, вылетали из блиндажей и бежали на устранение повреждений линий связи.

Бывший начальник связи 2-го батальона, в то время лейтенант, Петр Порфирьевич Волошко рассказал много поучительных историй, произошедших с его подчиненны-

ми. Связь с ротами в батальоне, действовавшем на широком участке фронта, осуществлялась в основном по телефону и посыльными. Самому Волошко и его помощнику сержанту Николаю Михайловичу Некрасову, а также красноармейцу-связисту Николаю Дмитриевичу Евстратову и прикомандированным к связистам курсантам Павлу Панфилову, Николаю Петрусенко, Павлу Гринько, Алексею Калашнику, Петру Наумову и Якову Шовтю приходилось действовать в самых непредвиденных условиях. Так, например, рассказывал П. П. Волошко, в самый ответственный момент перестала работать линия, связывавшая КП батальона с ротами.

Сержант Некрасов, презирая опасность, бросился искать повреждение. Отсутствие же связи вызвало нервозность в штабе. Сержант это понимал, как и все мы, связисты. Некрасов бежал, можно сказать, на глазах у врага, держась за скользивший в ладони провод. Рвались снаряды, свистели пули, а он все бежал, часто падая на землю, чтобы уберечь себя от осколков. Он увидел, а скорее почувствовал, что обрыв впереди. А взглянув вперед еще раз, обнаружил гитлеровцев, поджидавших его за укрытием. Не раздумывая, Некрасов бросил во врагов гранату, а сам упал на землю. Бросок был удачным. Больше препятствий на пути не было. Сержант быстро нашел концы провода и, соединив их, доложил в штаб, что обрыв ликвидирован, что наткнулся на засаду, уничтожил ее и теперь собрался в обратный путь. Его голос был уверенным, и я с облегчением и радостью ожидал сержанта.

Шли минуты, а он не прибывал. Это вынудило меня послать на розыски Некрасова красноармейца Евстратова. Он отправился на выполнение задания при очередном обрыве провода. Время шло, аппараты продолжали молчать. Чувствуя неладное и взяв курсантов Наумова и Шовтя, я поспешил по злополучному маршруту. Через некоторое время мы наткнулись на труп Евстратова, а затем и сержанта Некрасова. И первый и второй дорого отдали свою жизнь. Возле них валялись гитлеровцы, искалеченные гранатами. Так в неравном бою смертью храбрых погибли смелые связисты.

Приказ комбата об уничтожении вражеских танков разъяснять не требовалось. Навстречу им, прижимаясь к земле, ползли курсанты-истребители Александр Манаширов, Виталий Мельниченко, Иван Олейник, Иван Садовский, Яков Коровин, Федор Колесников, Владимир Уханов, Ефим Никитин, Федор Фаткин, Константин

Дрозденко, Алексей Рябота, Дмитрий Митрофанов, Алексей Монько, Митрофан Соловьев, Иван Постернак и Илья Шашков. То ли заметив их, то ли учтя прошлые неудачи, вражеские танкисты уже не шли по полю напрямик, а выделявали замысловатые зигзаги. Они, перекрывая мертвые пространства огнем, стреляли и по курсантам. И все же курсантам удалось зажечь одну машину. Но это не остановило противника. Угроза прорыва обороны батальона стала реальностью. Видя это, командир 6-й роты старший лейтенант Демьян Михайлович Останний начал выдвигать на танкоопасное направление еще одну группу истребителей. Подчиненным разъяснял:

— Старайтесь бросать гранаты под гусеницы. Смотрите: три гранаты рукоятками вперед, а четвертая, центральная, рукояткой к себе. За эту рукоятку и следует бросать связку. Предохранительную чеку надо отодвигать влево. Под гусеницей первой взрывается центральная граната, одновременно детонируют и остальные. Бутылки с горючей смесью лучше бросать на корпус танка. Горящая жидкость проникает через щели люков и жалюзи и, попав на мотор, вызывает пожар.

— Узнаю педагога, Демьян Михайлович! — проговорил начальник политотдела училища полковой комиссар Петр Михайлович Горский, прибывший к курсантам вместе с редактором училищной многотиражки политруком Леонидом Александровичем Свистуновым. — Понимаем, что вам тяжело, что многого у вас недостает, но убедительно просим продержаться еще несколько дней. — И комиссар отправился в соседнюю роту.

Узнав о прибытии комиссара, комбат Золотарев разыскал его и без всякого доклада обратился к Горскому:

— Наблюдатели докладывают, что с минуты на минуту ожидается вражеская атака. Вам, товарищ полковой комиссар, нужно поспешить с отъездом.

— Да, я вижу, что приехали мы прямо в пекло. Сейчас же доложу об увиденном начальнику училища и предпримем меры по обеспечению подразделений всем необходимым, — спокойно, как положено комиссару, закончил разговор Горский, закрывая дверцу автомашины. Водитель прибавил газ, и машина понеслась в сторону Красногвардейска. Но не проехала и километра, как попала под обстрел вражеских танков.

Началась вражеская атака. Оценив обстановку, командир 8-й роты Устин Александрович Пименов подго-

товил связку гранат и громко призвал: «За мной, вперед!» Он повел за собою группу курсантов, в числе которых были Иван Черненко, Алексей Столяров, Григорий Кондратенко, Иван Чернов, Михаил Смекалин, Николай Кулага, Василий Вобликов, Дмитрий Секерин, Василий Попов, Александр Базаров. Группа намеревалась ударить противнику во фланг. Чекисты с гранатами и бутылками с горючей смесью бесстрашно шли на танки. Выбывших из строя тут же заменяли другие, их товарищи. Надо было во что бы то ни стало заставить оголенного врага остановиться, а при удачном развитии событий и вынудить повернуть вспять. Требовалось еще одно нечеловеческое усилие пограничников.

Решающую контратаку возглавил капитан Афанасий Георгиевич Теренин. В докладной записке начальника Политуправления войск НКВД СССР, опубликованной в сборнике документов «Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941—1945», сказано о том бое, что многие курсанты и командиры проявили высокое мужество и героизм. Капитан Теренин (начальник инженерной службы училища) во время прохождения колонны фашистских танков выскочил из окопа и увлек курсантов на разгром врага. Под его руководством курсанты метали связки гранат, бросали бутылки с горючей смесью во вражеские машины. Танки один за другим выводились из строя. Всего в этом бою было уничтожено семь танков. Кроме капитана Теренина тогда отличились курсанты Сиденков и Дудник. Они подбили три танка.

Бой шел с неослабевающим напряжением на всем участке фронта, который обороняли пограничники. Так, группа курсантов в составе Владимира Самгина, Василия Язькова, Николая Слепова, Василия Урженко, Николая Мотрюка, Георгия Шестеренко, Якова Мочалова и Дениса Невмыванного с винтовками решительно напала на вражеских десантников-автоматчиков. Гитлеровцы бросались на землю, искали укрытия, потом снова вскакивали и продолжали стрелять в курсантов.

Взвод младшего лейтенанта Ивана Ивановича Великанова стойко выдержал атаки врага у железной дороги и теперь гнал гитлеровцев в сторону деревни. Вражеский офицер вдруг упал. Курсант Георгий Мананников бросился к нему, чтобы прикончить. Уже занес над ним штык. Но Великанов остановил его: «Стой, курсант. Офицера мы возьмем в плен, многое от него узнать можно». Он тут же подбежал к офицеру с намерением

его разоружить. Гитлеровец в упор выстрелил в младшего лейтенанта. Возмущенный вероломством врага, Мананников с яростью всадил штык в гитлеровца. Истекавшего кровью младшего лейтенанта Великанова курсанты Стефан Rogozin, Сергей Кулешов, Алексей Иванов и Василий Сергиенко доставили в медпункт.

Потери курсантского батальона были огромны. Погибло большинство истребителей танков. Почти весь командно-политический состав выбыл из строя. Кончались боеприпасы, продовольствие не поступало уже несколько суток. Затруднено было снабжение водой. Оставшиеся в строю страшно измотались, и только сознание того, что враг не должен продвинуться к Красногвардейску, поддерживало боевой и моральный дух бойцов, отлично понимавших всю сложность своего положения. Нужно было стоять насмерть. И курсанты стояли.

Надвигалась ночь 22 августа 1941 года. С наступлением темноты враг осветил позиции батальона десятками ракет. Что-то он предпримет против курсантов? Ведь держать оборону все труднее. Гитлеровцам удалось с фланга обойти батальон. Вот уже их автоматчики, словно тени, ползут к курсантским окопам. Их продвижение первым заметил в прошлом преподаватель училища старший политрук Петр Александрович Васильев и немедленно сориентировал: «Враг сзади».

Завязалась огневая дуэль. Умения стрелять ночью пограничникам не занимать. Однако в перестрелке тяжелые ранения получили Иван Степанов, Михаил Буркин, Иван Макаров, Николай Сотсков, Семен Волков, Василий Лысов, Виктор Пономарев, Александр Новичков, Алексей Задесенец, Иван Жиркин, Николай Сафонов, Михаил Спиренков, Николай Гаврилин, Николай Вершинин. Ночной бой дорого стоил батальону, но закончился полным разгромом противника. Прорыв с фланга был ликвидирован, курсанты не отступили ни на шаг.

Однако враг не отказался от своих намерений. Глубокой ночью он предпринял новую вылазку на позиции, которые занимали подчиненные политрука Георгия Георгиевича Смирнова и капитана Николая Терентьевича Малышева.

Обеспокоенный положением у товарищей, старший политрук Васильев схватился за телефонную трубку, но связь была повреждена. Тогда он бросился по траншее на атакованный участок. В пути попал под обстрел. Не успев даже разогнуться, он упал на руки тех, к кому бежал, тихо произнес:

— Враг обходит с тыла...

Услышав от соседей, что старший политрук Васильев погиб, курсанты Василий Вторьгин, Иван Полушкин и Александр Силин, презрев опасность, с разрешения командира перемахнули через бруствер и под покровом темноты поползли в сторону окопов врага. Горечь утраты еще одного командира умножила силы бойцов. Им удалось пробраться во вражеский тыл. Удар курсантов был столь неожиданным и дерзким, что вражеские пулеметчики на какое-то мгновение растерялись. Пограничники быстро справились с ними.

Стычки на разных участках обороны батальона продолжались всю ночь. Курсантские подразделения потеряли Ивана Крысенко, Михаила Васильева, Виктора Землянского, Василия Коптева, Николая Гудименко, Михаила Власенко, Виталия Коротченко, Ивана Демченко, Ивана Копысова, Василия Ващенко, Ивана Скачкова, Ивана Гассана, Михаила Гурьянова.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЛЕЙТЕНАНТА УСЕНКО

Несмотря на большие потери личного состава и катастрофическое положение с продовольствием и боеприпасами, батальон прочно стоял на своих позициях и 22, и 23 августа 1941 года.

— Главное теперь, — требовал комбат капитан Золотарев, — сохранить в тайне от врага сведения о нашем положении. Пленные показывают, что, потеряв шестнадцать танков и большое количество личного состава во время боев с нами, враг считает, что перед ним крупная и очень сильная воинская часть. Пусть считает. До поры до времени это наш козырь. Но гитлеровцы не оставят нас в своем тылу и будут пытаться уничтожить, прежде чем двинутся к Красногвардейску.

В сборнике документов «Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941—1945» говорится: «Только 23 августа, когда противник узнал, что в районе обороны батальона нет противотанковых средств, очень незначительно техническое оснащение наших подразделений, он двинул против батальона большое количество танков, начал массовый обстрел из артиллерии и минометов и различного автоматического оружия. Все эти действия врага не повлияли на стойкость личного состава: курсанты, командиры и политработники продолжали оказывать сопротивление всеми имеющимися в их рас-

поряжении средствами. Однако техническое и численное превосходство противника привело к тому, что подразделения училища были расчленены, а затем и окружены врагом...»

Весь оставшийся в строю личный состав, включая раненых, ломал головы над поиском путей для выхода из сложнейшего положения. Командиру батальона приходилось то и дело выслушивать по этому поводу различные планы.

— Чтобы прорвать кольцо окружения и вывести личный состав, нам необходимо хотя бы полсотни гранат и по три десятка на винтовку патронов. С голыми руками о прорыве и думать нечего. Я предлагаю,— докладывал командир роты Павел Усенко,— немедленно выслать группы курсантов для сбора оружия и боеприпасов на подступах к нашим окопам. Трупов на поле боя много, гранат набрать можно. И делать это нужно немедленно, сейчас же, пока гитлеровцы заняты ужином.

— Действуйте, товарищ лейтенант. Другого выхода я тоже не вижу,— согласился капитан Золотарев.

Скоро группа курсантов в составе Алексея Дейнеги, Федора Продкуна, Константина Павлова, Ивана Непоряды, Владимира Осьминина, Тимофея Задорина, Алексея Святуна, Василия Полушина, Григория Стоколоса и Владимира Сильша с пустыми противοгазными сумками через плечо слушала командира роты.

— Посылаю вас на необычное задание,— говорил он.— Пусть простит Родина-мать, что посылаю вас обшаривать карманы и ранцы убитых. Не мародерством идем заниматься, как это делают гитлеровцы. Нам нужны боеприпасы, чтобы прорвать кольцо окружения и вывести личный состав. В бой не ввязываться. Вас прикроют огнем курсанты Иван Горчаков, Федор Дворецкий, Иван Кашолкин, Дмитрий Сторожевых, Иван Руденко, Федор Токарь и Иван Федин, находящиеся у железнодорожного полотна. Вы у них как на ладони. Время действия ограничено ужином гитлеровцев.

Курсанты приступили к выполнению задания. Около часа враг не сделал по ним ни одного выстрела. Вскоре в батальон было доставлено много гранат, патронов, автоматов и пистолетов. Командир роты не ошибся во времени выбора вылазки.

Теперь можно было готовиться к выходу из окружения.

Некоторое, правда, несколько упрощенное представление о прорыве дает статья «Смелое решение», опубли-

ликованная в 1941 году армейской газетой «За большевистские кадры». Вот что в ней сказано: «Все туже стягиваая кольцо окружения, гитлеровцы открыли шквальный огонь с тыла и с флангов. Капитан приказал залечь и приготовиться к бою. А в следующую минуту курсанты услышали его четкую и уверенную команду: «Восьмая рота,— в атаку! Шестая рота,— приготовить гранаты! Пятая рота,— зайти с правого фланга!» Услышав команду и не зная действительной численности курсантов, враг заколебался. Этим и воспользовался капитан. С криком «За Родину!» он первым ринулся на врага. Бой был жарким. Пустив в ход гранаты и штыки, мужественные бойцы прорвали вражеское кольцо...»

В действительности этот серьезный и трудный прорыв был полон драматизма.

Как и планировалось, курсанты, сдерживая противника со всех сторон, пробивались в направлении деревень Пигкелево — Сеппелево, имея в виду в последующем выйти на Недлино. И это в общем-то получалось.

Поняв, что пограничникам удалось выскочить из подогнанного для них мешка, противник открыл по предполагаемому пути отхода курсантов сильный артиллерийский и минометный огонь и попытался перехватить его пехотой. Но родной лес, как всегда, помог курсантам укрыться от огня и рассредоточиться, чтобы затем начать боевые действия отдельными группами с разных направлений и тем перепутать все планы гитлеровцев.

Находившегося во главе одной из прорывавшихся групп политрука 5-й роты Андрея Ильича Лихваря настигла пулеметная очередь. Инстинктивно схватившись за живот, он зашатался. Но в самую последнюю секунду был подхвачен курсантом Абсатаром Ажниязовым. Ажниязов пытался тащить политрука, но понял, что поздно. Андрей Ильич умирал. Едва курсант опустил раненого на землю, как предсмертная судорога пробежала по его телу. Заплетающимся, немеющим языком он произнес: «Документы курсантов в сумке возьмите», — и голова его безжизненно запрокинулась.

Потеря любимого командира сильно подействовала на курсанта. Он что есть мочи закричал на весь лес: «Лихваря убили!» Треск пулеметов и автоматов, разрывы гранат воззрители Ажниязова к действительности. Он перекатил тело политрука в одну из свежих воронок и саперной лопатой быстро забросал труп землей. Только после этого курсант ощутил ноющую боль в ноге и понял, что тоже ранен. Ажниязов, превозмогая боль,

туго перетянул ногу, чтобы остановилось кровотечение, затем помог подняться с земли только что получившему контузию Василию Двойченкову. Через несколько минут оба догоняли товарищей.

Огромную выдержку и упорство в бою проявила и группа, возглавляемая командиром батальона. Обстановка на их участке осложнилась, когда, отбиваясь от преследователей, осколком в голову был ранен комбат Золотарев. Его неестественное падение на глаза у подчиненных — с вытянутой вперед рукой, из которой выпал маузер,— перепугало многих курсантов. Связной комбата курсант Яков Семенкин, правда, мгновенно занял выгодную позицию для обеспечения безопасности упавшего комбата. Его примеру последовали находившиеся поблизости курсанты, образовав возле капитана полукруг. Ведя огонь в направлении только что отбитой группы врагов, к раненому поспешил старший политрук Михаил Павлович Говырин.

— Прикрывайте плотнее комбата,— командовал он, а сам стал осматривать Антона Афанасьевича. Наконец сказал: — Передайте всем, что жив комбат, ранение незначительное.

Старший политрук пока еще не имел понятия о состоянии раненого, но сделал это сознательно: курсанты должны знать, что командир с ними. А комбат и на самом деле освобождался от шока и пытался приподняться.

— Лежи, лежи, Антон Афанасьевич,— уговаривал его Говырин.— Дай-ка я тебе лицо оботру. Вот так. Хорошо. Крепко тебя по голове стукнуло, но ты молодец. Осколок на макушке пока оставим специалистам, а тебе чалму на голову повяжем. Ну как, больно? Давай попробуем привстать...

Комбат, не успев ухватиться за товарища, попытался встать самостоятельно, но тут же снова осел на землю.

— Э, да у тебя и нога подбита,— резюмировал старший политрук.

Срочно перевязали и ногу. Командир встал и, к всеобщей радости, твердо сделал несколько шагов.

Радуюсь тому, что он снова в строю и рядом со своими боевыми товарищами, распорядился:

— Говырин, ведите вперед курсантов. Не будем задерживаться в этой проклятой норе!

Группа двинулась вперед, пробивая огнем дорогу.

Другой группе, возглавляемой командиром взвода лейтенантом Федором Ефимовичем Костаковым, уда-

лось прорвать кольцо окружения и установить огневое взаимодействие с подразделениями стрелковой дивизии, оборонявшимися северо-восточнее деревни Куровицы. Пограничники обрадовались неожиданной помощи. Но и курсантам были рады. Лейтенанту Волошко тотчас же поручили перекрыть железную дорогу восточнее деревни Куровицы и не допускать прорыва гитлеровцев в направлении Красногвардейска. Этот участок был уже заминирован. Для обеспечения прохода туда пограничников выделили проводника из саперов. Курсанты хорошо знали правила прохода через минные поля. Жесткий порядок был также растолкован и солдатам, приданным для усиления группы Волошко.

Подчиненные Волошко шли спокойно, след в след на скомандованном удалении друг от друга. Впереди шагал проводник, за ним лейтенант Волошко. Замыкающим был курсант Николай Куевда. Железная дисциплина способствовала тому, что подразделение благополучно достигло указанного рубежа и заняло намеченные позиции.

Началось привычное — отрывка и оборудование окопов, их маскировка и все остальное, что положено делать в таких случаях. Курсанты трудились всю ночь, а утром, защищенные минным полем и укрытые в отличных окопах, вели огонь по врагу.

Штабу стрелковой дивизии потребовалось послать разведку в тыл врага. И конечно, с просьбой к пограничникам. Лейтенанту Волошко было приказано отобрать для выполнения задания добровольцев. В группу вошли курсанты Дмитрий Юхименко, Фатых Слаев, Шлем Воскобойников, Ефим Шептухин, Василий Лабетик, Николай Ткачев, Сергей Константинов, Виктор Латышев. Помощником командира группы был назначен младший политрук из разведывательной роты дивизии.

Ночью группа проникла в фашистский тыл примерно на семь километров. Моросил осенний дождь. Но он не препятствовал разведке. Курсанты часто останавливались, изучая окружающую местность. На рассвете увидели страшную картину последствий боя кавалерийских и танковых подразделений. Наши конники вели бой в пешем строю с десантниками, укрывавшимися за танками, завязшими в болоте. На поле боя в различных позах валялись трупы гитлеровских солдат, измазанные липкой болотистой землей. Кое-где виднелись убитые лошади.

Но что это? Курсанты вдруг услышали завывание собак, а затем и рассмотрели овчарок, находившихся на

привязи. Это насторожило. Не понимая, как сюда попали собаки, разведчики принялись тщательно изучать обстановку. Вскоре было обнаружено, что собаки охраняют станковые пулеметы, выставленные возле сарая, чудом сохранившегося на месте сгоревшего хутора. Стало совершенно ясно, что где-то поблизости находятся и сами пулеметчики. Но где?

Разделив разведчиков на две группы, лейтенант Волошко приказал курсантам Юхименко, Слаеву, Воскобойникову и Лабетику продвинуться к сараю, а остальным прикрывать огнем действия товарищей и держать под прицелом вход в сарай. На приближение людей собаки отозвались бешеным лаем. Один из гитлеровцев, высунувшись из сарая, поинтересовался причиной беспокорства собак и тут же был уничтожен.

Выстрел и гибель фашиста заставили остальных гитлеровцев ринуться к пулеметам. Но огонь пограничников не позволил врагу занять боевые позиции. Несколько солдат противника распластались на земле. Остальные, бросив все и спасая свою шкуру, кинулись за сарай, а затем сбежали в ближайšie кусты.

Ликвидировать собак не составило труда. Пулеметы с большим запасом патронов стали трофеями разведчиков. Подобное довооружение в практике пограничников было обычным делом на всем протяжении боев и способствовало повышению боеготовности батальона.

Пограничники всегда дрались, имея совершенно определенную цель — разбить врага, какой бы численностью он ни располагал. Так, например, в статье «Шестеро против тридцати» газета военных лет «За большевистские кадры» писала: «Попав в окружение, курсанты Запорожец, Крутько, Белаш и др. приняли неравный бой: шестеро против 30 вражеских автоматчиков».

Малейшая растерянность могла привести к поражению. Но курсанты-ворошиловцы мужественно вступили в бой.

Быстро оценив обстановку, командир отделения курсант тов. Запорожец скомандовал: «Взвод, в атаку за мной!» И шестеро курсантов с криком «Ура!» пошли на врага.

Противник потерпел поражение: 8 его солдат было убито, а остальные в панике бежали.

Так, прорвав окружение, курсанты возвратились в свою часть».

Бывший командир отделения курсантов Василий Запорожец рассказывал об этой стычке своему товарищу Михаилу Волкову: «Мы — Крутько, Белаш, Загрунный, Дорошенко, Малышев и я — в боях подружились. Это помогало пробиваться через скопище врагов. Находились мы на правом фланге группы лейтенанта Новожилова. Тот бой был жестоким. Бились мы насмерть. Было ясно, что, только крепко обломав зубы врагу, мы победим его. Конечно, о пощаде не думали, знали, что с нами он сотворит в случае неудачи. Гитлеровцы все прибывали и прибывали, усиливая нажим на нас. Им удалось вклиниться и отрезать наше отделение от основных сил подразделения.

Враг явно стремился захватить нас живыми. Превосходство его было очевидным, примерно шестикратное. Мы это чувствовали, враг же нашей численности не знал. Чтобы перехитрить гитлеровцев, я отвел отделение в лес и увлек за собой врагов. Тем самым несколько облегчил положение группы лейтенанта Новожилова. Ребята поняли мой маневр и быстро рассредоточились. Они стреляли с разных направлений, создавая видимость большого подразделения.

Лес всегда создает некоторую таинственность. Как только гитлеровцы втянулись в него, мы почувствовали свое превосходство и дали им, как говорят, по первое число. С дружным «ура» бросились на захватчиков. Удалось сразу же уложить восемь солдат противника. Опешивший враг, бросив убитых, бежал. Мы снова соединились со своей группой и встретили раненного в руку и ногу лейтенанта Ивана Васильевича Богатырева, которого доставили в медпункт».

О мужестве курсантов в 1941 году писала многотиражная газета. Статья называлась «Врага били по-воросшиловски». В сообщении сказано: «В боях с германским фашизмом курсанты подразделения лейтенанта тов. Жарикова показали образцы мужества и героизма, беззаветной преданности делу партии...»

Подразделение шло в контратаку дружно. Курсанты тт. Максимов, Скобликов, Андрющенко, Босаков, Щербаков были впереди и личным примером воодушевляли товарищей.

Находчивость и мужество проявили курсанты Щербаков и Пекленков.

Тов. Щербаков штыком уничтожил двух офицеров. Пулеметчик тов. Пекленков огнем своего пулемета в упор расстреливал фашистских гадов. Пулемет вышел

из строя. Тов. Пекленков схватил другой пулемет и продолжал бить врага».

Курсантский батальон то пробивался всем составом, то, наткнувшись на сильное сопротивление врага, разбивался на группы, чтобы обойти врага, незаметно просочиться через стыки между его подразделениями и потом ударить в самое уязвимое место. В батальоне образовалось большое количество раненых. Их окружили заботой, специально выделили для этого отделение в составе курсантов Ивана Тупикина, Василия Калинина, Ивана Богуша, Александра Дербенева, Дмитрия Колина, Михаила Козина, Павла Лобашова, Сергея Саранцева, Алексея Семенова. На его долю выпала весьма тяжелая задача: ведь оборону рубежа с него никто не снимал. А тяжелораненые зачастую впадали в шоковое состояние и требовали повышенного внимания. Количество раненых увеличивалось, и только помощь товарищей, знававших, что в любой момент каждый может оказаться в таком положении, помогала отделению справиться с порученным делом.

Задачу — задержать противника перед Красногвардейском на три-четыре дня — курсантский батальон выполнил с честью. Получив 3 сентября 1941 года приказ из штаба Северного фронта, батальон вышел из боев для продолжения плановых занятий в училище. Председатель облисполкома, член Военного совета фронта Соловьев, находившийся на командном пункте 2-го батальона, командующий 42-й армией генерал-майор Иванов так оценили действия курсантов: «Личный состав батальона показал образец большевистской стойкости, высокий советский патриотизм, отсутствие страха и свою преданность нашей социалистической Родине».

ПОСУРОВЕЛИ ВЕСЕЛЫЕ ПАРНИ

Слушала я выступления однополчан, а в памяти возникали картины давно минувшего. Да так отчетливо, словно все это случилось вчера. Вспомнилось воскресное июньское утро. То самое, сорок первого года. Батальоны курсантов вышли в город на так называемую строевую прогулку. Духовой оркестр играл марш. Колонны подтянутых парней в зеленых фуражках, как всегда, привлекали внимание жителей Нового Петергофа. Было торжественно и празднично.

Неожиданно возле командира, руководившего про-

гулкой, остановилась машина. Из ее кабины выскочил дежурный по училищу. Он произнес всего несколько слов. Сразу же прозвучала команда, и батальоны изменили направление движения. Курсанты продолжали бодро петь строевые песни. А через несколько минут они услышали из репродуктора обращение к советскому народу Коммунистической партии и Советского правительства.

Еще недавно казавшаяся невозможной война стала жестокой реальностью.

Гитлеровская Германия, вероломно напавшая на нашу страну, нацелила удары своих войск на ее жизненно важные центры.

Теперь есть все объективные, научные, доподлинные объяснения причин прорыва и выхода врага на подступы к Ленинграду за каких-нибудь полтора-два месяца войны. Но тогда трудно было объяснить, почему это произошло. Да и некогда было объяснять. Сражаться против фашистских армий, готовить страну и народ к тяжелым военным испытаниям — вот что стало главным.

Все понимали, что положение складывается тяжелое. Дни и недели проходили в тревоге. Напряжение на фронтах не спадало.

Родные места многих наших курсантов и командиров были уже оккупированы врагом. Обычно такие веселые, парни посуровели и как бы сразу повзрослели. Понимая, что фронту нужны хорошо подготовленные командиры и политработники, они занимались, не считаясь со временем, иногда до глубокой ночи. Особенное внимание уделялось освоению боевого опыта. Изучались и оттачивались приемы борьбы с бронированными целями, против прорвавшихся и десантированных групп противника. Внимание обращалось на совершенствование навыков штыкового боя, траншейной борьбы в условиях сильного огневого воздействия.

Я тогда работала в столовой училища и хорошо знала многих курсантов. Иногда они не прочь были за просто, «по-домашнему» поболтать со мной, и я разделяла их настроения, их решимость сразиться с врагом на поле боя.

Теперь немного смешно вспоминать, как я, в то время по сути еще подросток, выслушивала в столовой нечто вроде кратких исповедей. Выслушивала с сочувствием и, как мне казалось, даже с пониманием. Собеседники мои были, конечно же, старше меня, но я умудрялась давать им советы. Наивными были эти советы. Но, види-

мо, непосредственность, чувствительное девичье сердце располагали, влекли ко мне в трудную минуту взрослых, мужественных людей.

Как-то утром (это было в начале августа), работая в раздаточном помещении столовой, я вдруг услышала торжественные слова, доносившиеся с плаца: «...до последнего вздоха... клянемся!..»

Подбежав к окну, я взволнованно глянула в него. Там, на плацу, перед знаменем училища стоял монолитный строй. На лицах курсантов были сосредоточенность и решимость. Казалось, ребята смотрели куда-то вдаль, осмысливая происходящее за тысячи километров от стен училища.

— Клянемся очистить территорию Родины от вражеских полчищ!..

— Клянемся загнать врага в его фашистское логово!..

— Клянемся разгромить фашизм!..

— Клянемся!..

Слова клятвы звучали весомо и по-мужски твердо. Чувствовалось, что они шли из глубины души. У меня озноб пробежал по коже. Вот она, оскорбленная врагом русская, советская народная сила. Когда встанут миллионы таких парней, встанет вся наша страна, врагу недобровать...

И еще я подумала в тот момент, что курсанты, по-видимому, уходят на фронт. Они уходят. А как же я? Решение пришло молниеносно.

Стремглав спустилась я по лестнице, сняла на ходу косынку и фартук, выбежала на плац и предстала перед начальником училища Иваном Никитичем Григорьевым.

— Товарищ полковой комиссар, отправьте на фронт и меня вместе с училищем!..

Он покачал головой:

— Подрасти тебе надо, девочка...

Но я еще раз, уже громче, на весь плац повторила:

— Очень прошу отправить меня с курсантами на фронт!..

Улыбчивые взгляды более полутора тысяч курсантов сосредоточились на мне и полковом комиссаре. Курсанты вроде бы одобряли мой взбалмошный поступок, и полковой комиссар, видимо, ощутил это. Чтобы несколько разрядить эту обстановку, он, как мне показалось, с ноткой юмора в голосе обратился к командирам курсантских батальонов майору Шорину и капитану Золотареву:

— Ну, кто из вас под личную ответственность возьмет ее... на фронт?

Думаю, что начальник училища надеялся на категорический отказ комбатов. Однако майор Шорин сказал вполне серьезно:

— Что ж, знаю Цареву как выносливую девушку с решительным характером. Готов принять ее в свой батальон...

Я поспешно сморгнула слезы, выступившие от волнения.

Поиски подходящей формы и некоторые другие дела немножко задержали меня. Когда же я на училищной автомашине догнала курсантов и прибыла в Красное Село, где размещался наш штаб, моему появлению, прямо скажу, не очень обрадовались. Комбат, похоже, раскаивался, что согласился принять меня в батальон.

— Как же все-таки тебя отпустили отец и мать? — спросил он хмуро.

Я, понятное дело, ничего не сказала в ответ. Шорин сам обо всем догадался. Никто никуда меня не отпускал.

— Понимаешь ли ты, куда лезешь? Ясно ли тебе, что происходит? — Он кивнул головой в сторону дороги, по которой двигался нескончаемый поток людей. Скрипели колеса телег, нагруженных домашним скарбом. Ревели некормленные буренки. На лицах беженцев были усталость и растерянность. Они понуро брели под дождем.

Все выглядело так уныло! У меня запершило в горле. Я боялась разреветься и держалась как могла.

Между тем командир молча стоял у окна, постукивая пальцами по стеклу и ожидая, видимо, когда я раскисну и попрошусь отправить меня к маме. Он был зорким человеком. Он видел, что во мне идет внутренняя борьба, лихорадочно взвешиваются все «за» и «против». Однако я выстояла. Перед моими глазами на какое-то мгновение снова возникла картина курсантской клятвы. Все стало на свои места. Майор повернулся ко мне.

— Ладно, Царева, беру. Но еслипустишь слезу...

После маленькой паузы он скороговоркой распорядился:

— Отправляйся в санчасть в распоряжение Найвельта.

Мне не надо было объяснять, кто такой Найвельт. Этого человека я отлично знала. Именно у старшего военфельдшера Найвельта довелось мне год назад учиться на курсах сандружинниц.

Не медля ни минуты, я побежала в санчасть.

Абрам Давыдович встретил меня как старую знакомую. Он ничуть не удивился моему появлению.

— Вот что, Царева,— сказал он,— идите в роты и проверьте обеспеченность личного состава индивидуальными пакетами.

Это было мое первое фронтовое задание.

ВЫСТРЕЛЫ С КОЛОКОЛЬНИ

Прямоугольники курсантских рот построены по тревоге на плацу Красносельского лагеря. Перед ними стоит майор Шорин. Он прям, подтянут, как всегда. Ладно пригнанная гимнастерка с зелеными петлицами и красивыми нарукавными шевронами туго опоясана ремнем. Зеленая фуражка надета лихо, по-кавалерийски. Тем не менее мы видим, что командир взволнован. Не ожидая окончания рапортов, он обращается ко всем курсантам с речью, которая звучит как приказ:

— Не скрою от вас, товарищи: положение исключительно сложное. Нам доверено ответственное задание. Как и соседние части, мы должны оборонять свой участок до последнего вздоха. Противник рвется к Ленинграду.— И уже тише Николай Александрович добавил: — Наши передовые части пока что отступают...

Взяв себя в руки, комбат снова, что называется, железным голосом продолжал:

— Командование фронта доверяет вам и надеется именно на вас, курсанты. Других резервов у командования пока нет. Ответственность на нас легла большая. Действовать будем по обстановке. Выступаем немедленно. На погрузку отводится полчаса...

Комбат поставил конкретные задачи ротам. Тем временем на плац вышла колонна автомашин. Как и другие подразделения, санчасть с помощью курсантов начала погрузку. Старший военфельдшер Найвельт то и дело кричал:

— Осторожно — медикаменты!.. Осторожно — посуду!.. Осторожно — стекло!..

Курсанты мгновенно подхватили интонацию Найвельта и с напускной серьезностью, подавая в машину груз, покрикивали:

— Осторожно — ведро!.. Осторожно — швабра!..

Они дурачились совсем по-детски. Но на душе у каждого было, конечно же, тревожно. Погрузив все

имущество, курсанты схватили меня в охапку и с криком «Осторожно — главврач!» водворили в кузов. Я смеялась, но мне было не по себе.

Чувствовалось, что Абрам Давыдович тоже нервничал. На прощание он махнул мне рукой:

— Ты осторожно там, Вера!..

Несколько щемящих минут расставания, и мы отправились. Ехали быстро. В темноте ночи, конечно, ничего не увидели. К месту назначения, на Кингисеппское шоссе, прибыли на рассвете. Вдоль магистрали красовался густой лес. Деревня, в которой мы остановились, была такой мирной, спокойной! Я сразу включилась в работу по оборудованию медпункта, а когда часа три спустя вышла подышать свежим воздухом, замерла на месте от удивления.

Не было идиллии дремлющей деревни. Все вокруг двигалось, пылило, шумело. Появились какие-то незнакомые люди. Усталые, злые, небритые, в грязных шинелях. Одни с оружием, другие без оружия. Мне, привыкшей видеть курсантскую подтянутость и аккуратность, была неприятна эта странная картина.

По дороге шли повозки, автомашины, катились пушки на прицепах. Все они держали путь, увы, не навстречу врагу, а в противоположную сторону.

Я недоумевала. Как же это? Неужели так силен и страшен враг? Неужели нет силы, которая могла бы задержать и обуздать захватчиков?

Тяжелые мысли угнетали меня. Но прошло несколько минут. Я взгляделась в людскую толчею и поняла, что не так уж она беспорядочна, как это казалось вначале.

Подчиняясь чьей-то воле, людская река разделилась на отдельные потоки. Эти потоки текли вправо и влево от шоссе, по направлению к лесу.

Позже мне стало известно, что из отступающих формируются два новых батальона под командованием наших курсантов. Запомнилось, как какой-то небритый дядька довольно зло кричал:

— Эй вы, курсантики!.. Небось и немца-то живого не видели... Идите, суньтесь!.. Измажьте костюмчики!..

Этими выкриками, видимо, он подавлял в себе го-речь отступления. Суровые, собранные курсанты, казалось, не замечали задиристых выпадов. Надо было действовать, и они терпеливо помогали бойцам разобраться по ротам и взводам.

— Прекратить галдеж!.. Раненым — прямо!.. С оружием — по проселку!.. Без оружия — к опушке!.. Слу-

шать команды!.. Освободить дорогу!.. Быстрее, быстрее!..

Четкие и властные команды отрезвляли, успокаивали людей. Прошло не так уж много времени, и они, почувствовав четкую организацию и железный порядок, повеселились, прибодрились.

Группа красноармейцев, стремясь поскорее добраться до леса, где был пункт сбора, обошла стороной цепи курсантского заслона и двинулась по открытому полю. Неожиданно раздались выстрелы, и несколько бойцов упали на траву.

— Кто стрелял? — закричал командир взвода Ионов. К нему подбежал курсант Наумов.

— Товарищ лейтенант, я видел вспышки выстрелов вон на той колокольне! — Он указал на церковь, стоявшую недалеко от дороги. — Разрешите мне с Ляшенко проверить, кто там.

Ионов помедлил:

— Здесь что-то не то...

— Все так, товарищ лейтенант. Я точно видел вспышки выстрелов на церковной колокольне.

— Что-то тут неладное, Наумов. Надо проверить. Но лучше дождаться темноты. А пока установите за колокольней наблюдение. Пойдете туда, Наумов, со всем отделением.

Владимир Наумов не любил тратить время впустую. Служа на границе, он привык понимать командира с полуслова и выполнять приказы, проявляя самостоятельность и инициативу.

— Курсант Ляшенко, наблюдайте за колокольней. А я ребят пока что подготавливаю.

Курсанты запасались гранатами и дополнительными пулеметными дисками.

— Ничего подозрительного заметить не удалось, — доложил Наумову Ляшенко, когда группа подготовилась к выходу.

Позже я не раз беседовала с людьми, выполнявшими это маленькое боевое задание, и потому могу со всеми подробностями рассказать о нем.

Их было одиннадцать: Владимир Наумов, Иван Ляшенко, Самуил Черный, Иван Осиян, Сергей и Архип Степановы, Владимир Лопатин, Иван Чернов, Борис Князев, Михаил Рындин и Иван Василенко. Обойдя открытое поле по опушке леса, строго соблюдая меры предосторожности, они приблизились к церкви.

— Может, мне и померещилось, — сказал Наумов. —

Но будем считать, что в церкви засели враги. А поэтому надо действовать осмотрительно, себя не выдавать, под пули зря не соваться. Чернову, Князеву, Лопатину — взять под контроль вход в церковь. Двум Степановым и Рындину — контролировать окна с правой стороны. Осиян, Черный, Василенко отвечают за левую сторону. Ляшенко будет действовать со мной.

Когда ночь вступила в свои права, курсанты разглядели, что в окнах церкви временами еле заметно мерцает свет. Наумов и Черный на плечах подняли Ляшенко к проему одного из окон. Глянув внутрь помещения, Ляшенко дал знак опустить его на землю. Он начал было вполголоса рассказывать о том, что увидел в церкви. Но в это время раздался скрип, и в дверях появилась темная фигура неизвестного, вышедшего, видимо, по нужде. Наумов и Ляшенко бросились к нему. В одно мгновение с ним было покончено. Чернов, Князев и Лопатин ворвались внутрь церкви и открыли огонь. Группа диверсантов, находившаяся внизу, была уничтожена. Наумов и Ляшенко поспешили на колокольню. Они пробежали несколько поворотов узкой темной лестницы. Люк на колокольню площадку был закрыт. Наумов нажал на него головой и секунду постоял так, переводя дыхание. Иван Ляшенко поддержал тяжелую крышку, дав возможность Владимиру просунуться в люк.

Курсанты ожидали стычки с врагом, но на колокольне было безлюдно. Два пулемета смотрели в сторону Кингисеппского шоссе. Возле простенков лежали заряженные автоматы. Диверсанты, видимо, были уверены в своей безнаказанности и на ночь взяли с собой вниз только часть оружия. Вынув затворы из пулеметов и сбросив их на землю, Наумов и Ляшенко забрали вражеские автоматы, спустились вниз и только теперь разглядели, что на каждом из уничтоженных гитлеровцев поверх мундира была напялена красноармейская гимнастерка.

У каждого из диверсантов были искусно сработанные документы. В вещмешке одного из них обнаружили портативную радиостанцию. В других мешках нашлись два фотоаппарата, ракетницы с набором сигнальных ракет и толовые шашки.

Так, ликвидируя диверсионную группу, курсанты нашего батальона впервые лицом к лицу столкнулись с противником.

ОПОЛЧЕНЦЫ

Курсанты становились взводными, взводные — ротными командирами. Разрозненная, разноликая масса людей превращалась в воинские подразделения. Среди пришедших к нам ополченцев было много ленинградских рабочих. Их сознательность сыграла не последнюю роль в формировании двух новых батальонов. Не имея необходимых военных навыков, они беспрекословно подчинялись молоденьким командирам из курсантов.

Командирами новых батальонов были назначены старший лейтенант А. А. Челидзе и капитан И. Г. Попов, комиссарами — старшие политруки В. К. Зарубин и А. И. Каманин.

Люди умывались, брились, приводили в порядок обмундирование и преобразались на глазах. Руки бойцов сами тянулись к делу. Деловито, быстро рыли они окопы, оборудовали огневые позиции. Напряженно работали снабженцы, которых возглавляли старший лейтенант Тихон Макарович Цемрюк и помощник начальника штаба по тылу Серафим Григорьевич Никитин. Накормить, дообмундировать и довооружить двухтысячное пополнение было нешуточным делом. Прибавилось работы и на нашем медпункте.

Мое первое появление среди бойцов не обошлось без курьезов. Увидя, что один из них снимает бинт с раненой руки, я подбежала к нему. Это был пожилой усатый красноармеец. И у меня как-то невольно вырвалось:

— Вам помочь, дяденька?

— Помоги, тетенька! — в тон мне ответил усач.

Бойцы рассмеялись. Подавив смущение, я принялась за перевязку. Между тем раненый красноармеец рассуждал вслух:

— Галчонок ты, галчонок. Ничего еще не соображаешь. Мы и без твоих бинтов обойдемся. Была бы душа цела. А знаешь ли ты, что такое душа? Улыбаешься и думаешь, наверное, что я о божественной душе говорю. Дудки. Душа военного человека — это боевое настроение, уверенность в своих силах, стремление победить врага. Страшна не смерть. А что страшно? Страшно, если душа из тела еще до смерти выскочит, а не то, как говорится, в пятки уйдет. Возьмем, к примеру, нас. Дал нам фашист прикурить — что правда, то правда. Кое-кто сдрейфил, чего уж там. Но ты и таких, дочка, не кори. Не готовы они были к ратному делу, не кадровые воен-

ные. Еще вчера у станков стояли, за плугом ходили. Вот и досталось нам от фашистов. Но придет время — дадим и мы ему. Душу народа в пятки не загонишь. Народ мы мирный, но сама знаешь... Попомни мои слова, дочка: все эти сукины сыны, которые держат под сапогом почти всю Европу, у нас найдут себе гроб...

Старый рабочий как бы оправдывался в чем-то передо мной. Но мне приятно было слышать его спокойную, размеренную речь.

В медпункт я возвратилась поздно. Найвельт сообщил мне, что мы теперь полк ВПУ (военно-политического училища) — так официально стали называть часть, созданную на основе нашего батальона. Узнала я также, что нам придана артиллерия — три дивизиона гаубиц.

До сих пор с удовольствием вспоминаю первый «концерт», исполненный гаубицами нашего полка. Это было ранним утром. Меня разбудил грохот. Залпы сотрясали землю и воздух. Хотелось прыгать под звуки канонады. Казалось, еще два-три таких «концерта» — и фашисты откатятся далеко на запад...

Фашисты не откатились. Однако они в тот день не проявляли никакой активности. Ну, а ночью и тем более. Противник панически боялся темноты и русского леса. Учитывая это, наше командование пришло к выводу, что к упорной дневной обороне следует добавить внезапные ночные налеты.

Помнится, на следующее утро снова разгорелась пальба. Враг обрушивал на нас град мин и снарядов. Не раз фашисты переходили в наступление, но под метким прицельным огнем бойцов нашего полка откатывались назад.

Полк (в нем в ту пору насчитывалось около трех тысяч штыков) прочно удерживал свои позиции. И медпункту работы хватало. От бинтов рябило в глазах. Я не успевала перевязывать раненых и очень нервничала. Сандружинницей я была еще крайне неопытной. Помню, как испугало меня осколочное ранение в руку, полученное курсантом Михаилом Ушаковым. Тяжело контуженного курсанта Алексея Коротеева я сочла убитым. Раненые меня подбадривали:

— Ты не тушуйся, сестренка, не плачь. Слезами делу не поможешь. Давай бинты, мы сами. А ты займись теми, кому без посторонней помощи не обойтись...

Прошел день. Я легла отдохнуть и мгновенно уснула, едва прикоснувшись головой к вещевому мешку, заменявшему подушку. Ночью меня стали одолевать кошма-

ры. Я пробудилась в слезах. Стало до отчаяния сиротливо. Пронзительная тоска по дому надрывала душу. Хотелось туда, в довоенную ласковую жизнь. Показалось, что война — это тоже кошмарный сон и что надо только пробудиться, чтобы избавиться от нее.

СОЛНЕЧНЫЕ ЗАЙЧИКИ ДЕТСТВА

Снова и снова вспоминала я беззаботную жизнь в Новом Петергофе. Передо мной проплывали картины детства. Все, что особенно ярко жило в воображении, так или иначе было связано с нашим домом на Парковой улице. Тот обыкновенный двухэтажный деревянный дом теперь казался мне на редкость красивым и уютным. Наша семья занимала в нем весь второй этаж — три комнаты. Одна из них принадлежала нам, детям. В ней постоянно все стояло, что называется, вверх дном — такое вытворяли мы с сестрой и братом. Мать и отец только за голову хватались.

Были в нашей квартире любопытные вещи. После революции кто-то из дворцовых сторожей отдал папе два старых бросовых кресла с золочеными спинками. На одном была красная бархатная обивка, на втором — зеленая. Мы называли их «тронами» и нередко садились в них, надев мамины передники на манер мантий и изображая важных, надутых царей и цариц. В бывшем придворном городке дети вдоволь наслушались рассказов о нравах и поведении царской знати.

Глядя на нас, когда мы играли в «царей», родители весело смеялись, и отец часто говорил матери:

— А что? Теперь они и есть цари. Все для них...

Не вникая особенно в смысл этих слов, мы сбрасывали «мантии» и с визгом мчались друг за дружкой на остекленную большую веранду.

Многое у меня было связано с этой верандой. Напротив нашего дома, в казармах бывшего лейб-гвардии Каспийского полка, располагалось училище пограничников. Северной своей стороной казармы были обращены к железной дороге и вокзалу, а восточной — к Парковой улице. Наш дом был в нескольких метрах от дощатого забора училища.

Весной и летом мы спали на веранде. И вот после утреннего подъема кто-нибудь из наших соседей снимал со стены умывальной комнаты большое зеркало и, подойдя к окну, начинал забавляться. Поймав в зеркало

солнечный луч, он направлял его на нашу веранду. Мы со смехом прятались под одеяла, но яркие солнечные зайчики заставляли в конце концов вскакивать и меня, и мою старшую сестру Зою. В шестнадцать лет я стала подозревать, что эти зайчики адресованы мне. Но как вскоре выяснилось, они были адресованы моей восемнадцатилетней сестре...

В ту тревожную фронтовую ночь вспомнились мне уютные домашние сумерки, сверкавшие огнями новогодние елки, наш садик, в котором росли вишни, яблоны, кусты черной смородины. И, конечно же, вспомнилась еда. Я росла крепкой, здоровой девчонкой, аппетит у меня всегда был великолепный. И я не привередничала, не была сладкоежкой. Это особенно нравилось отцу. Он часто пил чай с солью, что не было причудой. В то время он работал кондитером на фабрике имени Самойловой, и сладкое вызывало у него отвращение.

Я очень любила мусс из манной крупы с подливой, а самым любимым блюдом моим был овсяный кисель с молоком. Дойдя в своих воспоминаниях до киселя, я ощутила его характерный вкус и невольной слотнула слюну. «Ешь, ешь,— говорила, бывало, мама, потчуй меня киселем.— Всегда здоровенькая будешь, как курсанты».

Она с большим уважением относилась к курсантам училища, в котором работала много лет. Сначала мама была подсобницей в рабочей бригаде, восстанавливавшей военный городок. Позже, когда организовалось училище, она стала бригадиром уборщиц.

Мама знала, как скучают молодые люди, поступившие в училище, по родной семье, по близким людям. Курсанты были дорогими гостями в нашем доме, находили в нем радушный прием. И мы, дети, были своими людьми в училище. Грозный комендант его, Михаил Пантелеевич Григорьев, иногда разрешал нам посидеть в клубе или на спортплощадке во время очередного матча. Совсем маленькой девочкой я легко разыскивала свою маму в любом уголке большой территории училища. Каждое событие в его жизни было событием и для нас.

Вот в Новый Петергоф приехала большая группа крупных военачальников. Приехала в связи с образованием Первой школы пограничной охраны и войск ОГПУ (так вначале называлось училище). Это было в ноябре 1930 года...

Вот в школе большой праздник — перед Первым Мая ей торжественно вручается Красное знамя. Вручается на Дворцовой площади Нового Петергофа. Нам, ребятишкам, кажется, что в этой красивой церемонии мы далеко не второстепенные действующие лица. Между тем нас то и дело, причем довольно строго, просят не шнырять перед четким курсантским строем...

Вот яркий солнечный день, торжественный день — 4 февраля 1931 года — школе присваивается имя К. Е. Ворошилова. У нас дома по этому поводу тоже праздник. Отец в который раз рассказывает, как он в годы гражданской войны служил в армии С. М. Буденного и «лично встречался с Климом» (так запросто называл он Климента Ефремовича Ворошилова)...

Лет через пять школа переименовывается в училище. Со всех концов страны едут в него лучшие пограничники, коммунисты, отличники боевой и политической подготовки. Незабываемая картина: на вокзале из поезда выходит очередная группа новичков. Суровые на вид парни с восхищением осматривают ажурный павильон вокзала. Потом они, подтянув ремни, поправив гимнастерки, берут чемоданы и идут к контрольно-пропускному пункту (это рядом — метров сто пятьдесят, не больше). Идут хорошо отработанной, пружинистой походкой кадровых военных, смуглолицые, стройные, рослые как на подбор. Сначала из-за зеленого забора училища, из-за аккуратно подстриженных акаций поглядывают новички на основательные, сложенные из красного кирпича корпуса.

Проходят минуты, и вот ребята уже за чертой приземистого контрольно-пропускного пункта. Вот они пересекают огромный плац. Курсантские каблуки так утрамбовали и отшлифовали его, что он и вблизи кажется залитым асфальтом...

Военный городок училища располагал вместительными учебным и спальным корпусами, великолепным стадионом и манежем. Мне было особенно хорошо знакомо здание училищной столовой, куда я весной сорок первого года поступила работать официанткой. Бывало, войдешь в механизированную пекарню, а тебя так и обдаст горячим запахом свежего хлеба...

Даже придирчивые инспектора поражались чистоте и порядку в училище. Правда, тут не обходилось без женских рук. Жилые помещения держал под своим контролем женсовет. Конечно, зеленая сосновая веточка в простенькой вазочке, или букет подснежников, или бе-

лый шкафчик для питьевого бачка не были предусмотрены инструкциями. Но какой инспектор станет против такого нарушения установленного порядка возражать! Жены начальников и командиров учили курсантов гладить гимнастерки, стирать подворотнички и носовые платки, прививали молодым людям любовь к порядку, опрятность и аккуратность в быту.

Новички быстро осваивались в училище. Расписанный по минутам четкий ритм курсантской жизни был не в тягость бывалым бойцам. И учились они хорошо. Будущие политработники жадно тянулись к знаниям.

И все же мне, помнится, нравилось подтрунивать над молодыми курсантами.

На волейбольной площадке я, бывало, задирала новеньких, называла их салагами, хотя эти «салаги» только что крутили «солнце» на турнике и без особого напряжения ласточкой перелетали через двойного «коня». Они прощали мне мой задиристый характер. А сама я старалась не пасовать в любой ситуации и не отставать в спорте от парней. Это стремление ставило меня на лыжи, вело к турнику, брусьям, на беговые дорожки. И не случайно меня постоянно включали в сборную училища по различным видам спорта.

В 1939 году в связи с советско-финляндским военным конфликтом жены командиров стали заниматься в военизированных кружках. А я что — хуже других? В ту пору я стала ворошиловским стрелком.

Все это снова и снова вспоминалось мне в ту беспокойную августовскую ночь после первого боя с фашистами. И уж конечно я не могла не думать о своих не определившихся еще отношениях с Женей Гагариным и Борей Григорьевым. Было что-то особенное, загадочное, непонятное мне самой в моих чувствах к ним. Боря был в то время уже лейтенантом, а Женья оставался курсантом. Служили они в одном батальоне, но в разных ротах. Я возвращалась мыслью то к одному, то к другому, но все же ловила себя на том, что думаю больше о Жене. Мне виделась его застенчивая улыбка, мягкие, с пшеничным отливом волосы, слышался звучный голос. Ничего особенного он мне не говорил ни разу, но...

— Найвельт! — вдруг громко закричал кто-то у землянок. — Старший военфельдшер Найвельт! Немедленно к комбату!..

Тут же кто-то трижды постучал по бревнам землянки. Постучал требовательно и сильно, возвращая меня из мира воспоминаний во фронтовую явь.

ФАШИСТЫ СТРЕЛЯЮТ В ФАШИСТОВ

Ко многим нашим заботам (а их с каждым днем становилось все больше) прибавилась тревога за товарищей, уходивших по ночам в разведку.

Двадцатого августа во вражеский тыл отправилась группа под командованием Трофима Росликова. В эту группу входили Николай Панин, Петр Жабин, Николай Путилин, Николай Шабельников, Николай Калуцкий, Виктор Дудин и Евстигней Гуляев. Все они были смелыми, ловкими, выносливыми и дисциплинированными бойцами.

Восемь смельчаков, по замыслу помощника начальника штаба по разведке капитана Василия Ефимовича Левина, должны были совершить нападение на фашистский гарнизон в деревне Малое Жабино и вызвать переполох в тылу врага. Детали предстоящего дела были тщательно обсуждены в штабе и выверены по картам.

Помнится, разведчики скрылись в темноте, а я еще долго глядела им вслед, пытаясь представить себе, как ребята идут по лесным тропинкам. Осторожно идут, соблюдая все правила маскировки. Ни один сучок не должен треснуть под их сапогами.

В штабной землянке возле мерцавшей жалким огнем площадки шептались Левин и начальник штаба капитан Петраков. Все у нас знали о дружбе двух капитанов. Это были настоящие кадровые военные люди. Авторитет капитанов в батальоне был неоспоримым. Их искренне любили. Им верили, зная, что капитаны в любом воинском деле тщательно оценивают степень риска. Не случайно подготовленные ими ночные вылазки заканчивались, как правило, успешно.

Успешно выполнила боевое задание и группа Трофима Росликова. Позже он во всех подробностях рассказал нам, как было дело.

Разведчики действовали в строгом соответствии с планом. Они достигли балки между деревьями Большое Жабино и Малое Жабино, нашли телефонный кабель, связывавший фашистские гарнизоны этих населенных пунктов. Росликов приказал Шабельникову и Жабину вырезать большой кусок кабеля. Затем он уточнил задачу, стоявшую перед группой, напомнил сигналы взаимодействия, направление отхода и пункт сбора.

Через некоторое время группа подошла к деревне Малое Жабино. На окраине смутно видна была фигура вражеского часового, ходившего возле крытого авто-

фургона. К нему поползли разведчики Гуляев и Путилин. Вскоре часовой, взмахнув руками, рухнул на землю. Вся группа бросилась к деревне. Взрывы гранат раскололи тишину ночи. Ошеломленные фашисты выскакивали из домов. Кто-то из них иступленно выкрикивал команды. Поднялась беспорядочная пальба из автоматов и пулеметов.

Вскоре Росликов, как было условлено, дал сигнал имитировать отход взрывами гранат. Гитлеровцы тотчас же перенесли всю мощь огня в сторону «отхода», то есть в сторону соседней деревни. В том же направлении бросилась вражеская группа преследования. Через несколько минут дал знать о себе противник и в Большом Жабине. Началась перестрелка между двумя фашистскими гарнизонами. Причем вскоре были пущены в ход пушки и минометы.

Капитаны Петраков и Левин с удовольствием, но не без тревоги прислушивались к звукам пальбы в тылу противника. Больше всего их беспокоило, сумеет ли группа Росликова, заварившая эту кашу, без потерь возвратиться в батальон. Группа возвратилась в полном составе. Все были здоровы и невредимы.

Майор Шорин и батальонный комиссар Луканин высоко оценили действия группы Росликова.

— Вот так, смело и умно, надо действовать всегда, — сказал майор Шорин. — Будем оборонять порученный нам рубеж и постоянно держать в напряжении захватчиков. Пусть ни днем, ни ночью не знают они покоя на нашей земле.

ПОДВИГ ОРДЕНОНОСЦА ЖАДАНА

Помогая навести порядок подразделениям потрепанного врагом ополченческого полка, командование курсантского батальона ни на минуту не забывало об обстановке. Поступили сведения о том, что неподалеку от Волосова попал в тяжелое положение штаб одного из полков дивизии народного ополчения, а по пути отхода его подразделений по разным причинам отстало некоторое количество бойцов и командиров, главным образом из числа контуженых и тяжелораненых.

На помощь остаткам полка была спешно направлена полнокровная курсантская рота лейтенанта Алексея Семеновича Гамаюнова. Политруком в ней был Герман Захарович Лекомцев.

— Идем на святое дело, товарищи курсанты,— говорил политрук перед выступлением роты на задание.— Один из полков дивизии народного ополчения в районе Волосова попал в трудное положение. Надо ему помочь. Наша задача — оказать содействие штабу полка в восстановлении порядка, оказать помощь раненым, вселить уверенность в растерявшихся бойцов, рассеять миф о непобедимости захватчиков.

Затем командир роты отдал боевой приказ, в котором, в частности, говорилось и о том, что будущим политрукам предоставляется возможность испытать свое умение восстанавливать моральный дух воинов, впавших в уныние.

— Следовать придется лесными дорогами повзводно,— сказал ротный.— Походное охранение согласно ранее данным указаниям.

Рота двигалась сравнительно быстро, понимая ответственность возложенного на нее задания. Приданная ей автомашина, тщательно замаскированная свежими молодыми березками и осинками, шла впереди.

Время от времени на пути встречались одиночки и небольшие группы раненых. Они показывали места, где оставлены тяжелораненые. Легкораненым сообщались маршруты дальнейшего следования к местам формирования подразделений. Тяжелораненым, а их было много, оказывалась первая медицинская помощь. Очень скоро нуждавшихся в транспорте набрался полный кузов, и командир роты вынужден был отправить автомобиль на пункт медицинской помощи. Таких рейсов автомашина в дальнейшем совершила несколько.

Хотя лес и укрывал роту от летнего зноя, но полная выкладка давала о себе знать. Курсантам идти становилось все тяжелее. Взглянув на часы, командир роты обратился к политруку Лекомцеву:

— Время бежит, Герман Захарович. Я и не заметил, как полдень миновал. Молодцы ребята, шагают отлично. Этак еще немного, и мы в Волосове окажемся. Видишь впереди группу красноармейцев дозор остановил? Разберемся с ней и передышку можно сделать.

Дорога-просека поднималась немного вверх. По обе стороны ее были поросшие мелкоколесьем и густой травой поляны. Их-то и облюбовал для привала командир роты, отдав об этом приказ командирам взводов лейтенантам Геннадию Ивановичу Мариничеву и Арию Филипповичу Звереву.

Как раз в это время связной курсант Иван Федоров,

прибывший от головного дозора, доложил командиру роты о том, что остановленные красноармейцы сообщили о близком расположении командного пункта полка, который разыскивает наша рота. Оставив за себя командира взвода лейтенанта Мариничева, командир роты и политрук в сопровождении отделения курсантов и двух красноармейцев поспешили на место командного пункта.

Роте был разрешен привал. Взводы заняли две поляны, и, не теряя времени, курсанты уже просушивали порядком взмоклие гимнастерки и портянки, приводили в порядок снаряжение.

Из последнего рейса возвращалась наша, ставшая санитарной, автомашина. Она прошла вперед с намерением укрыться в лесу. Я уже поспешила было к шоферу, зная, что он каждый раз привозит дополнительные перевязочные средства, но раздался пушечный выстрел, за ним второй и третий. Наша автомашина как бы вздрогнула, ее заволочло дымом. Невольно пригнувшись, я увидела, как из кабины и кузова стремительно выскочили водитель Корниенко и сопровождавшие машину курсанты Скорик, Романенко, Коптев и Прокопенко. Уже лежа на земле, я сообразила, что гитлеровские танки идут следом за автомашиной, ведя на прицепе бронетранспортеры с автоматчиками. Откуда взялись эти танки, никто понять не мог. Всего вероятнее, что они выследили нашу автомашину и увязались за нею.

Обстановка складывалась сложная. Курсанты, конечно же, немедленно изготовились к бою. К счастью, лес и высокая трава хорошо маскировали роту.

— Подготовить гранаты и бутылки с горючей смесью. Бросать по моей команде,— распорядился лейтенант Мариничев.

А тем временем вражеские танки усиленно обстреливали автомашину, полагая, видимо, что в кузове и возле нее находятся люди. Ведя огонь с ходу, они продвигались медленно и осторожно. Однако курсантов они пока не обнаруживали. Метрах в пятидесяти от позиции советских бойцов танки остановились. Открылись люки бронетранспортеров и танков, и раздались автоматные очереди.

— Этого еще не доставало,— проговорил лейтенант Мариничев и тут же скомандовал: — Сулима, по бронетранспортерам — огонь! — И совсем уже не приказным тоном добавил: — Загони эту нечисть обратно в их ходные гробы.

Отличного минометчика курсанта Петра Сулиму команда не застала врасплох. Работая за командира, наводчика и заряжающего, он быстро посылал мину за миной в направлении указанной цели, корректировал наводку и снова стрелял. Его помощники курсанты Максим Швидкий, Федор Федоров и Федор Росторгуев едва успевали подносить мины.

Неожиданный и удачный обстрел бронетранспортеров заставил выскочивших из них десантников поспешно искать укрытие за броней. У люков создалась суматоха. Ею воспользовались курсанты Иван Кулыгин, Николай Симонов, Николай Борейкин, Василий Капалкин, Сергей Ерусалимцев, Михаил Малахов, Сергей Скурыгин, Николай Литвиненко и другие, открывшие прицельный огонь по противнику из личного оружия.

Вражеские танки начали маневрировать, но как-то медленно и непонятно. Этим их замешательством воспользовался помощник командира взвода курсант Иван Лукьянович Жадан, бывалый воин, ранее награжденный орденом Ленина за смелые действия в боях по защите Родины. Он смело подполз к танку. Пренебрегая опасностью, он поднялся во весь рост и, сделав еще два прыжка к стальной громадине, метнул ей под гусеницу связку гранат. Раздался взрыв. Гусеницу сорвало с катков. Танк попытался развернуться, но из этого ничего не получилось. В подбитую машину полетели новые гранаты — велика была радость от одержанной победы над стальной громадиной.

С одного из бронетранспортеров заметили Жадана. Когда он падал на землю, автоматная очередь настигла его. Пуля, раздробив челюсть и изменив направление при выходе, вонзилась в правое предплечье курсанта. Жадан на мгновение потерял сознание, но, возбужденный схваткой с врагом, быстро пришел в себя. Окровавленный, он медленно стал отползать в лощину, где я его подобрала и сделала перевязку.

Геройский поступок Жадана не был единственным. Воспользовавшись замешательством врага, курсанты Андрей Ярошенко, Николай Артамонов, Ефим Кирпиченков, Василий Доля, Иван Козьменко и Андрей Пикалов действовали самоотверженно. Они забросали гранатами и бутылками с горючей смесью вражеские танки и бронетранспортеры. А когда из машин начали убежать экипажи, курсанты встречали их автоматными и пулеметными очередями. Противник понес ощутимые потери в живой силе и технике. Потери же роты не шли ни в

какое сравнение. Был ранен Жадан, повреждение мягких тканей получили курсанты Николай Морев, Василий Логвинов и Аркадий Кириллов.

Подводя итог неожиданному, скоротечному и победному бою, командир роты отмечал дружные, согласованные и смелые действия всех курсантов, особенно Жадана и других истребителей танков, слаженность огня пулеметчиков, прекрасную подготовку минометчиков, что во многом определило успех боя. Политрук Лекомцев подчеркнул особое восхищение действиями пограничников, временно подчиненных роте. Он информировал курсантов о том, что на месте командного пункта полка группой обнаружены разбитые землянки, в одной из них — убитый комиссар полка. С пистолетом в руке он, видимо, дрался с врагом до последнего патрона.

Пограничники похоронили отважного комиссара прямо на месте его гибели. Пистолет комиссара политрук вручил на память курсанту Василию Федоровичу Бахмуцкому, отличившемуся в прошедшем бою и активно принимавшему участие в похоронах комиссара. Бахмуцкий с гордостью носил этот подарок вплоть до своего ранения под Ирогойшей 31 августа 1941 года.

Рота продолжала выполнение задания. На следующее утро у нее произошла теплая встреча с разведгруппой стрелковой части, действовавшей на том же направлении. Разведчики указали пограничникам маршрут следования в штаб части, по прибытии в который курсанты были накормлены и обеспечены автомашиной для перевозки раненых. Через некоторое время рота вернулась в свой батальон.

ЛОВУШКА НА КЛАДБИЩЕ

Время было тревожное, и наш штаб организовал так называемые проверки соблюдения прифронтового режима в ближайших тылах. В деревню Дятлицы с этой целью была направлена специальная группа в составе заместителя политрука Владимира Наумова, курсантов Ивана Королева, Александра Стасенко, Якова Химича, Анатолия Попова, Петра Сулимы, Дмитрия Бабенко, Василия Нартова, Прокопия Титова и Михаила Ушакова. Включили в группу и меня.

— Хоть мы и в своем тылу, — говорил нам Наумов, — но двигаться надо быстро и скрытно, как это делают пограничники, с правой и левой стороны дороги. Впер-

ди пойдут Стасенко и Химич, справа — Попов и Сулима. Сигналы связи обычные. Подойдя к селу, остановимся и на месте решим, как будем действовать дальше. Царевой находится с Королевым и Бабенко.

Лес мы прошли быстро. На опушке дозорные остановились. Возле них собралась вся группа. Было часа три ночи. Начинало светать.

— Вот церковь, — сказал Наумов, — а островок деревьев среди хлебов — это кладбище.

В этот момент Попов и Сулима почти в один голос прошептали:

— Товарищ командир, в нашу сторону от кладбища движутся какие-то люди.

Группа залегла.

— Стасенко и Химичу выдвинуться вперед, левее межевого кургана, — приказал старший группы. — Попову и Сулиме занять позицию правее большого валуна. Неизвестных встречу и остановлю я сам.

Наумову не раз приходилось задерживать нарушителей границы. Он хорошо знал волчьи повадки врага. На этот раз казалось подозрительным, что неизвестные не шли, а крались среди высокой ржи. Как только они втянулись в полукольцо нашей обороны, Наумов, оставаясь в укрытии, внезапно и властно произнес:

— Стой, руки вверх!..

Неизвестные что было силы пустились наутек. Они явно рассчитывали скрыться в хлебах. Между тем нам было видно, что дорожки приминаемой бегущими ржи сходятся к кладбищу. Группа могла бы открыть огонь по беглецам. Однако полной уверенности в том, что это враги, у нас не было.

Поочередно прикрывая друг друга, курсанты быстро достигли кладбища. Здесь было тихо, так тихо, что это настораживало. Куда же делись преследуемые? Почему они так старательно избегают встречи с нами?

— Королеву, Бабенко, Нартову обойти кладбище слева и осмотреть ров, — распорядился Наумов. — Титову, Стасенко и Ушакову обойти кладбище справа. Оружие не применять! Вполне возможно, что перед нами свои люди, «окруженцы».

Прошло несколько минут после того как курсанты двинулись в указанных им направлениях, и вдруг мы услышали выстрелы, взрывы гранат, стоны. Наумов рванулся вперед. Уже на ходу он крикнул:

— Сулима, организуй поддержку!..

Забравшиеся в глубокий кладбищенский ров и все

же обнаруженные вражеские диверсанты-разведчики были окружены. Чтобы вырваться из ловушки, которую они сами себе устроили, фашисты пустили в ход оружие, внося в обстановку полную ясность.

Пришлось и нашим ребятам бросить в ров несколько гранат.

Один из гитлеровцев уцелел. Цепляясь за ивовые кусты, он выбрался из рва и быстро пополз в сторону деревни.

— Ах ты, шкура фашистская!..

Королев одним махом настиг вражеского солдата. Схватенный за ноги, тот завопил, попытался вырваться, но не смог. Королев с силой вдавил голову испуганно кричавшего фашиста в землю и заломил его руки за спину.

— Стой, Иван, нам «язык» нужен. Давай его, сукина сына, сюда!..

Наумов и Королев потащили пленного к основному ядру группы. Я метнулась навстречу им, готовясь перевязать немца, но Наумов отмахнулся от меня.

— Ничего, подождет с перевязкой... Ребята, в Дятлицах фашисты,— сказал он курсантам.— Всем быстро отходить. Пленного беречь. Он нужен...

Шум и перестрелка на кладбище не остались незамеченными. Вражеский гарнизон в Дятлицах пробудился и зашевелился. Однако наша группа вскоре была в лесу. Я перевязала немца уже в расположении батальона. Когда мы завтракали, повар Михаил Петров предложил поесть и пленному. Тот сначала принял было гордую позу, но, как говорится, голод не тетка. Вскоре надменный ариец съел предложенную ему еду и развязал язык. Он рассказал о том, что находившиеся с ним солдаты очень боялись советских юнкеров, с которыми уже встречались в боях. Разведгруппа, в которую он входил, направлялась к Кингисеппскому шоссе. Было приказано не обнаруживать себя, в бой не вступать, а вести наблюдение. Разведчики наткнулись на советских солдат неожиданно, думали, что они не будут преследовать, и хотели отсидеться во рву...

— Вот и отсиделись! — сказал майор Шорин, допрашивавший пленного. — Потери есть? — спросил он у Наумова.

— Нет, товарищ майор. Бабенко руку задело, но он уверяет, что оружие держать рана ему не мешает.

— Молодцы, ребята! За уничтожение разведгруппы большое вам спасибо. Теперь мы о Дятлицах точные

сведения имеем и фашистов в них побеспокоим в ближайшую ночь...

Недавно я вместе с Владимиром Наумовым побывала в Дятлицах. Нам довелось впервые увидеть деревню при дневном освещении. Местная жительница Наталья Николаевна Кузнецова, узнав, что мы бывшие фронтовики, воевавшие в здешних краях, рассказала нам много интересного о событиях, относящихся к августу 1941 года.

Наталье Николаевне было тогда тридцать восемь лет. Когда фашисты приблизились к Дятлицам, она спрятала своих пятерых детей в соседней деревне Малое Забородье. Оккупанты установили жестокий режим в занятых ими населенных пунктах. Расстрел ждал каждого, кто осмеливался выйти из своего дома позднее шестнадцати часов.

Вместе с Натальей Николаевной побывали мы на кладбище. Ров, в котором курсанты уничтожили вражескую разведгруппу, зарос травой. Мы с Наумовым, бродя возле этого рва, до мельчайших подробностей восстановили в памяти все, что произошло здесь августовской ночью тридцать лет назад.

— Как сейчас вижу того трусоватого фашиста, который пытался удрать, — сказал Владимир. — Он и на допросе оказался мокрой курицей — все рассказал о своем гарнизоне.

ПРИКАЗАНО СМЕЯТЬСЯ

Атаки фашистов по-прежнему следовали одна за другой. Не жалея боеприпасов, враг вел шквальный огонь. Однако мы не переставали зорко следить за противником. Стоило гитлеровцам сделать хотя бы шаг вперед, как оживали наши огневые точки. Пулеметчики, автоматчики и стрелки дружно отражали натиск врага.

— Да, палит немчура вовсю. Видно, страху хочет нагнать. Только нас теперь на испуг не возьмишь, — спокойно рассуждали «старички» (так мы называли ополченцев). О курсантах и говорить не приходилось. Они действовали с каждым днем все более умело и решительно. Фашисты уже не петушились, как это бывало прежде на нашем участке. Пограничники приучили их ползать и кланяться. Фактически в те августовские дни на Кингисеппском шоссе враг вынужден был перейти к обороне.

— А нам надо переходить к активным действиям, — рассуждал вслух майор Шорин. Речь шла не о наступлении, разумеется, а о разведывательных поисках, о рейдах и налетах на отдельные гарнизоны, штабы, узлы связи и склады во вражеском тылу.

В один из августовских вечеров произошло нечто необыкновенное. Мне было объявлено, что я иду в разведку в составе группы лейтенанта Григорьева. Того самого Бори Григорьева, в своем отношении к которому я еще не успела разобраться. Догадывался ли он о чем-нибудь? Думаю, что не догадывался.

Перед выходом в разведку тщательно перебирала я содержимое своей санитарной сумки, подгоняла ремень трофейного автомата, подаренного мне курсантами. Когда же лейтенант Григорьев стал проверять нашу готовность к выполнению боевого задания, у меня даже ладони вспотели от страха. Больше всего я боялась, что он найдет какой-нибудь изъян, и он действительно нашел.

— С затвора масло снять, не на склад отправляйтесь! — твердо сказал Борис.

Наша большая группа вышла на задание перед рассветом. В ночной темноте лесная дорога показалась мне мрачным туннелем. Еле-еле различая силуэт впереди идущего, я старалась, как и он, ступать бесшумно. Кажется, это у меня получалось. Во всяком случае, лейтенант Григорьев не сделал мне больше ни одного замечания. Нервное напряжение было так велико, что чувство времени и расстояния притупилось. Когда поступил приказ лечь и замаскироваться, мне показалось, что мы все еще находимся где-то недалеко от своего штаба.

Быстро светало. Облачное небо и сырой ветерок предвещали серый день. Силуэты домов деревни Большое Жабино, возле которой мы находились, проступали перед глазами, как изображение на фотобумаге. Вскоре мы увидели возле домов множество повозок и фургонов, автомашин и зачехленных пушек.

Первых вражеских солдат мы заметили часа в четыре утра. Это был, по-видимому, кухонный наряд. Немцы двигались лениво. Они потягивались, кашляли, закуривали. Нам хотелось захватить в плен хотя бы одного из этих полусонных солдат. Кто-то шепотом сказал об этом лейтенанту Григорьеву, наносившему на карту обстановку. Борис, как бы разговаривая с самим собой, еле слышно пробурчал:

— Пожалуй, ни одна сонная тетеря в нашу сторону не пойдет. А в деревню мы сможем зайти только ночью...

«Ничего себе! — подумала я.— Ждать целый день, лежа на сырой земле. И разговаривать нельзя. Это уж слишком». Беспокойство не покидало меня. Все время казалось, что мы плохо замаскированы, что фашисты вот-вот заметят нас. Я попыталась сообщить о своих подозрениях лейтенанту, но он только сердито цыкнул на меня. Больше я разговор не возобновляла. Приказ есть приказ.

Когда наступила темнота и Григорьев дал команду встать, я с большим трудом поднялась из укрытия. Онемевшие ноги отказывались повиноваться. Мы двинулись по направлению к деревне. Моросил мелкий дождик. Где-то далеко, у Красногвардейска, ухали пушки. Как я ни всматривалась в темень, мне удавалось разглядеть лишь силуэт лейтенанта, шедшего передо мной. Курсантов не было видно и слышно.

Вдруг мое ухо резанул гортанный говор двигавшихся на нас людей. Они появились внезапно из-за поворота дороги. Это был, видимо, фашистский патруль. Солдаты громко разговаривали. Они проходили мимо нас буквально в нескольких шагах. Я готова была провалиться сквозь землю.

Когда немцы отделились, курсанты окружили лейтенанта. Он приказал всем залечь у дороги и дожидаться возвращения вражеских солдат. Шепотом Борис подавал короткие команды, и курсанты один за другим исчезали в темноте. Мне Григорьев сказал: «Будешь рядом со мной».

Время тянулось, а вражеский патруль так и не возвращался. Еле слышным пощелкиванием и посвистом лейтенант вызвал к себе курсантов Годованика и Фролова. Через несколько минут они снова исчезли во тьме. Тогда лейтенант подозвал меня:

— Видишь силуэт большого дома за прудом?

Я кивнула.

— Мы идем с тобой к этому дому. Ребята там уже ждут нас. Пошли...

Мы двинулись по берегу большого пруда. Шли, медленно и осторожно огибая его черное зеркало. Вдруг Борис крепко схватил меня за локоть, притянул к себе.

— Смейся!

Я опешила.

— Ты что?.. В-вы что?..

— Да смейся же, говорю тебе! — зло прошептал он. — Но так, чтобы часовой услышал и поверил, что ты смеешься!..

«Ничего себе, — промелькнула у меня мысль. — Маленькое дело, под дулом автомата хихикать».

Только тут я заметила, что возле черной громады дома то в одну, то в другую сторону двигался какой-то огонек. Это ходил, покуривая, немецкий часовой. Как позже выяснилось, лейтенант ориентировался по огоньку его сигареты.

— Смейся!..

Я выдавила из себя что-то, отдаленно похожее на смех. Григорьев одобрительно коснулся моего плеча. Меня била дрожь. На ногах, казалось, висели гири.

Часовой испуганно вскрикнул: «Хальт!» Лейтенант Григорьев что-то сказал ему по-немецки. Тем временем Ханькин, Парамонов, Годованик и Фролков, подкравшившись с другой стороны дома, сняли часового.

Лейтенант бросился вперед. Я последовала за ним.

— Охраняй вход, — на ходу сказал он. — Никого не выпускай и не выпускай. Стреляй, если что..

Григорьев ворвался в дом вместе с остальными ребятами. С автоматом наготове я осталась на крыльце. Привыкнув к темноте, я разглядела фигуру лежавшего поблизости часового. Страх не покидал меня. Все время чудилось, будто кто-то крадется к дому. Слышались какие-то шорохи, странное пофыркивание. Я плотно прижалась к стене. Если кто и подкрадется, то уж, во всяком случае, со спины ему не зайти. От напряжения у меня искрило в глазах.

Внутри дома раздались выстрелы, послышалась возня. Потом грохнул взрыв, посыпались стекла из окон. Одна сорвавшаяся с петель оконная рама точно крышкой накрыла только что убитого часового.

Оказывается, когда группа лейтенанта Григорьева поднялась на второй этаж, находившиеся там фашистские офицеры были заняты своими штабными делами. Не раздумывая, пограничники пустили в ход автоматы, уложив всех, за исключением одного. Курсанты потащили пленного, а Григорьев, схватив со стола топографическую карту и сунув ее за пазуху, бросился к выходу. Тут он столкнулся со спешившей на помощь офицерам охраной штаба. Первым заметил гитлеровских солдат курсант Парамонов. Он швырнул в них гранату. Затем лейтенант и курсанты прыгнули со второго этажа дома на землю рядом с крыльцом.

— К черту «языка»! — сказал Григорьев. — Штабные документы важней. Немедленно отходить!..

Наше нападение на вражеский штаб не осталось незамеченным. В деревне началась беспорядочная пальба. Гарнизон ожил. Надо было спешить, чтобы фашисты не успели организовать преследование.

На контрольной остановке мы обнаружили, что с нами нет Саши Гнидаша. Лейтенант Григорьев был вне себя от ярости. Таким я видела его впервые. Я даже отошла в сторону, чтобы дать ему возможность по-мужски выразить свои чувства. Наконец он взял себя в руки.

— Ну, что будем делать?..

Годованик предложил возвратиться и поискать Гнидаша. Его поддержали Крупский, Фролков, Сорокин, Парамонов и Страдымов. Но командир не согласился с ними.

— Жалко Александра, — сказал он уже спокойнее. — Но ввязываться в перепалку, когда взбудоражен весь фашистский муравейник, мы не имеем права. Рисковать вами всеми комбат запретил мне категорически. Пошли!..

Расстроенные вконец, мы поспешили в батальон. Между тем гитлеровцы бесновались. Но что удивительно: стреляли они не в нашу сторону, а вдоль дороги. Через некоторое время, когда пальба поутихла, мы вышли к шоссе. Настроение у всех было скверное. Так глупо потерять товарища! Если бы знать, что с ним!..

Уже светало, когда все мы услышали топот копыт и грохот колес. Вскоре нас догнала одноконная повозка. Мы на секунду оторопели: в качестве ездового на ней торжественно восседал Саша Гнидаш. Он хитро и, пожалуй, даже несколько самодовольно улыбался.

Что произошло в следующие мгновения, трудно описать. Курсанты ринулись к повозке. Лейтенант коршуном налетел на Гнидаша. Он и целовал, и колотил его, и кричал что-то не совсем подходящее для женских ушей. Образовалась куча мала. В ней были все. Я тоже обняла и малость поколотила кулаками по спине провинившегося. Великан Дима Годованик поднял Гнидаша, как штангу, свирепо потряс им в воздухе, словно бы намереваясь стукнуть о землю, а затем бережно опустил на повозку, на какие-то мягкие тюки.

Мы въехали в расположение своего штаба, что называется, с комфортом. Нас заждались, но с недоумением смотрели на весь этот спектакль. Разумеется, без строгого внушения не обошлось. Комбат приказал капитану

Петракову внимательнейшим образом проанализировать наши ошибки, чтобы впредь их не допускать.

Позднее Гнидаш со свойственным ему юмором рассказал нам о своих приключениях. Выскочив последним из разгромленного вражеского штаба, он увидел запряженную повозку. Не раздумывая, прыгнул в нее и погнал лошадь по дороге в сторону нашей линии обороны, решив таким образом догнать группу. Оказывается, это по нему вели гитлеровцы яростный огонь. Гнидаш сам искренне удивлялся тому, что ни одна пуля не задела его.

Долго потешались курсанты над Сашей, требуя все новых подробностей его «парадного выезда». Но в душе они высоко оценили его находчивость. Меня в те дни тоже донимали расспросами. Было много дурашливых «охов» и «ахов». Я смеялась и краснела, рассказывая, как оробела, когда услышала немецкое «хальт!».

Конечно, страху я натерпелась. Но, правду сказать, там, в деревне, я больше всего боялась сделать что-либо не так, как того требовал Борис Григорьев.

Возвратясь из разведки, ребята завалились спать. Я тоже пыталась было уснуть, но не смогла. А вечером мне довелось нечаянно услышать в темноте тихий разговор Шорина и Григорьева.

— Ну, как Царева? — спросил комбат.

У меня бешено заколотилось сердце. Борис молчал. Слишком долго, как мне показалось, молчал.

— Молодец девчонка, — наконец задумчиво сказал он. — Действовала не хуже парней...

Я натянула на голову шершавую шинель и разревелась.

Проспала я до полудня. А когда проснулась, все уже знали о результатах нашей вылазки. Ценной была не только захваченная в немецком штабе топографическая карта с нанесенной на ней обстановкой. Много полезных сведений содержали письма фашистов, найденные в повозке, которую угнал из Большого Жабина Саша Гнидаш. Интересный обзор этих писем сделали для нас политруки Габов, Полонский, Ушаков и Лекомцев.

В письмах было заметно разочарование гитлеровцев походом на Восток, их неверие в быстротечность войны. Фашистских вояк пугало упорное сопротивление советских войск. Каждый из них больше всего заботился о собственной шкуре. Приятны были нам жалобы на «фанатичных советских юнкеров», от которых, по словам авторов писем, «нет покоя ни днем ни ночью».

ИРИНА ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

А теперь хочу рассказать еще об одной вылазке в тыл врага, свидетельствовавшей о советском патриотизме и любви населения к Родине.

Началось с того, что наш секрет задержал девушку, которая шла из населенного пункта, занятого противником. Курсанты Петр Орлов и Михаил Павлов доставили ее в штаб батальона.

— Товарищ майор, пограничным нарядам под командованием курсанта Парамонова задержана неизвестная, направлявшаяся к нам со стороны Волгова. При задержании вела себя спокойно. Просила доставить ее к вам, товарищ майор,— доложил Орлов.

Комбат удивился:

— Как это — ко мне? С волговскими жителями знакомств я, кажется, не заводил.

— К вам, так она и сказала. Ведите, говорит, к начальнику пограничников майору Шорину.

Майор пожал плечами:

— Ну и дела!..

В сопровождении курсантов в землянку вошла совсем еще юная девушка в ситцевом платьице и старенькой косынке. Большие глаза ее были печальны.

— Меня зовут Ириной,— быстро и возбужденно заговорила она.— Я дочь старосты из деревни Волгово. Мой отец... Мой отец,— она заплакала.— Он предатель. Он с немцами... Он направил меня сюда узнать... Узнать, много ли здесь вас, пограничников... Как вы вооружены... И все остальное...

Голос девушки дрожал.

— Он сказал мне... Но я комсомолка. Я не шпион... Позерьте мне,—она заплакала. Рыдания сотрясали все ее хрупкое тело. Нет, это не могло быть притворством.

Слово за словом девушка рассказала о том горе, которое причинил людям ее отец за несколько дней пребывания оккупантов в Волгове и других деревнях. Горечь и возмущение звучали в ее голосе. С мельчайшими подробностями, как бы очищаясь от приставшей к ней грязи, Ирина говорила обо всем, чему была свидетельницей в те дни. Как только гитлеровцы появились в Волгове, ее отец стал их добровольным помощником. Свежеиспеченный староста составил списки «неблагонадежных» и вместе с карателями занялся вылавливанием не верных «новой власти». Страшная молва о его звер-

ствах облетела соседние деревни. Старосту-садиста проклинали, но боялись — фашисты поддерживали его во всем.

Ирина рассказала кое-что о семье, в которой она родилась и выросла. В этой семье не любили отца, замкнутого, нелюдимого человека. Он всегда был зол, бил жену и детей. Он истязал лошадей, на которых работал. Одна из них застряла в грязи. Он забил ее до смерти и мертвую продолжал бить железным прутом. Изувер оставил свою жертву только после того, как его окатили холодной водой. Оставил, но тут же набросился на человека, который осмелился его унять.

Не случайно еще до войны он получил прозвище Живодер. Бывало, соседи обращались к нему, когда надо было зарезать петуха, забить свинью или барана. Это он делал с удовольствием. Вот этого Живодера и назначили фашисты старостой. В чем-то он был им близок...

Комбат и штаб решили, что надо как можно быстрее пресечь преступные деяния старосты. Однако захватить фашистского прихвостня было не так просто: в Волгове размещался большой немецкий гарнизон. Майор Шорин с одобрения батальонного комиссара Василия Ивановича Луканина и штаба поручил захват старосты все той же группе разведчиков лейтенанта Григорьева. Включена была в группу и я.

Тщательно готовились разведчики к выполнению этого сложного задания. Григорьев подробно расспросил Ирину, как подойти к деревне и к дому старосты. Путь предстоял исключительно опасный. В конце концов было принято решение взять Ирину с нами в качестве проводника. Это несколько осложнило дело: пришлось обеспечить охрану девушки. Подозрений она не вызывала, но все же была пока «задержанной до выяснения». Мало ли что...

Мы шли довольно долго, выдерживая направление по ориентирам, на которые указывала нам Ирина: бугорок, ложбинка, обгоревшая сосна, ручей, болото, лес. Потом наша группа подошла к затравенелой просеке. Вдоль просеки — канава. Здесь Ирина остановилась и заявила, что дальше ей идти нельзя, так как Волгово близко, а появляться ей в деревне сейчас невозможно. Все мы насторожились. Но девушка спокойно пояснила, что немцы дали ей задание остаться в расположении советских войск на длительный срок и раздобыть как можно больше нужных им сведений.

— Вы ползите по этой канаве. Не отклоняйтесь ни вправо, ни влево. Фашисты в этом лесу поставили мин. Свободна только канава. Отойдете в сторону — погибнете, — как-то по-деловому предупредила нас она.

Лейтенант Григорьев вынужден был согласиться с ней. Посоветовавшись с курсантами, он отправил Ирину в сопровождении Павла Пивоварова и Ивана Ильченко обратно в батальон. Мы поползли друг за другом по грязной канаве. Возникали естественные сомнения: «А не лезем ли мы в пасть к врагу? Что, если эта подосланная противником девушка загнала нас в мышеловку?»

Но сомнения были напрасными. Канава вывела нас к цели. Деревня тянулась вдоль грунтовой дороги. В западной части Волгова улица раздваивалась. Здесь сквозь старые липы и березы видны были добротные каменные постройки. Нам уже было известно, что в них расквартированы фашисты.

Дом старосты мы нашли быстро по приметам, сообщенным Ириной. Со стороны двора окон в доме не было. Ольшаник подступал к самому огороду. За изгородью стояла черная деревенская банька с маленьким окошечком, заткнутым продымленной черной тряпкой. Открытая дверь предбанника поскрипывала на ветру.

Деревня казалась вымершей. В доме старосты также не было заметно никаких признаков жизни. Может быть, хозяин затаился в своей берлоге? Григорьев сам осторожно приблизился к дому и вскоре снова возвратился к нам.

— Там его нет, — немного запыхавшись, прошептал он. — Ирина правильно предупреждала нас, что отца трудно заставить дома. Всем смотреть в оба. Он может появиться со стороны леса и огорода...

Лейтенант задумался, обвел внимательным взглядом дом, двор, огород.

— Зверюга он опасный, так что на легкость захвата мы рассчитывать не можем. Действовать будем осторожно. Пока что Страдымову, Фролкову, Пахомову и Парамонову занять сарай и вести наблюдение за домом через ворота. Остальным укрыться в бане и обеспечить обзор подходов с тыльной стороны. Еще раз напоминаю о выдержке. Действуйте...

Григорьев внимательно проследил за тем, как заняли свои места его помощники. Вскоре я тоже юркнула в укрытие.

Из баньки, в которой мы затаились, удобно было вести наблюдение и оставаться невидимыми. Если бы кто-

нибудь в то время вздумал заглянуть в усадьбу старосты, он не обнаружил бы ничего подозрительного. Молчал пустующий дом. Чернела на фоне леса баня с открытой дверью.

Долго пришлось нам ждать. На меня это действовало удручающе. Как наименее терпеливая, я предложила Григорьеву поискать старосту, хотя не представляла себе, как это сделать в большой деревне, занятой фашистами. Конечно, мое предложение было резко отвергнуто. Плюс к тому я получила от лейтенанта строгое внушение за «мальчишество».

Время тянулось медленно. Смертельно хотелось спать. Было тихо. Лишь время от времени ветер доносил до нас голоса вражеских солдат. И снова воцарялся полный покой. Курсанты, как и я, с трудом преодолевали дремоту. Правда, баню продувал сквозняк, и холодок заставлял нас ежиться, помогал бороться со сном.

Прошла немыслимо долгая ночь. Забрел рассвет. Лейтенант смягчился и разрешил нам поочередно немного поспать. Первой получила такую возможность я. Час пролетел для меня как мгновение. Курсанты один за другим проглатывали маленькую порцию сна. Пришел полдень. Об этом нам напомнили желудки. Мы пожевали сухарей и попили воды из банного котла.

Положение было не из приятных. По деревне, поднимаемая пыль, проносились автомашины. Скрипели конные повозки. По улице ходили солдаты. В любой момент кто-нибудь из них мог заглянуть в дом или во двор старосты. Я с тревогой поглядывала на лейтенанта, на курсантов. Их тоже мучила неизвестность, но все они были сдержанны и с виду спокойны. И мне ничего не оставалось, как перенимать у них эту сдержанность и спокойствие.

К счастью, никто нас не обнаружил. Начинало смеркаться. Незаметно вновь ожил червячок сомнения: не сыграла ли все-таки злую шутку Ирина? У той ли норы мы охотимся за зверем? Может быть, староста куда-либо переехал, заботясь о своей безопасности?

Григорьев мрачно поглядывал на циферблат часов и, наконец, приказал Ханыкину и Годованику выбраться из бани, занять выгодную позицию и обеспечить отход всей группы. Обидно было, конечно, уходить ни с чем. Раньше такого с нами не случалось. Может быть, вместо старосты захватить фашистского «языка»?

Но тут со стороны дороги послышался топот ног и многоголосый говор. Заскрипела калитка, и во двор вва-

лились несколько гитлеровцев и с ними человек в крестьянской одежде. Нетрудно было догадаться, что это отец Ирины: приметы она нам описала.

Компания вошла в дом, а двое остались во дворе. Очевидно, им было поручено нести наружную охрану.

Вскоре в окна загорелся свет. Охранники, о чем-то разговаривая, стояли у входной двери и не спеша двинулись к сараю, где затаилась часть нашей засады. Вот один из гитлеровцев вошел в ворота сарая. Второй медлил. Он остановился метрах в шести от проема ворот. Через некоторое время первый выкатил наружу здоровенный чурбан. Мы облегченно вздохнули: значит, фашист не заметил засады. Конечно, наши ребята могли его схватить. Но второй солдат при этом поднял бы тревогу.

Из бани мы наблюдали за всем происходившим там, возле сарая. Солдаты спокойно уселись на чурбан. Вспыхнул огонек зажигалки. Две головы потянулись к ней. Секундного расслабления внимания охранников было вполне достаточно для Страдымова, Фролкова и Пахомова. Они в мгновение ока очутились возле фашистов. Тот и другой с перехваченными глотками без звука рухнули на землю. Несколько секунд продолжалась борьба, слышалось сдавленное мычание. Затем вновь наступила тишина.

Лейтенант Григорьев, курсанты Годованик, Парамонов, Страдымов и Ханыкин поспешили в дом и решительно ворвались в освещенную комнату. Сидевшие за столом гитлеровцы и староста со стаканом и бутылкой в руках обалдело смотрели на пограничников. Немая сцена длилась мгновение: раздались короткие автоматные очереди, и два фашиста кулями осели под стол. Двое других схватились за пистолеты. Через секунду в живых был только один. Страдымов и Ханыкин навалились на него. Завязалась ожесточенная борьба.

Староста бросился к окну, но попал, точно в клещи, в железные объятия Годованика. Парамонов со сноровкой разведчика загнал в рот предателя кляп. Тот продолжал сопротивляться, но его уже тащили из дома. Следом Ханыкин и Страдымов волокли истощенного вопившего гитлеровца. Ему тоже пытались заткнуть рот, но пленный зубами вцепился в палец Страдымова. Если бы не крепкая отрезвляющая оплеуха Ханыкина, вовремя выданная фашисту, быть бы Страдымову без пальца.

На улице пленные вновь попытались вырваться. Но разведчики накинули им на шею удавки из поясных рем-

ней. Между тем в деревне поднялась тревога. Выполняя свою задачу по охране группы со стороны улицы, я первая увидела бежавших по направлению к нам фашистов. Очень хотелось дать по ним автоматную очередь, но лейтенант Григорьев строго прикрикнул:

— Никакой стрельбы!.. Сейчас же в лес!..

Мы с Фролковым шли замыкающими. Вскоре вся группа углубилась в лес. Гитлеровцы потеряли нас из виду. Они подняли отчаянную стрельбу, но рой транссирующих пуль летел куда-то в другую сторону.

Мы уходили довольно быстро, и вскоре звуки выстрелов отдалились. Дело было сделано. Осталось доставить старосту и пленного в штаб.

К штабной землянке группа подошла часа в три ночи. Нас встретил капитан Левин. Он в ту пору работал с другими группами разведчиков, уходившими на задание. Бодрствовал и начальник штаба капитан Петраков. Тот и другой поздравили нас с удачей. Минут через десять пришли комбат и комиссар. Когда майор Шорин задал пленному по-немецки какой-то вопрос, тот злобно ответил по-русски:

— Я офицер великой Германии и никаких показаний давать не буду.

Что касается предателя-старосты, то он сразу раскис и скороговоркой выкладывал все, о чем его спрашивали. А знал он многое.

ЧЕРЕЗ ЛИНИЮ ФРОНТА

Сведения, полученные при допросе предателя-старосты, позволили осуществить дерзкий ночной налет на расквартированный в Волгове фашистский гарнизон.

Теперь нашим командирам было известно, что в этой деревне стоит штаб немецкой дивизии, батальон пехоты и несколько недавно прибывших сюда небольших подразделений. Известно было, где сосредоточены вражеские танки и автомашины, боеприпасы, горючее, продовольствие.

— Враг силен,— говорил комбат.— Но мы можем противопоставить ему внезапность нападения, профессиональное мастерство и наш боевой дух.

Нанести удар по врагу было поручено первой роте, которой командовал лейтенант Дмитрий Григорьевич Бурнос. Более ста пятидесяти курсантов должны были отправиться в тыл врага, в Волгово. В ходе подготовки к

этому налету «проигрывались» различные варианты встречи с противником, отрабатывались методы внезапного ночного боя.

Политрук роты Алексей Аристархович Габов и группарторги взводов разъясняли курсантам цель предстоящего боя. Ведя индивидуальные беседы с людьми, они уточняли задачи, стоявшие перед каждым из них.

Парторг роты Александр Рамзаев созвал перед боем коммунистов.

— Итак, этой ночью будем громить гарнизон в Волгове,— сказал он.— Поработать предстоит в полную силу. Слышали, что говорил политрук? На каждого из нас приходится пять-шесть фашистов. Так что скучать будет некогда. Ко всему тому прошу иметь в виду: захватчики очень злы на пограничников. Они не прочь заполучить хотя бы одного курсанта, чтобы сорвать на нем свою ненависть. Помните о взаимной вырубке. И пусть каждый дерется за десятерых.

— Повезло нам с тобой, командир,— говорил несколько позже политрук Габов командиру роты лейтенанту Дмитрию Григорьевичу Бурносу.— Хорошие у нас люди...

— Проверь еще раз,— сказал ему Бурнос,— нет ли больных, все ли снабжены индивидуальными пакетами. Бой предстоит сложный. Всякое может случиться.

Бурнос снова принялся за изучение карты. За этим занятием и застали его начальник штаба капитан Петраков и его помощник по разведке капитан Левин. Петраков взглянул на карту.

— Решили атаковать тремя группами? Остальной состав роты обеспечивает их действия? Что ж, это, пожалуй, правильно. Как думаешь, Василий Ефимович? — обратился он к капитану Левину.

— Думаю, что решение принято верное. Я с ним уже знаком. Только вы, лейтенант, не теряйтесь, если бой пойдет не по плану. Вся война пока что не по плану идет. Главное — не потеряйте управления. Сигналы взаимодействия отработаны?

— Да, отработаны. С командирами взводов, с их заместителями, с командирами отделений варианты боя «проиграны».

— В таком случае сверим часы. Сейчас одиннадцать тридцать. Вам выступать в тринадцать ноль-ноль. Донесение, как договорились. Удачи вам!..

Через полтора часа рота стала скрытно втягиваться в лес. Для перехода линии фронта было выбрано обеден-

ное время, когда внимание немецких наблюдателей, как мы не раз в этом убеждались, несколько ослабевало. Вскоре мы углубились в чащу. Я со своей набитой до отказа санитарной сумкой на плече шла со взводом лейтенанта Виктора Александровича Логинова. Идти было нелегко. То и дело на нашем пути оказывались завалы из бурелома. Мы продирались сквозь густые заросли подлеска, огибали заросшие осокой болота, отдавали полклоны нависшим над землей ветвям столетних елей. Командир и курсанты внимательно следили за сигналами дозорных, оберегавших нас со всех сторон.

Вскоре я так устала, что хоть реви. Тяжелая сумка и автомат тянули меня к земле. Но ни остановиться, ни присесть хотя бы на минуту нельзя было. И как же я обрадовалась, когда наконец прозвучала команда «стой!». Мы вышли к опушке леса южнее Волгова.

Минут двадцать отдыха, и усталость как рукой сняло. На смену ей пришло любопытство. Мне очень хотелось посмотреть на деревню, в которой мы недавно провели около двух суток, выслеживая предателя-старосту. Однако ходить по лесу было категорически запрещено. Только командиры взводов, возглавляемые лейтенантом Бурносом, вышли на опушку для рекогносцировки.

Лежа на влажной земле, я разглядывала мрачноватый лес, бледные стебли травы, опутанные паутиной, сухие нижние ветви деревьев. Издали доносились пулеметные очереди. Громычала артиллерия. И я подумала о наших товарищах, которые вели бой в районе Кингисеппского шоссе. Как-то там родная вторая рота обходится без меня, без моей санитарной сумки? Как там Борис? Не исключено, что ночью уйдет в тыл врага и его группа...

Быстро темнело. Вскоре в лесу стало, что называется, хоть глаз коли. Лишь иногда между деревьями видны были вспышки осветительных ракет и пунктир трассирующих пуль. Значит, гитлеровцы стали осторожнее, чем в день нашего первого посещения Волгова. Ну что ж, и у нас опыта прибавилось.

Часа в два ночи лейтенант Бурнос направил в деревню группу курсанта Алексея Рябых. В нее входили Роман Буханцев, Иван Хабаров, Василий Казаков, Николай Терехов, Александр Петросянц, Василий Макаров, Андрей Шовкопляс, Халяф Хамзин, Василий Майдинов, Прокопий Титов, Павел Афанасьев, Алексей Ващенко, Алексей Архипов, Александр Шаманин, Даниил Чепля, Алексей Крутиев, Иван Коровин, Иван Топиха, Николай Куценко, Кирилл Карелин и Егор Белкин.

— Будьте предельно внимательны,— говорил командир, напутствуя группу. — Пока что мы обнаружили немецких часовых только возле двухэтажного здания. Там у них штаб. Не исключено, что охрана есть и в других пунктах. Особенно возле склада боеприпасов и склада с горючим, возле танков и артиллерии. Разберетесь со всем этим на месте. Помните: общий успех во многом зависит от вас. Надо действовать так, чтобы фашисты не знали о нашем приходе до начала общего налета.

Немного помолчав, командир роты сказал:

— Где находятся атакующие группы, вы знаете. Жду сигнала о ликвидации часовых. Сигнал атаки — желтая ракета. Действуйте.

Группа курсанта Рябых растворилась в темноте. Боевые группы заняли исходные рубежи для атаки.

— Вам держаться возле меня и действовать только по моей команде,— сказал мне лейтенант Бурнос.

Разумеется, я обиделась, так как рассчитывала отправиться с курсантами в деревню. Но было не до дискуссий. К тому времени я уже усвоила некоторые правила взаимоотношений между военными людьми.

Снова мне ужасно мешали сумка и автомат. Я ползла по пятам за Бурносом и от напряжения слышала биеение собственного сердца. По лицу ручьями струился пот. Я ползла и глядела во все глаза в ночной сумрак. Справа и слева отчетливо видны были траншеи немцев. Одно неверное движение — и нас могли заметить. Неожиданно раздался хлопок выстрела. Раздался, как мне показалось, у меня над самым ухом. Над нами повисла осветительная ракета. Гитлеровские солдаты плохо наблюдали за местностью. Скорее всего, вообще не наблюдали. Заметить нас в движении было не трудно. Потом мы, конечно, замерли. Секунды казались бесконечными. Ветер относил парашютик ракеты от окопов. Нового «фонаря» фашисты не повесили. Это был, как мне показалось, самый подходящий момент для атаки. Но Рябых не подавал сигнала. Как-то там его группа? Может, наскочила на засаду? Неужели враг перехитрил?

И тут я услышала отдаленный свист. Не Рябых ли? Да, это он подавал командиру сигнал. Новый хлопок ракетного выстрела заставил меня вздрогнуть. Но это была уже своя ракета. В небе возникло желтое пламя — долгожданный сигнал атаки. Теперь уже не было смысла таиться. Лейтенант застрочил из автомата по боевому охранению противника. Во вражеские окопы полетели гранаты. Я тоже дала очередь по фашистам.

ЗАРЕВО НАД ВОЛГОВОМ

Группы, которыми командовали лейтенанты Александр Степанов и Виктор Логинов, курсанты Николай Калущкий и Михаил Зимбулатов, с нескольких сторон ворвались в деревню. Где-то там действовала и группа Жени Гагарина. Курсанты Алексей Фролков, Иван Ильченко, Михаил Жемчугов, Тарас Яцун, Александр Шеметов, Андрей Кондратюк, Петр Михайлик, Григорий Матиенко, Михаил Журавлев, Александр Миронов открыли огонь по окнам и дверям домов, в которых размещались гитлеровцы. Иван Ильченко и Михаил Жемчугов бросились к дому, возле которого стояла охрана. Часовые были уничтожены в одно мгновение. Почти одновременно Михаил и Иван метнули гранаты. От мощного взрыва посыпались стекла, вылетели оконные рамы, рухнул потолок. Над крышей взметнулось облако дыма и пыли. Дом загорелся, понесло смрадом. Фролков, хлебнувший этого смрада, чихал и кашлял так, что курсант Даниил Миронович бросился было к нему, чтобы оказать напарнику помощь. Однако тот вскоре пришел в себя.

События развивались стремительно. Полыхал вражеский штаб. Горели примыкавшие к нему постройки. Факелами вспыхнули автоцистерны. В небо взметнулся огромный столб огня и искр. Оглушительный взрыв уплотнил воздух — взорвался склад боеприпасов.

Трещали накалившиеся в огне патроны. Одна за другой взлетали вверх бочки с горючим, «подливая масла в огонь». В воздухе висели вопли и ругань. Нескончаемо сыпалась автоматная дробь.

Все развивалось пока нормально. Рота сделала свое дело и должна была уходить. Но оторваться от противника было не так-то просто. Фашистскому командованию удалось ликвидировать панику и замешательство среди солдат. Гитлеровцы начали теснить наши боевые группы. К тому же огромное зарево, осветившее ночной небосвод, и шум боя привлекли внимание соседних фашистских гарнизонов в Тарасове, Муратове, Хильгюзи. Со всех сторон к Волгову спешили подразделения противника. Между тем у нас боеприпасы были на исходе.

Отходили мы организованно. Отходили двумя группами. Лейтенант Бурнос отводил свою группу в сторону Ожогина, политрук Габов — в сторону Муратова. Курсанты несли погибших и тяжело раненных товарищей.

Подгоняемые офицерами, фашистские солдаты пытались опередить нас и отрезать от леса. Используя каж-

дый бугорок и рытвинку для маскировки, курсанты уходили от преследователей, охлаждая их прыть огнем. И все же было видно, что без боя оторваться от противника нам не удастся. В критический момент где-то позади за основным ядром группы заговорили пулеметы и единственный в роте миномет, раздались дружные ружейные залпы и взрывы гранат. Гитлеровцы на мгновение залегли. Это было то, что нам требовалось. Основная масса курсантов достигла опушки и приняла боевой порядок, уже не опасаясь за свой тыл. Между тем несколько наших товарищей, прикрывавших нас огнем, оказались в тяжелом положении. Возглавлял их Саша Рамзаев. Ребята эти вели бой с врагом в открытом поле. Правда, рота с опушки леса прикрывала их огнем. Но там уже были раненые, и среди них Саша. Немного отдышавшись, я поползла к ним.

Я ползла, держа направление к ручному пулемету, стрелявшему короткими очередями, и вскоре увидела Сашу Рамзаева, Сергея Трясцына, Ивана Чернышова и Федора Бурцева.

Когда я подползла к Саше, моя помощь ему была уже не нужна. Сраженный вражеской пулей, он лежал на боку, локтем упершись в землю. Зеленая фуражка упала с запрокинутой головы. Красивое лицо было бледным, спокойным. На тонких, упрямо сжатых губах застыла чуть заметная улыбка. Казалось, он перед смертью вспоминал о чем-то приятном. Таким навсегда и остался в моей памяти парторг Саша Рамзаев.

Потом я поспешила к Сергею Трясцыну. Окровавленный, грязный, с выражением гнева на закопченном лице, он как бы слился с пулеметом. Его напарник Иван Чернышов торопливо снаряжал патронами диски. Из его правого сапога сочилась кровь. Лежа на боку, стараясь не мешать Ивану, я распорол ножом голенище его сапога и перевязала рану на голени. Затем я подвинулась к Трясцыну. Он тоже был ранен. Я попыталась перевязать и его. Но он замотал головой и вдруг закричал:

— Уходи к такой матери!... Уходи!..

Мне ничего не оставалось, как отползти назад.

Видимо, фашисты надеялись захватить пограничников в плен. Трясцын бил теперь длинными очередями. Как нам позже стало известно, он был еще раз ранен. Вражеская пуля пробила его правую руку. На миг пулемет замоячал. Гитлеровцы осмелели. Превозмогая боль, Сергей левой рукой нажал на спусковой крючок. Раз-

далось еще несколько очередей. Но патроны подошли к концу.

Курсанты роты, стремясь обеспечить отход своим раненым товарищам, били из винтовок по фашистам. Сергей Трясцын предпринял попытку вывести из-под огня Ивана Чернышова. Им надо было преодолеть около трехсот метров. Но гитлеровцы следовали за ними и были уже совсем рядом. Тогда Сергей поднял над головой противотанковую гранату...

Федору Бурцеву, посланному Трясцыным с донесением к лейтенанту Бурносу, удалось достичь опушки леса.

Группа политрука Габова, отходившая в другом направлении, оказалась тоже в тяжелом положении. Но и там нашлись смельчаки, принявшие на себя натиск гитлеровцев. Это были курсанты Михаил Дубинка, Василий Евсин, Василий Чепля, Михаил Москалев и Иван Цукур. Они прикрывали группу огнем, и ей удалось оторваться от противника. Организовал прикрытие Михаил Дубинка — крепкий, ладно сложенный украинский парубок, с черными густыми бровями и крупными правильными чертами доброго лица. Дрался он яростно — стрелял и метал гранаты — и даже раненный продолжал сражаться.

— Ребята, не жалея патронов! — кричал Михаил, превозмогая боль. — Бисовы дети уже носами землю роют!.. Хай знают, як звязиваться з пограничниками!.. Щэ огоньку, хлопці!.. Наша бэрэ!..

Неизвестно, какая по счету вражеская пуля оборвала жизнь отважного парня Михаила Дубинки. Вместо него стал подавать команды курсантам, прикрывавшим группу огнем, Василий Евсин. Успевая указывать цели другим, он сам по-спортивному, навскидку стрелял по фашистам. Храбро и умело действовали Василий Чепля, Михаил Москалев и Иван Цукур.

Чепля был ранен. Он пытался подняться с земли. Ему помогал Евсин. Того и другого сразила одна пулеметная очередь.

Подошел к концу запас патронов у Москалева и Цукура. Фашисты заметили, что огонь обороняющихся ослабел, а затем и совсем прекратился. Вначале опасно, а потом в открытую они стали приближаться к курсантам. Собрав последние силы, те поднялись во весь рост. Их гимнастерки были разодраны, залиты кровью и измазаны грязью. Рослый и стройный Иван Цукур, ко-

ренастый и немного неуклюжий Михаил Москалев — украинский шахтер и русский учитель, они стояли, поддерживая друг друга. Твердой рукой поднял Иван Цукур последнюю противотанковую гранату и с силой метнул ее в группу гитлеровцев, которые были уже в нескольких шагах от курсантов. Раздался оглушительный взрыв.

От жителей Волгова нам стало известно потом, что фашисты приволокли тела Цукура и Москалева в деревню, повесили их на деревьях и в бессильной злобе палили по ним из автоматов...

С душевным трепетом беру я сейчас в руки сохранившееся в архиве донесение об итогах боев в районе Волгова, написанное политруком Габовым и капитаном Левиным. За строками этого документа мне видится панорама горящего и взрывающегося Волгова. Видятся факелы полыхающих танков и машин противника, падающие под пулями фашистские офицеры и солдаты, паника и неразбериха в стане врага. Гитлеровцы тогда так и не смогли окружить нашу роту и вынуждены были прекратить ее преследование.

В заключение я хотела бы назвать здесь фамилии еще некоторых курсантов, дерзко действовавших в бою. Вот они, эти славные ребята: Николай Калуцкий, Евгений Гагарин, Михаил Магда, Прокопий Титов, Сергей Кондратенко, Петр Кадыков, Порфирий Пасечный, Федор Тищенко, Петр Царик, Василий Кузьмин, Владимир Форсов, Александр Поляница, Дмитрий Угаров, Иван Чупахин, Владимир Братский, Иван Кубасов, Николай Саенко, Евгений Горбачев, Алексей Сироткин, Иван Мошенец, Федор Бурцев, Алексей Бацевич, Александр Сумкин, Роман Буханцев, Николай Куценко, Василий Казаков, Николай Терехов, Александр Петросянц, Василий Макаров, Андрей Шовкопляс, Халяф Хамзин, Иван Хабаров, Василий Майдииков, Павел Афанасьев, Алексей Ващенко, Алексей Архипов, Михаил Зимбулатов, Александр Шаманин, Даниил Чепля, Алексей Крутиев, Иван Коровин, Иван Топиха, Петр Литвин, Иван Шилопаев, Петр Захаров, Борис Демидов, Николай Долженко, Иван Якущенко, Савелий Бойко, Анатолий Морозов, Иван Гребеньков, Александр Захаров, Василий Андреев, Иван и Александр Мироновы. Умелыми организаторами боя показали себя лейтенанты Виктор Александрович Логинов, Александр Христофорович Степанов и другие наши командиры.

«ПОМОГИТЕ, РАЗЫЩИТЕ...»

А то, о чём я расскажу теперь, произошло через тридцать лет после войны.

Началось с того, что я стала разыскивать родственников Сергея Трясцына. Мне хотелось рассказать им все, что я знала о нем, и раздобыть, если это окажется возможным, его довоенное фото для истории училища.

Долго не могла я найти никого из близких Сергея. Не было ни одной ниточки, за которую можно было бы ухватиться. Потом в одном из архивов я обнаружила запись о месте его рождения. Обнаружила и, конечно же, сразу написала туда. Причем на конверте пометила: «Помогите найти родственников погибшего». Обычно это ускоряло дело. Письмо ходило по рукам, и на него отвечали быстро. Но на этот раз я послала по адресу, который получила в архиве, четыре бандероли с вырезками из фронтовых газет и не получила на них никакого ответа. Тогда я написала военкому. Так и так, мол, товарищ начальник, из вашей местности в 1939 году был призван в армию учитель Трясцын Сергей Васильевич. Он защищал Ленинград и геройски погиб. Помогите мне найти среди архивных документов его фото. А я вам пришлю материалы, рассказывающие о героизме вашего земляка. Потом я послала письмо школьникам — «красным следопытам». Просьба та же: «Дорогие ребята, помогите — разыщите фотографию вашего земляка-героя Сергея Васильевича Трясцына».

Прошло две недели. И вот я нахожу в почтовом ящике ответное письмо из военкомата. Поспешно вскрываю его, читаю и не верю своим глазам: «Товарищ Фелисова, вы ищете бывшего пограничника Трясцына Сергея Васильевича, который по всем архивным данным числится погибшим. Сообщаем, что он жив. Директор школы, депутат местного Совета...» А еще через день приходит весточка от «красных следопытов»: «Вера Михайловна, это такой человек!.. Это лучший человек в округе...»

Я была потрясена! Такое событие! Такая радость! Да, но почему никто не ответил на мои четыре бандероли? Впрочем, несколько позже выяснилось, что они, эти бандероли, что называется, поставили в тупик девушку — секретаря сельсовета. Она положила их к себе в стол... до выяснения. В ее сознании никак не укладывалось, что почтенный человек, директор школы, депутат сельсовета может числиться в списке погибших. Ей даже об этом

говорить с ним казалось неудобным. И все же она в конце концов пришла к нему.

— Сергей Васильевич, я в очень неудобное положение попала... Вот задержала четыре заказные бандероли... Разыскивается ваш тезка и однофамилец, Трясцын Сергей Васильевич. Может, он каким-нибудь дальним родственником вам приходится?

— Ну-ка, ну-ка, дайте взглянуть...

Сергей Васильевич начал читать мои письма и вырезки из газет и, как мне потом рассказывали, на некоторое время чуть ли не потерял дар речи. Потом он пришел в себя и сказал два слова:

— Это я...

Столь категорический ответ поверг в шоковое состояние девушку-секретаря, ожидавшую подтверждения ее предположения о совпадении фамилий. Подсознательно она представила последствия огромной душевной травмы, чуть было не нанесенной уважаемому человеку, бывшему воину-герою.

Трясцын знал меня как сандружинницу Цареву. А письма были написаны членом бюро военно-исторической секции совета ветеранов Фелисовой. И Сергей Васильевич ответил мне как члену бюро военно-исторической секции.

«Товарищ Фелисова, — писал он. — Вы разыскиваете бывшего курсанта Трясцына, который участвовал в разгроме фашистского штаба в деревне Волгово и который остался на явную гибель, прикрывая отход ста пятидесяти своих товарищей. Да, я тот самый курсант. Но вы не знаете, товарищ Фелисова, что было дальше...»

Три ученические тетради исписал Сергей Васильевич, рассказывая обо всем, что произошло с ним в бою и после боя в деревне Волгово. А произошло вот что.

Когда кончились все патроны, Сергей Трясцын и Иван Чернышов не в силах были ни идти, ни ползти. Чернышов захлебывался кровью — автоматные пули в нескольких местах пробили его грудь. У Трясцына были ранены голова, грудь, рука и обе ноги. Выпустив по фашистам последний патрон, он сказал Ивану: «Что будем делать?» Тот взглянул на гранату, и Сергей его понял. Между тем фашисты, сочтя двух смельчаков безоружными, встали в рост и двинулись к ним. «Не знаю, из каких сил, — писал мне Трясцын, — рванул я рукоятку гранаты и бросил ее под ноги фашистам. Раздался взрыв, и все померкло...

Когда же я очнулся, было такое ощущение, что на мне стоит танк. А лежал я на чем-то мягком... Не знаю, каким чудом я выбрался из ямы... Оказывается, я лежал в могиле среди трупов...»

Уйти Сергей Трясцын был не в силах. Фашисты его заметили. Офицер вынул пистолет, чтобы пристрелить раненого, но почему-то раздумал. Трясцына приволокли в Волгово. Тот же самый офицер перед строем своих солдат, указывая на истекавшего кровью русского, что-то долго втолковывал им. Должно быть, он призывал их сражаться так же отважно, дерзко и самоотверженно. Трясцыну офицер сказал по-русски:

— Мы ценим достойных солдат... Мы сохраняем тебе жизнь...

Раненого бросили в сарай, где было несколько пленных. Один из них, врач, обратился к тому же гитлеровскому офицеру.

— Вы обещали сохранить герою жизнь,— сказал врач.— А он умирает. Ему нужна срочная операция.

— Пожалуйста, оперируйте, но наркоза мы вам не дадим,— ответил с усмешкой гитлеровец.

Сергей Васильевич вспоминает, что по лицу врача текли слезы, когда он лезвием прокаленного на огне ножа резал живое тело, извлекая из него осколки.

Трясцын долго пробыл в фашистском плену. Встав на ноги, он установил связь с подпольной организацией и бежал. Его поймали, избили до неузнаваемости, бросили в холодный карцер. И все же он снова выжил. Выжил и не прекратил борьбы. Новый побег, подготовленный подпольщиками, оказался удачным. Сергей забрался в вагонетку канатной дороги, зарылся в отходы и, миновав охрану, свалился в отвал мусора и опилок.

Возвратясь на Родину, он снова пошел воевать, стал командиром взвода. А ныне Сергей Васильевич — директор школы в деревне Земплягаш Куединского района Пермской области.

«Вера Михайловна, у нас в батальоне была ваша тезка, санитарка Вера Царева,— писал мне Трясцын в своем первом письме.— Она видела, в каком состоянии мы находились... Она хотела нас перевязать...»

Прочтя эти строки, я расплакалась.

Теперь-то мне очень хорошо понятно, почему раненый Трясцын прогнал меня прочь от пулемета, почему он не дал себя перевязать. Ему надо было стрелять. Он не мог ни на минуту оставить пулемет. Маленькая заминка — и фашисты пошли бы по пятам нашей роты.

Трясцын сознавал, что и Чернышову не уйти. Но он, как и его напарник, готов был пожертвовать жизнью, только бы спасти боевых товарищей.

Нам удалось организовать первую встречу ветеранов войны, бывших курсантов-пограничников и их родственников в Ленинграде. На нее приехал и Сергей Васильевич Трясцын. Много добрых, прочувствованных слов было произнесено в дни этой встречи. Однажды поднялся на трибуну и Сергей Васильевич. Но он был так взволнован, что не смог ничего сказать. За него говорили фронтовые друзья...

СПЕСИ У ВРАГА ПОУБАВИЛОСЬ

Возвращение роты лейтенанта Бурноса после тяжелого боя на основной рубеж обороны по линии Касково—Русские Анташи—Шундрово—Черемыкино—Витино было встречено ликованием курсантов-пограничников.

Кстати, надо заметить, что именно в тот день — счастливое совпадение! — нам сообщили, что отныне наша часть называется полком Военно-политического училища НКВД.

— Как мы все переживали за вас! — сказал комиссар полка Луканин, обнимая Бурноса и Габова. — Когда в небе запылало зарево, сразу стало ясно, что это ваша работа. Тут бы помочь вам, но, сами понимаете, участок оголять нельзя было. К тому же навязать фашистам крупный бой пока что мы не можем — силенок малова-то...

Комиссар задумчиво прошелся по землянке.

— О подвигах Рамзаева, Трясцына, Чернышова, Цукура, Москалева и других наших героев надо рассказать всем командирам и курсантам, всему личному составу полка.

Помолчав, Луканин повернулся к Шорину:

— Николай Александрович, ты только подумай!.. Нет, ты только подумай, какие у нас люди!..

Обычно уравновешенный, комиссар был необычайно взволнован. Он предложил политруку Габову послать участников боя по батальонам и ротам.

— Пусть расскажут, как били фашистов. Это очень важно теперь...

Отдохнуть нам в тот день не пришлось. Вскоре начался новый бой. Вражеская пехота с танками атаковала позиции одной из наших рот. Атака была яростной, но

гитлеровцы уже не лезли, как раньше, напролом. Они боязливо жались к машинам. Когда же два танка загорелись, пехота не выдержала огня и отошла, потеряв десятка полтора убитыми.

— У нас не удалось, сейчас перегруппируются и в другом месте попробуют, — рассуждал вслух командир роты лейтенант Гамаюнов.

— Ты прав, смотри! Они, кажется, на стык соседних рот нацеливаются, — торопливо заговорил политрук роты Герман Захарович Лекомцев, наблюдавший за полем боя. Через несколько секунд он уже кричал в телефонную трубку: — Алло, алло!.. Двенадцатый, шестнадцатый!.. Гитлеровцы, кажется, на стыке намереваются прорваться... Алло, алло!.. На стык обратите внимание!..

В какой-то момент роте противника все же удалось прорваться там, на стыке. Но взломать оборону полка гитлеровцы не смогли. Их прорвавшееся подразделение было уничтожено. Не принесли фашистам успеха и последующие атаки, а также массированный артиллерийско-минометный обстрел и бомбежка наших позиций с воздуха. Мы прочно стояли на Кингисеппском шоссе. Чтобы обойти наш участок обороны, противнику пришлось бы действовать в лесных массивах. На это гитлеровцы не решались.

К тому времени мы уже заметили не только «лесобоязнь» врага. Заметили мы также, что фашисты слабо воюют ночью. И это было нам на руку. Для курсантов, прошедших многолетнюю школу пограничной службы, ночь была родной стихией.

Прошла только первая неделя кровопролитных боев. Но мы уже чувствовали, что спеси у врага поубавилось. Воины нашего полка действовали на поле боя все более решительно. Крепла дружба ополченцев и курсантов-пограничников, многие из которых стали командирами.

Пожилые бойцы (среди них были участники революции и гражданской войны, герои первых пятилеток) с восхищением отзывались о воинских способностях своих юных наставников. Ополченец Ковригин — ему было под пятьдесят — служил телефонистом на бронепоезде в гражданскую войну. Этот усач словно бы сошел с экрана одного из революционных фильмов. Помню, как однажды под обстрелом он, не обращая внимания на свист пуль и минных осколков, рассуждал вслух:

— Нет, что ни говори, а поначалу и меня сомнение брало — уж больно молод мой командир. Было вроде неудобно безусого слушаться. Как-то заставил он нас в

чистом поле окопы рыть. Ройте, говорит, мелкие, по щиколотку. Ну, мы роем, а сами его в душе поругиваем: что это он надумал? Лучше бы отдохнуть нам дал. И вот окончили мы работу, вернулись на свои позиции. А тут немецкий самолет прилетел. Погудела эта «рама», а минут через десяток как сыпанет фашист снарядами по тому чистому полю, где мы окопы рыли! Вот тут-то мы и поняли, что курсант наш — парень с головой. Да что говорить! Вспоминаю я девятнадцатый год. Ведь и тогда молодые в боях задавали тон. А что касается нашего теперешнего командира, то лучше и быть не может...

На участке, который мы обороняли, стоял теперь полк численностью в две тысячи четыреста штыков, усиленный тремя гаубичными дивизионами. Но, конечно, не только в штыках и артиллерийских стволах была мощь нашего полка. Главную его силу составляли люди — отлично организованные и решительно настроенные командиры и бойцы.

Майор Шорин и комиссар Луканин в ту пору нередко говорили:

— Если противник переходит к обороне, нам надо наступать.

В тяжелой обстановке августа 1941 года такой призыв мог показаться по меньшей мере наивным. Но он исходил из всесторонней оценки сил и возможностей противника на нашем участке и боеспособности полка ВПУ. Шорин пояснял свою мысль:

— Мы понимаем, что продвижением нашего полка решается местная задача. Но не можем же мы упускать возможность хотя бы улучшить свои позиции.

И действительно, в течение нескольких августовских дней наш полк выбил фашистов из деревень Котино и Малое Жабино, а затем и из деревни Большое Жабино. Позже по приказу командующего Кингисеппским укрепленным районом «дальнейшее выдвижение полка ВПУ НКВД на юг» было прекращено.

Много происходило в те дни такого, о чем хотелось бы рассказать подробнее. Вот, например, один памятный эпизод.

Разведывательная группа, которой командовал курсант Василий Кузьмин, выявляла огневые точки боевого охранения противника в районе все той же деревни Волгово. В группе было шестнадцать разведчиков. Выполнив боевую задачу, она двинулась в обратный путь и уже достигла леса. Прикрывали ее Григорий Баев, Семен Смирнов и Андрей Гордиенко.

Неожиданно разведчиков обстреляли вражеские автоматчики, шедшие по лесной дороге в Волгово. Когда огонь со стороны гитлеровцев прекратился, курсанты поспешили к условленному месту сбора. Здесь выяснилось, что в минуты стычки с противником были ранены курсанты Николай Долженко, Дмитрий Морозов и Павел Огдановский. К месту сбора не пришел Григорий Баев.

— Баева мы должны найти во что бы то ни стало,— сказал Кузьмин. — Идем в обратном направлении. Держаться в пяти-шести метрах друг от друга. Огня без команды не открывать...

Группа прочесала лес, но Баева не нашла. Когда же разведчики вновь оказались на опушке, до их слуха донесли две автоматные очереди, прозвучавшие невдалеке.

— Наш автомат,— заключили почти одновременно Борис Иванов и Дмитрий Угаров. С ними согласились. Действительно, кто-то стрелял из ППШ. Прижимаясь к земле, курсанты поползли на звуки стрельбы. Вскоре они заметили двух гитлеровских солдат. Они шли по проселку в направлении к Волгову и с трудом волочили совсем обессилевшего третьего.

— Действительно, не похоже, что стреляли эти двое,— сказал, наблюдая за гитлеровцами, разведчик Севидов. — Автоматы у них за спинами и руки заняты. К тому же правы Иванов и Угаров. Кто-то вел огонь из ППШ...

Один из курсантов взял было на мушку трех вражеских солдат, но Кузьмин остановил его:

— погоди, пока не стрелять!..

Не успел командир произнести эти слова, как подал голос Павел Микрюков:

— Да перед нами, кажется, Баев!..

Только теперь курсанты разглядели метрах в сорока — пятидесяти позади солдат противника поднимавшегося с земли человека. Да, это был Баев. Вся группа, забыв об опасности, поспешила к товарищу.

Не зная о том, что к нему идут на помощь, Григорий Баев, собрав последние силы, привстал и выпустил по уходившим врагам очередь из автомата. Фашисты за смертью упали. Упал и Баев. Зеленая фуражка покатилась по мокрой траве.

Обессилевшего, обескровленного (у него были ранены ноги и пробито пулей плечо) положили курсанты Григория на плащ-палатку. Матвей Гранкин, Иван Снегур, Федор Удин, Иван Курнин, Сергей Федорович и Захар

Севидов, подхватив раненого, стремительно добежали до кромки леса.

Между тем из Волгова к месту перестрелки спешил немецкий бронетранспортер. Вскоре он уже вел пулеметный огонь по опушке.

Падали срезанные пулями ветки, сыпались листья. Курсанты поочередно несли на плащ-палатке потерявшего сознание Баева и вели трех раненых. Группа уходила все дальше. Через некоторое время перестук вражеских пулеметов отдалился. Стало слышно, как тяжело, с хрипом, дышит Баев и как он что-то бормочет.

— Стоп, ребята. Командир разрешил привал. Бредит Григорий. Видно, растрясли мы беднягу,— сказал Иван Снегур.

Группа ненадолго остановилась. Но Баеву нужна была врачебная помощь. И Кузьмин снова стал поторапливать разведчиков.

— Вперед, как можно быстрее вперед!..

Немалые усилия потребовались от военфельдшера Найвельта, чтобы привести Григория в сознание. Когда ему стало немного лучше, он рассказал товарищам обо всем, что с ним произошло.

— Во время перестрелки я был ранен в обе ноги и уже не мог передвигаться,— говорил Баев. — Когда же пуля ударила мне в плечо, я потерял сознание. Не знаю, сколько прошло времени. И вот я слышу — кто-то ко мне идет. Приподнялся над травой, гляжу — идут два гитлеровца, тащат под руки третьего. Автомат мой, когда я падал, отлетел от меня метра на два в сторону. Пришлось прижаться к земле, изобразить мертвого. Снова пришла острая боль, заломило плечо. Сознание временами пропадало. Видимо, я действительно был похож на покойника, потому что те трое прошли мимо меня. Один из них, правда, пнул меня сапогом в голову. В ушах раздался звон. Как я стерпел это, просто не понимаю. Но стерпел. А когда фашисты отошли от меня шагов на сорок, я привстал и как-то сумел дотянуться до автомата. Дальше все произошло быстро. Я дал две очереди и упал от страшной боли в ногах. Гитлеровцы залегли. А у меня не было сил больше стрелять, и они встали и двинулись снова. Вот тут-то я, напрягаясь до предела, и разрядил автомат до конца. Но вы это, оказывается, уже видели. Без вас, ребята, пришлось бы мне навеки остаться на той поляне. Прикончили бы меня фашисты. Те, с бронетранспортера...

Перед отправкой Баева в госпиталь мы стали приво-

дить в порядок и складывать его документы. Среди них было письмо.

— Это от отца,— сказал Григорий. Он разрешил нам прочитать письмо. Оно поразило нас своим патриотическим звучанием. Участник гражданской войны Петр Иванович Баев наказывал сыну до последней капли крови защищать Советскую Родину от гитлеровских оккупантов.

— Нас у него шесть сыновей,— заметил Григорий. — И все на фронте...

Кто-то сказал, что неплохо бы зачитать это письмо в ротах. Григорий смутился.

— Разве что без меня, когда я буду в госпитале,— сказал он.

А перед отправкой его в госпиталь он, помнится, вдруг стал упрасивать меня:

— Добейся, сестричка, чтобы оставили меня здесь. Найвельт говорит, что кости у меня вроде бы целы. Ну, а кровь новая набегит. Я бы вам помогать стал. Перевязывать раненых научился бы. Помоги, сестричка. Боюсь, что из госпиталя не попаду в свой батальон...

Баев недолго задержался на госпитальной койке. Как только затянулись раны, Григорий снова занял свое место в боевом строю и еще год геройски сражался против фашистов.

Погиб он 11 сентября 1942 года.

«КУКУШКА» С ПЕТЛЕЙ НА ШЕЕ

Навсегда осталось в моей памяти Большое Жабино. В районе этой деревни, расположенной на перекрестке дорог, совершали смелые вылазки в стан противника наши разведчики, которыми командовал курсант Трофим Росликов. В ней разгромила фашистский штаб боевая группа лейтенанта Бориса Григорьева. Здесь, сражаясь с врагом, проявил подлинный героизм лейтенант Геннадий Воробьев.

В Большом Жабине не умолкали бои. Деревня переходила из рук в руки. При этом происходили случаи один диковиннее другого.

В один из августовских дней наши подразделения нанесли очередной удар по противнику. Гитлеровцы открыли минометный и автоматный огонь. А потом случилось что-то странное. Пальба вроде бы усилилась. Складывалось впечатление, что перед нами в лесу несметное

число врагов. Оглушительно трещали автоматные и пулеметные очереди, гремели взрывы мин и снарядов. Нестово ревели танковые моторы, лязгали гусеницы. Причем грохот и лязг накатывались волнами. Казалось, из леса вот-вот должны показаться фашистские танки и пехота. Наши бойцы поспешно углубляли окопы, дозаряжали оружие. Некоторые из них с тревогой поглядывали на командира. Лейтенант Геннадий Мариничев, перехватив эти взгляды, рассердился:

— Да вы что? Неужели не поняли еще? Противник на испуг берет! Вслушайтесь хорошенько...

Грохот и треск то ослабевали, то нарастали. А характерного посвиста пуль и осколков не было. Обычно во время интенсивного обстрела с деревьев сыплются ветки и листья, срезаемые пулями. А тут они не сыпались. И меня никто из бойцов не звал на помощь — раненых не было.

Небольшой группе курсантов командир приказал прочесать лес. В группу вошли Иван Жадан, Михаил Макаров, Алексей Муратов, Андрей Шовкопляс, Хасан Лазаров, Василий Педько, Борис Пугачев, Алексей Небригов, Хусяин Курбаналиев, Сабир Нурдаулетов, Трофим Скоренок, Павел Пивоваров, Борис Леонтьев, Иван Бурцев, Леонид Шевнин, Иван Кубарев, Ефим Шевченко, Михаил Гаврилов, Алексей Лещев и некоторые другие курсанты. Меня как сандружинницу тоже на всякий случай включили в группу. С нами были и бойцы-ополченцы. Один из них — Иван Александрович Артемьев — крепко всем нам запомнился благодаря незаурядному поступку, раскрывшему глубокую человечность бойца, его моральную и физическую силу, истинно русский характер.

Отходя с подразделением под ударами врага, сорокалетний солдат не только сохранил мужество, а и проявил героизм. Периодически отстреливаясь, он уносил своего раненого командира, истекавшего кровью, а также его оружие. Облитый кровью раненого с ног до головы, Иван Артемьев протащил командира не один километр и бережно сдал его в наш пункт первой медицинской помощи. Пришлось бойцу заменить пришедшее в негодность окровавленное обмундирование. Оказалось, что этот солдат — все мы ласково называли его «отцом» — был ленинградцем, до войны много лет работал главным бухгалтером. Кареглазый, среднего роста, Иван Александрович слыл бывалым солдатом, имел опыт борьбы с так называемыми «кукушками» и

как нельзя лучше подошел для включения в группу по проческе леса.

Мы действовали предельно осторожно. И все же не обошлось без потерь. Стоило курсанту Павлу Пивоварову на мгновение оказаться на просеке, как он тут же был смертельно ранен пулей в голову. Курсанта Бориса Леонтьева, бросившегося на помощь товарищу, мгновенно постигла та же участь. Причем все это произошло молниеносно. В грохоте, заполнившем лес, не было слышно выстрелов. Я тоже рванулась на просеку, где лежали наши товарищи, и, по-видимому, замертво упала бы рядом с ними, если бы кто-то из курсантов не схватил меня за плечо и не отбросил без всяких церемоний назад.

— Куда лезешь, дурочка!.. Не соображаешь, что где-то тут «кукушка» засела?..

Сначала я не поняла его. Кукушка? При чем тут кукушка? И я заартачилась было. Но тут подошел Андрей Шовкопляс.

— Осторожно, Вера. Из-за деревьев не выходи.

— Почему?

— Потому что тут снайперы...

Андрей подвинул к одному из лежавших на просеке курсантов суковатую валежину и попытался зацепить ею, как багром, за одежду погибшего. Раздался выстрел. От валежины, точно брызги, полетели в разные стороны щепки.

— Вот видишь! — сказал Андрей. — Хорошо еще, что лес густой... А то бы от «кукушек» спасения не было... Ну да ладно, недолго им осталось коковать...

Только тут я поняла, что «кукушками» курсанты называют немецких снайперов.

Мы медленно, очень медленно шли вперед, укрываясь за деревьями. В какое-то мгновение мне вдруг показалось, что источник грохота, заполнявшего лес, остался где-то позади. Видимо, это уловили и другие. Все остановились, стали тщательно обследовать чащу. От зоркого глаза Ивана Жадана не ускользнул тонкий зеленый провод, протянутый между соснами. Он вел к большому зеленому ящику, подвешенному на дереве метрах в двух-трех от земли. Это был включенный на полную громкость динамик. Он-то и исторгал звуки боя, записанные, должно быть, на грампластинку. Все теперь стало ясным: фашисты пытались устроить нас с помощью репродукторов. Их было несколько. К тому же им помогало эхо, создавая стереофонический эффект.

— Осторожно!.. Ложись!.. Вижу «кукушку!» — крикнул вдруг Жадан. Мы рухнули на землю.

— Смотрите на ту густую сосну в глубине просеки, — сказал он уже спокойнее. — Видите на ней что-то вроде вороньего гнезда?..

Сама «кукушка» еще не успела разглядеть нас сквозь кроны деревьев.

— Ну, фашист, откуковался!..

Под аккомпанемент все того же дикого грохота, доносившегося из динамика, грянул выстрел, потом второй.

— Это я для гарантии, — пояснил Жадан.

Нашему удивлению не было конца, когда мы увидели, что фашист не свалился с дерева, не застрял на его сучьях, а повис на каком-то шнуре. Издалека казалось, что «кукушка» держится за стропы парашюта. Что за дьявольщина!..

Выбирая деревья погуще, чтобы не попасть на мушку какого-нибудь другого снайпера, мы приблизились к сосне и увидели подстреленного Жаданом фашиста. Он висел с петлей на шее, закрепленной одним концом где-то выше тех сучьев, на которых была оборудована площадка для стрельбы.

Сначала мы решили было, что это роковая случайность. Но, когда курсанты подстрелили еще двух «кукушек», стало ясно, что петля призвана была гарантировать гитлеровцев от попадания в плен.

Помнится, в те дни политработники, беседуя с бойцами, не раз ссылались на эти факты. Они говорили о жестокости фашистского командования, обрекавшего немецких солдат на неизбежную гибель.

Вражеские снайперы в лесу были уничтожены, а громкоговорители мы оставили.

— Пускай гитлеровцы слушают свои концерты и думают, будто они деморализуют нас, — сказал по этому поводу Иван Жадан.

Это была последняя вылазка, на которую Жадан, можно сказать, проскочил мимо врачей.

— А, вот вы где, голубчик! С первой же машиной будете отправлены в госпиталь, — сердито произнес врач Александров, специально ожидавший группу с задания. — Ранение на лице — дело не шуточное. Героизм в данном случае может кончиться вашей гибелью.

Только теперь все обратили внимание на пропитанные кровью бинты Жадана и почувствовали угрызение совести за разрешение ему участвовать в проческе леса.

Курсант Михаил Земсков протянул Жадану маленький огрызок зеркала.

— Посмотри, браток, на себя. Врач прав, видимо, нужна хирургическая операция и покой, а не стычки с противником. Ну, да ты не расстраивайся. Обратного батальона просишь настойчиво, — напутствовал Жадана Земсков, провожая товарища в госпиталь.

БОЛЬШОЕ ЖАБИНО

В течение следующего дня наш полк упорно теснил гитлеровцев. Женя Гагарин, некоторое время бывший при радисте Василии Гнатышине в качестве переводчика, рассказывал нам, что фашистские штабы оповещали войска по радио о появлении на переднем крае «фанатичных русских юнкеров». Причем численность «юнкеров» штабными офицерами противника, как правило, во много раз преувеличивалась.

Первый раз мы атаковали противника в Большом Жабине успешно. Но закрепить победу нам не удалось. Выбив гитлеровцев из деревни, подразделения продолжали преследовать оккупантов, улучшали свои позиции. Большое Жабино обороняла 5-я рота. Командовал ею лейтенант Геннадий Воробьев.

В середине дня вражеские пехотинцы, поддержанные танками и артиллерией, контратаковали позиции этой роты и окружили ее.

Отчаянно сражались наши бойцы под командованием курсантов-пограничников. Помню трех пожилых красноармейцев. В минуты фашистской контратаки они залегли на пути движения немецких танков. Когда же те приблизились, три героя поднялись и бросили под гусеницы вражеских машин связки гранат. Танки были остановлены, но и сами бойцы погибли...

Силы были неравными. Командир роты отдал приказ об отходе в лес. Подразделение с трудом сдерживало наседавшего врага. Лейтенант Геннадий Воробьев, курсанты Борис Прудников, Владимир Сутягин, Дмитрий Осокин, Егор Капитонов, Иван Корнилич, Григорий Покуленко, Капитон Тордия прикрывали отходившие в лес взводы пулеметным огнем. Противник сосредоточил на смельчаках всю мощь своего автоматического оружия. Это была ожесточенная огневая дуэль. Только после того, как четыре наших пулеметчика погибли, а трое ле-

жали в беспамятстве, гитлеровцы смогли вновь войти в деревню.

Однако они заняли ее ненадолго. Майор Шорин и его штаб приняли решение вновь выбить врага из Большого Жабина.

Тщательным наблюдением было установлено, что на этот раз деревня охраняется патрулями. На чердаках домов противник разместил две скрытые огневые точки. Чтобы обеспечить успех атаки, надо было незаметно подтянуть роты к деревне. Надо было также ликвидировать чердачные пулеметные гнезда.

Сделать это было приказано курсантам Шматову, Архипову, Селезневу, Коротких, Карасеву, Гречко, Сорокину, Кротову, Лямину, Круглову и Калуцкому. Позже я не раз со всеми подробностями слышала от этих отважных парней, как они выполнили поставленную перед ними задачу.

Гитлеровцы то и дело освещали подходы к деревне ракетами. Время от времени ночь прорезали огненные трассы пуль. Курсанты сумели подобраться к окраине Большого Жабина незамеченными и точно определить, с каких чердаков бьют вражеские пулеметы.

Командовавший группой курсант Федор Шматов приказал Павлу Сорокину и Филиппу Гречко подавить одну из огневых точек.

Я хорошо знала этих ребят. Оба темноволосые, стройные, сильные, они в перерывах между боями от избытка энергии резвились, как мальчишки. Тяжелая винтовка в руках того и другого казалась легче перышка. Помню, как они умывались, по очереди обливая друг друга холодной водой. Павел был особенно крепок. Когда он изображал танцовщицу-цыганку и поводил плечами, мышцы буграми ходили под его одеждой. Филипп Гречко артистически выполнял всевозможные физические упражнения. Его походка была легкой и пружинистой. С азартом занимался он штыковым боем. При этом строгое, продолговатое, с правильными чертами лицо его принимало такое устрашающее выражение и он так резко выдыхал воздух в момент укола чучела, что становилось жутко. Порой в минуты отдыха эти парни пели. Мы заслушивались удивительно звучными их голосами.

Пулемет, к которому подползли в ночной темноте Сорокин и Гречко, бил из-под крыши почерневшего от времени приземистого дома. К этому дому лепились хлев и какие-то сараюшки. Хлев был обставлен подсыхающими жердями. С его крыши можно было пробра-

ться на чердак, откуда доносились грубые мужские голоса и смех. Видимо, фашистские вояки чувствовали себя в полной безопасности.

Дав несколько пулеметных очередей в сторону леса, они на некоторое время затихли. Похоже было на то, что вражеские пулеметчики решили вздремнуть.

Гречко попытался взобраться на крышу, используя вместо лестницы одну из жердей. Но жердь не выдержала тяжести. Раздался резкий треск, и Филипп оказался на земле. Все насторожились, ожидая, что шум взбудоражит солдат противника. Изготовилась к бою группа прикрытия, которую возглавлял курсант Круглов. Однако ничего не изменилось. Прошла минута, вторая, третья. С чердака доносилось спокойное похрапывание вражеских пулеметчиков.

Вторая попытка взобраться на крышу удалась. Филипп Гречко, а за ним и Павел Сорокин оказались на шаткой драночной кровле. Как канатоходцы, не отрывая ног от ненадежной опоры, медленно продвигались они к лазу на чердак. Пересохшая за лето дранка то и дело потрескивала. Четыре-пять метров этого пути вызвали у ребят испарину. Наконец они достигли небольшого проема, сквозь который можно было выйти на чердак, и несколько минут выждали. Все было по-прежнему. Курсанты один за другим нырнули в проем и оказались под крышей дома. Тут они снова замерли. Через некоторое время их глаза привыкли к темноте. Прежде всего ребята заметили, что несколько досок кровли сорваны. Сквозь пролом было видно небо. На фоне его чернел ствол пулемета. Справа и слева от пулемета лежали пружинные матрацы. На них, беспечно развалясь, спали два гитлеровца.

Через несколько мгновений вражеский пулемет остался без расчета.

Группу курсантов, которая должна была уничтожить другую точку, возглавлял Шматов. В доме, под крышей которого стоял другой пулемет, ночевали немцы. На чердак здесь можно было подняться только через сени, по приставной лестнице. Шматов, Калуцкий, Селезнев, Охотников, Кириллов и Архипов не рискнули войти в сени с улицы. Чтобы сделать это, надо было прошмыгнуть перед окном кухни. А уверенности в том, что через окно не ведется наблюдение, не было. К сеням примыкал хлев. Но дверь из сеней в хлев оказалась запертой на засов. Курсанты нашли зазор между крышей и стеной. Они подняли на руках Архипова, он каким-то

образом протиснулся в этот зазор и дотянулся до за-
сова.

Дверь открывали с особой осторожностью, опасаясь, как бы она не скрипнула. Первым в сени вошел Шматов. Он предусмотрительно накрепко подпер дверь, ведущую в дом, чтобы не дать возможности находившимся там гитлеровцам сразу же броситься на помощь пулеметчикам, если они поднимут тревогу.

Было тихо. Шматов, Калуцкий и Архипов поднялись на чердак. На всякий случай Селезнев, Кириллов и Охотников остались в сенях. Один из двух номеров пулеметного расчета услышал, что кто-то приближается (по чердаку были разбросаны пустые бутылки, и курсанты несколько раз споткнулись о них) к облюбованному ими месту.

Гитлеровец что-то вяло произнес. Его напарник крепко спал. Уничтожив одного вражеского пулеметчика, разведчики схватили второго, спустились с ним на землю и направились к месту сбора, радуясь тому, что задание выполнено. Но пленный вдруг заорал во все горло. Должно быть, кляп был забит неудачно. От дикого вопля всполошились патрульные противника. Они выпустили несколько ракет. Курсантские роты приняли эти ракеты как сигнал начала атаки. Начался бой.

На редкость удачно действовали в этом бою Николай Грибанов, Николай Лунин, Сергей Кондратенко, Григорий Гольнев, Дмитрий Костенко и Сергей Грекович. Они уничтожили несколько вражеских патрульных, зажгли стоявшие в деревне бензоцистерны, фургоны, груженные автомашины. По открытому полю броском достигло околицы отделение курсанта Ивана Махортова. Его подчиненные Вениамин Колчин, Нурхадий Загиров, Михаил Корниенко, Иван Хандрыко, Иван Кубасов, Георгий Кононов, Алексей Филин, Алексей Бацевич, Роман Грязнов, Иван Геец блокировали дома, в которых разместились на ночь фашисты. Выскакивавшие из окон и дверей вражеские солдаты и офицеры падали под пулями курсантов.

Отделение Григория Поросятникова пробивалось к центру Большого Жабина. Перебегая от укрытия к укрытию, решительно продвигались вперед курсанты Иван Ананко, Михаил Горб, Пайлак Захарян, Иван Манчук, Иван Болтунов, Сергей Семеновский, Пантелеймон Ричко, Прокопий Титов, Степан Шакалов, Владимир Зайченко. Не сдержав натиска наступавших, солдаты фашистского гарнизона ринулись по дороге к Волгову, беспо-

рядочно отстреливаясь. Брошено было все: фургоны, кукни, грузовики, мотоциклы с колясками.

Атаковавшие противника со стороны Кингисеппского шоссе курсанты Владимир Наумов, Петр Швец, Николай Парфенов, Александр Стасенко, Порфирий Пасечный, Михаил Рева, Николай Болеев и Михаил Петров перерезали пути отхода большой группе фашистов. Те в панике бежали так, что затапывали своих раненых. Несколько курсантов во главе с Владимиром Наумовым замаскировались возле водоотводной трубы, чтобы внезапно ударить по гитлеровцам, отступавшим по дороге. Но некоторые вражеские солдаты обнаружили явное намерение спрятаться в ту же трубу. Курсантам пришлось спешно открыть огонь. Фашисты пустились наутек по открытой поляне, но наткнулись на пулемет курсантов Петра Лысенко и Ивана Андреева.

Пайлак Захарян первым оседлал трофейный мотоцикл. Второй мотоцикл завел курсант Горб. В коляски уселись Титов, Ананко, Манчук и Ричко. Курсанты помчались по дороге, стреляя на ходу. Они врезались в самую гущу отступавших фашистов. Автоматные очереди в упор, взрывы гранат еще больше усилили неразбериху и панику среди противника. Между тем мотоциклы, подняв густую завесу пыли, скрылись за поворотом.

Велика была наша радость, когда к заранее установленному месту сбора вышли Захарян, Горб, Титов, Ананко, Манчук и Ричко. Перебивая друг друга, возбужденно рассказывали они, как завершилась их дерзкая вылазка.

— По дороге возвратиться было невозможно, пришлось мотоциклы сжечь. А мы вот пришли,— говорил Захарян.

— Ему перевязка нужна. Он ранен,— сказал о нем Манчук.— Мы еще там, впереди, говорили ему: «Давай, Пайлак, посмотрим, что у тебя с рукой». Да разве с ним сладишь!..

У них так настойчиво требовали подробностей всего дела, что Захарян рассердился.

— Что вы пристали! Ничего особенного. Увидел мотоцикл, сел, поехал. Управлять им я еще в Армении научился. Ну, догнали фашистов, одних постреляли, других гранатами. Вот и все...

Я подошла перевязать Пайлака. Он и на меня заворачивал:

— Ранение? Какое там ранение! Пули роем летели, укусила только одна. Другие, видно, отскакивали. Слу-

шай, зачем на меня бинты тратить, сестренка? Подумаешь, кусочек мяса пуля вырвала! Новое нарастет...

Захаряна надо было направить в медсанбат, но он и слышать об этом не хотел. Опасаясь принудительной эвакуации, Пайлак старался не показываться на глаза начальству.

В те дни мы узнали кое-что о близких Захаряна. Узнали, что в Армении живет его молодая жена Вардитер. Они вместе перед войной учительствовали в селе Кур-Арас Октемберянского района.

Как загорались глаза Пайлака, когда он вспоминал о своей маленькой дочурке Джульетте! Искренняя любовь юного отца и его житейская наивность были трогательны.

— Ребята! А когда дети разговаривать начинают? — спросил однажды Пайлак у таких, как он сам, молодых парней. Этот бесхитростный вопрос поставил их в тупик. Курсанты в недоумении поглядывали друг на друга. Как всегда, кто-то разрядил неловкость шуткой:

— Что, Пайлак, с Джульеттой поговорить захотелось?..

Спустя тридцать лет я посетила село Кур-Арас и убедилась в том, что жители его помнят Пайлака Захаряна.

Тогда же, через тридцать лет, в 1971 году, преодолев большие расстояния, встретила Джульетта однополчан своего отца, свидетелей его боевых подвигов. Они привели ее к памятнику, установленному на могиле Захаряна и павших в бою вместе с ним его отважных товарищей. Привели и отошли в сторону, дав молодой женщине возможность побыть с отцом.

Многое рассказали о нем Джульетте те, кто знал его в суровом сорок первом. Рассказали о его энергии, находчивости и бесстрашии, о том, как он однажды с группой курсантов захватил в плен двух гитлеровцев.

Было это перед ночным боем. Надо было еще за светло добыть «языка». За это дело взялся Пайлак Захарян. Он возглавил разведгруппу, в которую вошли курсанты Нурхадий Загиров, Прокопий Титов, Иван Ананко, Павел Теплых, Иван Кулик, Дмитрий Баранов и Иван Нахаев. Группа устроила засаду возле реки, куда иногда наведывались солдаты противника. Пайлак назначил каждому разведчику позицию, с каждым условился о сигналах взаимодействия.

И вот вскоре к месту засады, ничего не подозревая, насвистывая, пришли два здоровенных вражеских солда-

та. Они принесли к реке большой бак с очищенной картошкой. Опустив этот бак в воду, солдаты стали мыть картошку. Они наклонялись и распрямлялись, встряхивая свою тяжеловесную посудину. В какой-то момент, когда тот и другой едва не коснулись носами воды, прозвучал властный голос Захаряна:

— Хенде хох!..

Один из солдат потерял равновесие и плюхнулся в реку. Нахлебавшись воды, он пытался выбраться на берег. Он икал от неожиданности и что-то растерянно бормотал. Уже стоя на твердом дне, этот незадачливый вояка чуть было снова не повалился в воду. Только теперь он сообразил, что произошло. Его напарник судорожно цеплялся за бревно, переброшенное через речку. Оба они, потеряв дар речи, одурело уставились на автоматы разведчиков.

Через некоторое время Захарян докладывал комбату:

— Товарищ майор! Ваш приказ выполнен. Доставлены два «языка».

— Спасибо за службу. Объявляю вам благодарность за отличные действия. Только что это «языки» будто из помойки вытащены?

— Что делать! — сказал Захарян. — Один сам в речку свалился. Второго пришлось прополоскать. Медвежья болезнь началась у фашиста. Надо бы его вообще из речки не вынимать. Но один «язык» хорошо, а два лучше...

В ту пору многие восхищались и по-доброму завидовали изобретательности Захаряна, и все старались изыскать новые приемы для использования в разведке. Думал об этом и курсант Владимир Мазаев. Однажды ему представился подходящий случай. Направленный во главе дозора на дорогу Большое Жабино — Волгово вместе с курсантами Ефимом Шевченко, Василием Логвиновым, Дмитрием Костенко, Василием Копалкиным, Константином Андреевым, Иваном Абрамовым и Федором Усачевым, Мазаев, проходя мимо сараев и домов деревни Черемыкино, заметил множество валявшихся бутылок. Неожиданно для всех он сказал:

— Подберите-ка бутылки и захватите их с собой.

— Сдавать их в утиль, что ли, будем? — недоуменно спросил Абрамов.

Мазаев только хитро улыбнулся, еще окончательно не представляя себе, как он распорядится этими бутылками.

Свернув на заданную дорогу, он приказал отбивать от бутылок горлышки, оставляя нижнюю часть с крупными острыми зубцами.

— Уж не шутку ли сыграл с нами Мазаев? Собирали, несли, а теперь бьем,— проговорил Шевченко.

Когда же Мазаев стал расставлять на дороге острые стеклянные «шипы», слегка присыпая их травой, все поняли, что создается ловушка для вражеских машин.

К вечеру дозор, выполнив задание, следовал в обратном направлении опушкой леса. Навстречу ему со стороны центральной дороги на большой скорости в Волгово неслась вражеская автомашина. Курсанты впились глазами в то место, где скрыты остатки битых бутылок. Проскочив метров десять — пятнадцать, машина вдруг запрыгала и остановилась. Из кабины и кузова с руганью выскочили солдаты, оглядывая злополучные колеса.

Опасаясь пропустить удачный момент, не мешкая ни секунды, курсанты дали по врагу залп. Он был весьма удачным. Ответных выстрелов не последовало.

— Усачев, быстро загоните грузовик в лес. Остальным снять груз из кузова и подобрать автоматы. Срочно уходим,— скомандовал Мазаев.

Прихватив из автомашины несколько запечатанных картонных коробок, как позднее оказалось, с бинтами, и обвешавшись автоматами, дозорные по приказу командира подожгли автомашину, а сами скрылись в лесу.

«Я ВАШ ДРУГ»

Как-то вечером курсанта Владимира Круглова вызвали к командиру роты. А потом и Круглов, и командир роты пришли к нам в траншею. Пришли также начальник штаба Семен Иванович Петраков и пожилой человек, почти старик, в ветхой крестьянской одежде. Курсанты окружили их.

— Плохо дело, ребята,— сказал незнакомец.— Свиристует фашист в нашей деревне Сельцо. Люто свиристует. Мучает пленных, добивает раненых. Людей заживо в колодцы сбрасывает. Прячутся люди, да ведь долго под елкой не просидишь. Иной не вытерпит, идет домой, а его словят — и на скотный двор. Обратного хода оттуда никому нет...

Крестьянин мял в натруженных руках свою кепку. По морщинам его лица катились слезы.

— В штабе решено нанести удар по карателям в деревне Сельцо,— сказал Петраков.

— Вот это дело!..

Курсанты возбужденно заговорили, обращаясь к крестьянину:

— Ну-ка, дядя, рассказывай, как безопаснее в твою деревню пробраться!..

Уже через несколько минут началась энергичная подготовка группы курсантов к выходу в Сельцо. Деревня эта, расположенная по обе стороны Кингисеппского шоссе, стоит на ровном месте. Никаких овражков или перелесков на подступах к ней нет. Группа Круглова (я тоже входила в нее) достигла окраины Сельца под покровом темноты.

На фоне ночного неба смутно чернела водонапорная башня. Ориентируясь по ней, мы медленно продвигались вперед. Я ползла за курсантами. Мне в тот раз не везло. То и дело под руки попадались то пустые коробки из-под патронов, то какие-то банки, то сухой хворост. Я была еле жива от усталости, когда поступил сигнал остановиться. Протянув руку вперед, я дернула за сапог курсанта, лежавшего передо мной.

— Чего тебе? — обернулся тот. Это был Пайлак Захарян.

— Ничего,— прошептала я.— Скоро?..

Пайлак не успел ответить. Сквозь темень прорезалась фигура фашистского часового. Он подошел вплотную к вросшим в землю курсантам Павлу Сорокину, Ивану Манчуку и Пантелею Кротову. Остановился в двух-трех шагах от них и, не выражая беспокойства, повернулся спиной к ветру. Наблюдавшие за каждым его движением Сорокин, Манчук и Кротов вскочили. Часовой яростно сопротивлялся. Но через несколько мгновений с ним было покончено.

Курсанты поползли к видневшемуся невдалеке скотному двору. Не помню, кто из них первым приоткрыл ворота. Потянуло ужасающим запахом тления. Распахнув ворота настежь, курсанты вошли внутрь. Я последовала за ними. При свете карманного фонарика мы увидели трупы в изодранной окровавленной одежде, лежавшие там и тут. Среди них были и пленные красноармейцы и местные жители. Картина жуткая, передать ее словами невозможно.

— Есть кто живой? — забыв об осторожности, крикнул наш командир срывающимся голосом.

Ответа не последовало.

Курсантов трясло от гнева. Разбившись на группы по два-три человека, они двинулись на поиски карателей. Поблизости от скотного двора стоял сложенный из камня длинный сарай с черепичной крышей. Возле него были развешаны на просушку различные предметы солдатской амуниции. У ворот сарая, окованных железом, мы наткнулись на несколько кроватей, вынесенных, должно быть, из крестьянских домов. Нам уже было известно, что жителей в деревне нет. По всем приметам, в сарае расположились гитлеровцы. Получалось, что они сами забрались в ловушку. Надо было лишь запереть покрепче двери сарая — единственный выход из него. Курсанты так и сделали. Высоко расположенные под крышей проемы окон были защищены толстыми металлическими прутьями. Со стороны Кингисеппского шоссе к сараю по дорожке приближался часовой. Рахим Искаков и Михаил Карамнов выдвинулись навстречу ему и затаились, подпуская его поближе. Гитлеровец, видимо, заметил неладное и первым открыл огонь. Оба курсанта были ранены, но нашли в себе силы уничтожить часового. Тем временем остальные курсанты накрепко забаррикадировали ворота сарая и расположились возле его оконных проемов. По команде Круглова в сарай были брошены гранаты и бутылки с горючей жидкостью. Загремели взрывы. Многие гитлеровцы, по-видимому, сразу погибли. Уцелевшие же, обезумев, ломались в ворота и пытались выбраться через световые проемы, уже затянутые дымом и пламенем. В припадке бешеного отчаяния несколькими солдатам фашистского карательного отряда удалось сломать ворота сарая. Один за другим в горячей одежде выскакивали они наружу. Но тут их ждали пули курсантов.

В этой ночной вылазке курсантам удалось уничтожить десятки гитлеровцев. А через день был осуществлен еще один успешный налет на противника.

Началось с того, что разведчики обнаружили в стороне от Кингисеппского шоссе, недалеко от опушки леса, более десятка немецких походных кухонь, несколько котлов-прицепов и автобус.

— Хорошо бы уничтожить это хозяйство, — сказал Захарян.

— Идея неплохая, — поддержал его Шорин. — Если все эти кухни разбить, гитлеровцам придется на некоторое время затянуть пояса. Товарищ Петраков, — обратился он к начальнику штаба, — отберите людей для этого налета.

— Товарищ майор, — наперебой заговорили курсанты Круглов, Сорокин и Захарян, — разрешите нашей группе. Мы хорошо изучили местность.

— Вам отдыхать надо. Только что из разведки...

Однако, увидев потускневшие лица курсантов, Шорин сказал:

— Ладно. Веди, Круглов, своих ребят. Но немного все же отдохните. Проинструктирует вас капитан Левин...

Курсанты стали поспешно собираться в путь, дозаряжать оружие, пополнять запас гранат и патронов. Я проверила, достаточно ли перевязочных материалов в моей санитарной сумке.

В сумерках мы перешли передний край и вскоре уже наблюдали с опушки леса, как вражеские солдаты суетятся возле походных кухонь. Видимо, шла мойка котлов. Немцы носили ведрами воду из колодца, расположенного метрах в ста — ста пятидесяти от дороги, между домами. Наполнив котлы водой, некоторые солдаты пошли к автобусу, другие стали чистить картошку. Двое разделявали коровью тушу, подвешенную между деревьями. Слышны были говор и смех.

Часа через два гитлеровцы возле кухонь уgomонились. Можно было заметить только двух часовых, которые прохаживались взад-вперед.

— Чего ждем, Круглов? — сказал Захарян. — Пора действовать.

Круглов задумался.

— А я вот что решил, ребята. Если мы сейчас уничтожим кухни, то, пожалуй, толку от этого будет мало. К утру фашисты все равно подвезут кормежку откуда-нибудь. Пусть-ка они готовят завтрак. Ударим на рассвете. А пока что... Хабаров и Манчук, обеспечить наблюдение и охрану. Захарян и Зафаров, останетесь возле меня. Надо обсудить, как будем действовать. Всем остальным спать.

Легко сказать: «спать». Было холодно. Осенняя сырость обволакивала, пробираясь за воротник. Зубы выбивали чечетку. Хорошо еще, что не было дождя. Курсанты не прочь были покурить. Я развернула брезент, на котором обычно вытаскивала раненых. Курильщики укрылись под этим брезентом, с наслаждением попыхивая своими самокрутками.

Еще до рассвета группа была на ногах.

Вражеские солдаты, поеживаясь от утреннего холода, приблизились к автобусу. Один из них вошел внутрь,

а второй возвратился к походной кухне и сел на ступеньке. Захарян и Зафаров, уже подкарауливавшие его там, свалили часового на землю.

С виду все это вышло так просто и так легко. На самом же деле в основе первого успеха, как и последующих действий курсантов, лежали ночные наблюдения Круглова, Сорокина, Манчука, Захаряна и Зафарова. Они до мелочей изучили все, что касалось охраны. Исключительно точно были угаданы ее действия с началом рассвета.

Вот из автобуса, потягиваясь, вышел караульный. Ничего не подозревая, он взял ведро и зашагал к колодцу. Едва гитлеровец наклонился над срубом, как курсанты Круглов и Гаран подхватили его за ноги, и он с визгом полетел в колодец вниз головой.

Теперь все зависело от быстроты действий.

Курсанты забросали гранатами походные кухни, котлы-прицепы, автобус. Вражеский пункт питания за несколько минут был уничтожен.

Как всегда, мы не задерживались. Уцелевшие после налета гитлеровцы открыли беспорядочный огонь. Но группа под прикрытием Хабарова, Сидоренко и Кулика ушла в лес. Курсант Чечерин уже на опушке был ранен пулей в ногу. Товарищи понесли его на руках. Пройдя около километра, мы убедились, что фашисты нас не преследуют. Тем не менее Круглов приказал круто изменить направление и только после нескольких резких поворотов в пути разрешил передохнуть.

Курсанты в изнеможении повалились на землю, но тут же в одно мгновение поднялись и схватились за оружие. В чем дело? Я вместе со всеми прислушалась. Сначала было тихо. Потом неподалеку чей-то слабый, подрагивающий голос на ломаном русском языке произнес:

— Товарищи!..

Разведчики взяли автоматы на изготовку. Все в недоумении поглядывали друг на друга. Через несколько секунд тихий зов повторился.

— Ребята, да тут, кажется, немец,— осторожно заметил курсант Ведерников.

Действительно, в нескольких метрах от места нашей стоянки лежал на спине раненый немецкий солдат. Отстранив от себя автомат, он знаками подзывал нас. Подойдя к нему, я сразу поняла, что он умирает. При каждом вдохе становилось шире темное пятно на его груди. Лицо делалось все бледнее. Солдат не испугался нас.

Собрав остатки сил, он довольно внятно сказал по-русски:

— Я коммунист... Ваш друг...

Он продолжал говорить, задыхаясь и торопясь. Много осталось неясным в его сбивчивой речи. Но основное мы уловили. Солдат несколько раз повторил, что он коммунист. Он сказал, что рад встрече с нами. Что метрах в ста от него лежат два убитых им фашиста. Они вместе были в разведке. Те, с кем он шел, надругались над русской женщиной. Он пытался остановить их. Они убили ее. Они хотели убить и его. Он опередил их. И все же они... Раненый говорил все тише. Он говорил, что считает себя честным солдатом, что он не один такой в Германии. Потом силы оставили его, и он замолчал...

Пораженные неожиданной встречей, курсанты напряженно вглядывались в неподвижные черты ушедшего из жизни человека. Он назвался другом и коммунистом. Но он был в ненавистной нам фашистской армейской форме. Как все это совместить?

Через несколько минут мы обнаружили в чаще двух мертвых гитлеровцев, потом снова возвратились к тому первому, недавно еще разговаривавшему с нами немцу.

Курсанты вынули из карманов его мундира документы. Среди них лежали два фото. На одном он был снят, по-видимому, с женой и дочерью, на другом — с товарищем. Они стояли, молодые, улыбающиеся, приподняв руки, сжатые в кулаки. Мы хорошо знали, что это было рот-фронттовское приветствие — традиционный знак рабочей солидарности.

Сняв с немецкого солдата ненавистные нам фашистские погоны, мы похоронили его на небольшой поляне в лесу. На могилу положили пилотку, а рядом — записку, в которой говорилось: «Этот человек — друг нашей Родины. Он помогал нам. Курсанты-пограничники».

ВНЕЗАПНОСТЬ — СЕСТРА УСПЕХА

На методический обстрел наших позиций, который гитлеровцы вели по ночам, ответили, и хорошо ответили, орудия поддерживавших нас артиллерийских подразделений. Разведчики, побывавшие вскоре после этого в районе деревни Муратово, сообщили командованию любопытную подробность. Фашистские вояки выбирались из домов и спешно оборудовали щели и траншеи в поле за околицей. Больше того, они перетаскивали ту-

да перины, подушки, одеяла и другое награбленное у жителей имущество. Даже в земляных укрытиях гитлеровцы стремились жить с комфортом.

Снарядов у нас в ту пору не хватало. Сама собою напрашивалась мысль побеспокоить фашистов, когда они улягутся на перины, с помощью «карманной артиллерии».

Началось все, как обычно, с тщательной разведки. Курсанты Тимофей Наливайченко, Виктор Виноградов, Трифон Кривой и Василий Маламуж уточнили, где расположены земляные укрытия гитлеровцев. Кроме того, были разведаны артиллерийские позиции, склад боеприпасов и некоторые другие важные объекты противника, сведения о которых нужны были нашим пушкарям.

Налет на подразделение гитлеровцев, обосновавшихся близ деревни Муратова, был поручен усиленному взводу, которым командовал Борис Григорьев. Взвод был разбит на небольшие боевые группы. Каждая из них получила особую задачу. Возглавили группы курсанты, не раз бывавшие в разведывательных поисках: Кузьма Сергиенко, Петр Ткач, Павел Мельник, Сергей Панарин, Сергей Кондратенко, Михаил Шумилин, Николай Грибанов, Андрей Цыганенко, Пантелей Кротов и Иван Балашов, Степан Дмитриченко.

Прежде чем отправить взвод в район Муратова, командир роты лейтенант Семин провел с ним специальные занятия. Отрабатывались приемы скрытого передвижения, а также ближнего боя в траншеях и щелях.

Вооружились курсанты как обычно, но каждому дополнительно было выдано по восемь гранат и по бутылке с горючей смесью. Взвод двинулся в путь налегке, оставив шинели и вещмешки на позициях батальона.

Было четырнадцать ноль-ноль. Накрапывал дождь. По небу низко летели угрюмые рваные облака. Лишь изредка сквозь них прорывалось солнце. Перейдя передний край, взвод достиг намеченного рубежа, примерно, в пять часов вечера. Как и было предусмотрено, курсанты надежно замаскировались. Лейтенант Григорьев и старшие групп установили подступы к окопам, щелям и ходам сообщения гитлеровцев. Каждой группе были указаны цель и путь к ней, а также направление отхода на сборный пункт.

Дело было не простым. В Муратове размещалось много гитлеровцев. Веди себя они довольно беспечно — играли на губных гармошках, крутили патефонные пластинки, бродили по деревне. Курсанты Василий

Одинцов, Федор Марюшко, Иван Балагаев, Василий Горпинченко и Николай Путилин, составлявшие головную группу, в двадцать два часа сообщили, что многие вражеские солдаты уходят из деревни к щелям и окопам.

В полночь и в Муратове и близ него установилась глубокая тишина. Курсанты Сергей Панарин, Василий Маламуж, Сергей Кондратенко, Яков Цейтлин, Иван Черненко и Николай Грибанов поползли к вражескому наблюдательному пункту и вскоре были уже возле щели. В этот момент наблюдатель противника поднял ракетницу и выстрелил из нее. Через секунду он был опрокинут наземь. Над полем взмыла ракета, выпущенная Сергеем Панариным,— сигнал начала действий боевых групп.

Убедившись в том, что все идет, как намечалось, и что никто не перепутал целей, лейтенант Григорьев и курсант Николай Ханькин подползли к земляному укрытию, которое должны были блокировать они сами. Приподняв плащ-палатки, тот и другой почти одновременно швырнули в щель по гранате и отпрянули в сторону. Загремели взрывы. Они загремели по всей линии вражеских укрытий. Послышались стоны, крики, ругань. Бутылки с горючей смесью превратили щели в пекло. Пылали перины и подушки, ватные одеяла и матрацы. Фашисты выскакивали из щелей и бежали куда глаза глядят. Лейтенант Григорьев бил по ним из автомата, курсанты — из ручных пулеметов и винтовок. Николай Некрасов, Владимир Гайдученя, Борис Прудников и Дмитрий Стариков, как на занятиях по рукопашному бою, штыками разили выскакивавших из огня гитлеровцев. Группа Владимира Мазаева, подобранная из особо натренированных и подвижных курсантов Василия Гаврикова, Михаила Ершова, Алексея Муратова, Михаила Савельева и Михаила Миронова, сумела проскользнуть на вражеские огневые позиции, атаковать их и привести в негодность технику.

Александр Худяков неосторожно ступил на край щели и, потеряв равновесие, вдруг свалился в нее. На выручку ему бросились Иван Мамонов, Виктор Виноградов, Ефим Кирпиченков, Михаил Соловьев и Тимофей Наливайченко. В огне, в удушливом чаду Александр схватился врукопашную с вражеским солдатом. Иван Мамонов помог товарищу доконать противника. Курсанты побежали вдоль щели, преследуя недобитых фашистских вояк. Погорячившись, Михаил Ситников и Виктор Виноградов неосмотрительно выскочили из бокового

хода. Михаил сразу же был ранен несколькими пулями в правую руку и в голову. Виктор швырнул во вражеских автоматчиков гранату и кубарем свалился в укрытие, увлекая за собой раненого товарища. В это время лейтенант Григорьев через командиров боевых групп распорядился прекратить бой, отходить на сборный пункт.

Вылазка была проведена так внезапно и стремительно, что противник не успел организовать сопротивление. Он стал приходить в себя спустя некоторое время после того, как группа Григорьева, захватив погибшего курсанта Федора Марченко, тяжело раненого Михаила Ситникова и двух пленных фашистов, была уже далеко.

Федора Марченко мы похоронили в районе Русских Анташей, где тогда размещалась наша 3-я рота.

Курсантами Худяковым и Мамоновым, получившими серьезные ожоги, занялся старший военфельдшер Найвельт. Я как могла помогала ему. Хорошо, что перед выходом на это задание он раздобыл мазь от ожогов и потребовал, чтобы я взяла ее с собой. Мазь помогла курсантам, «искупавшимся в огне», избежать тяжелых последствий.

Несколько участников этого ночного боя получили различные ранения (ожоги не в счет), и почти все они остались в строю: Алексей Николаев, Михаил Карамнов, Иван Иванов, Максим Довбыш, Иван Каравай, Павел Скрипай, Семен Смирнов, Захар Севидов, Владимир Шабаршин, Владимир Калитка и Михаил Магда. Михаила Ситникова мы вынуждены были отправить в госпиталь.

ЛИСТОК ИЗ ПОЛЕВОЙ КНИЖКИ

Прибытие курсантской роты в Русские Анташи стало событием. На подступах к селению пограничников встретила ватага перепуганных деревенских подростков. На них, как говорят, лица не было. Ребятам хотелось как можно быстрее рассказать что-то необычное и страшное, так разволновавшее и поразившее их.

Настроенным на встречу с врагом или его агентами курсантам и в голову не приходила мысль о вылазке еще недобитого контрреволюционного отребья. Однако рассказ мальчишек насторожил всех, и особенно командира роты лейтенанта Щетинкина и политрука Ушакова. Вместе с подростками немедленно был направлен пограничный наряд, который возглавил курсант Иван Ежов.

Наряд едва поспевал за ребятами, бжавшими к

деревенской школе — двухэтажному зданию, окруженному большими ветвистыми деревьями.

— Вот видите, дяденьки, вот она, веревочная петля, которую мужики сделали для нашей учительницы, — показывали ребята. — Идемте быстрее наверх — мужики там были.

Оставив на улице курсантов Шишкина, Смолина, Карпова и Годунова, Ежов вместе с Анисимовым, Пановым и Абрамовым двинулись в направлении, указанном подростками.

Вездесущие мальчишки опередили курсантов и, желая подтвердить свой рассказ, наперебой показывали:

— Вот и квартира учительницы. Видите, что сделали с дверью: ручку выдрали, а вот это следы ударов чем-то тяжелым.

Не мешкая, Ежов осторожно постучал в дверь. Ответа не последовало. Он постучал еще раз и громко крикнул:

— Откройте, пожалуйста, мы пограничники, прибыли в вашу деревню.

Только после этого Ежов услышал тихий, всхлипывающий голос женщины, все еще не верившей, что к ней стучат хорошие люди.

— Выйдите, пожалуйста, под окна, я хочу посмотреть на вас.

Курсанты выполнили просьбу. Только теперь они заметили, что и стекла в квартире выбиты. В глубине черневших пустотой проемов появилась женщина, которая, узнав пограничников, осмелела и умоляюще крикнула:

— Спасите нас! Не уходите. Нам страшно, поднимитесь к нам.

Ежов с товарищами бросились к квартире. Через некоторое время дверь приоткрылась, и пограничники с трудом протиснулись в комнату. У курсантов сжалось сердце, когда они увидели в углу двух перепуганных мальчуганов примерно трех и шести лет. Рядом с ними, так же на полу, сидела старушка, крепко прижав к груди годовалого ребенка. Возле нее лежали утюги и скалки.

— Да, собирались обороняться этим нехитрым оружием, — пояснила учительница.

— Хотели отомстить мне негодяи. Припомнили, что я — сестра одного из первых комиссаров Красной гвардии Александра Рощина, погибшего в борьбе с врагами. Об этом они кричали, сооружая виселицу и ломая в дверь. У меня душа в пятки ушла, когда они, уходя, про-

кричали: «Скоро вернемся». Подумала, что они пошли искать лестницу, чтобы проникнуть в квартиру через окно. Если бы не ваш приход, неизвестно, чем бы закончилась эта вылазка бандитов.

— Успокойтесь, пожалуйста,— просил Иван Ежов.— Все ваши страхи позади. Мы о вас позаботимся.

Оставив в квартире группу курсантов, он направился к командиру роты для доклада. А еще через некоторое время курсанты усаживали учительницу и ее мать в автомашину, помогая укутывать детей теплыми вещами. В качестве пропуски Александре Константиновне Рощиной политрук вручил эвакуационное удостоверение.

Прошли годы. В 1967 году в Ленинграде проходила встреча ворошиловцев. Перед закрытием торжественного вечера к столу президиума подошла пожилая поседевшая женщина. Она поклонилась присутствующим и произнесла несколько слов благодарности пограничникам за то, что они спасли ее и ее семью от неминуемой гибели. Переполненный ветеранами и молодыми воинами зал замер. Многие не могли понять, кто она, эта женщина, и что с ней произошло. Тогда Александра Константиновна вынула из сумки синий листок, вырванный из полевой книжки образца 1941 года, и показала президиуму эвакуационное удостоверение, выданное ей в первый год войны за подписью командира роты Щетинкина и политрука Ушакова. Зал разразился овацией, когда из президиума поднялся Иван Никифорович Ушаков, ныне полковник в отставке. Он подошел к Рощиной, и они как родные обнялись.

А еще спустя десять лет Александра Константиновна встретила с бывшим старшим нарядом Иваном Ежовым, проживающим ныне в пригороде Ленинграда.

До сих пор о боевых действиях пограничников и о происшествии с учительницей Рощиной помнят старожилы окрестных деревень. А Сельцовская средняя школа посвятила этому событию раздел в комнате боевой славы. Александра Константиновна часто приглашается на пионерские слеты в эту школу.

ПЕРЕПУТАЛИСЬ ДНИ И НОЧИ

С той поры, как мы выступили на фронт, прошло немногим больше четырнадцати суток.

Перепутались дни и ночи. Многих товарищей мы потеряли в боях. Редкий из курсантов не был легко ранен.

Люди закалились, обрели качества настоящих бойцов. Слава полка ВПУ разносилась все дальше, от одного участка фронта к другому. Не случайно поэтому в район Копорья, где враг яростно атаковал важный узел дорог, был направлен курсантский батальон.

Грустно было расставаться нам с бывшими ополченцами. Две фронтовые недели по-настоящему сплотили нас. Расставались друзья. Было все: и рукопожатия, и крепкие объятия, и добрые напутствия, и даже мужские слезы, о которых не всегда точно говорят, что они скупые. Курсанты и бойцы прекрасно понимали, что и тех и других впереди ждут новые испытания, что кто-то уходит навсегда.

Темнело. Начался дождь. Одна за другой уходили автомашины с пограничниками, вползая в сырую пелену вечерней мглы. Наконец и наша машина тронулась в путь.

Ехали мы долго, как бы ощупью, по ухабистой дороге. Стеной стояла кромешная тьма. Потом все спешились и пошли по лесной дороге. Под ногами чавкала грязь. Продолжал лить дождь.

На рассвете добрались до деревни Юрьево. Здесь нам было объявлено, что батальон определен в резерв командира дивизии народного ополчения генерал-майора Любовцева.

Курсанты начали спешно рыть окопы, щели, ровики, оборудовать огневые позиции. Я бродила среди ребят, спрашивала, не нужна ли кому медицинская помощь. В ответ сыпались шутки. И все же на душе у меня было беспокойно. Тревожила близкая ружейная и пулеметная стрельба. Издалека доносилось уханье артиллерии. Батальон в любой момент мог стать участником боя.

Командиры внимательно изучали местность. Выяснилось, что многие из них до войны бывали в этих местах на тактических занятиях. Редкое совпадение: предстояло сражаться на тех же рубежах, где совсем недавно шли учебные бои. И возможно, именно это обстоятельство в значительной мере способствовало успеху нашего боя с фашистами под Ирогщей.

Северная красота природы была нарушена и поругана. Впереди простиралось мертвое поле. Чернели остатки деревушек. Пустовала мощенная булыжником дорога. За Копорьем настороженно замерли темно-зеленые лесные массивы. Хотелось увидеть в полях такие характерные для конца лета стога сена, скирды сжатой ржи. Ничего этого не было. Дымки взрывов, неясные очертания

ния чего-то чуждого для русского пейзажа заставляли беспокойно вглядываться в даль.

На исходе дня 31 августа курсантский батальон, вступив в бой, контратаковал противника.

Это был необычный, особенный бой. Диву даешься, как смог курсантский батальон заставить отойти несколько численно превосходивших его, технически лучше оснащенных подразделений врага и задержать тем самым наступление пехотной дивизии.

Но факт есть факт. В результате контратаки под Ирогщей, хорошо продуманной и организованной командиром батальона Шориным и его штабом, благодаря отваге и боевому умению пограничников, подразделения 93-й пехотной дивизии противника были выбиты с их позиций в районе Ирогщи и поспешно отступили более чем на пять километров. Фашисты оставили на поле боя сотни трупов, множество различной военной техники и боеприпасов. Пришлось специальной команде изрядно потрудиться, чтобы вывезти с поля боя все трофеи.

Такие события в конце августа 1941 года на нашем участке фронта случались не часто. Воистину подвиг совершили в тот день курсанты во имя спасения измотанных, отходивших с тяжелыми боями частей нашей 8-й армии.

Количественные оценки боя в данном случае, пожалуй, не подходят. Уместно говорить о дерзости, мужестве и не поддающейся описанию ярости четырех курсантских рот, поддержанных десятью легкими танками. Наверное, немаловажным было и психологическое воздействие на сильного противника, приученного считаться только с реальной силой и руководствовавшегося узкологической логикой педанта: раз кто-то решился тебя атаковать, значит, он сильнее тебя. Видимо, так и расценил враг внезапный удар курсантов-пограничников под Ирогщей.

А удар был поистине ошеломляющим. Вырвавшиеся из леса на полном ходу и открывшие яростный огонь по врагу, наши танки вызвали замешательство среди гитлеровцев. 3-я и 4-я курсантские роты дружно атаковали противника. Его попытки организовать сопротивление были сорваны 1-й и 2-й ротами. Фашисты сначала попятились, а потом, не сумев оторваться от атаковавших их курсантов, и вовсе ретировались. Дальше пошло по поговорке: «У страха глаза велики». Полагая, что мы наступаем большими силами, вражеское командование от-

дало своим подразделениям приказ об отходе за реку Ламоху. Но это был не отход. Это было беспорядочное бегство.

Словно божественную музыку, слушали фашистские вопли в эфире наш радист курсант Василий Гнатышин и начальник связи старший лейтенант Петр Акуленко. Они переводили командиру содержание радиопереговоров противника. Впрочем, майору Шорину и без того все было ясно. Он видел со своего НП, как под прикрытием минометного и артиллерийского огня по направлению к мосту через небольшую реку отступал противник.

Как всегда бывает в таких случаях, у моста образовалась пробка. Пробившиеся через переправу танки и автомашины стремились уйти подальше от затора. Паника разрасталась и там, за Ламохой.

Разгоряченные боем, курсанты рвались преследовать противника. Но поступил приказ: из леса не выдвигаться, малочисленности своей не выдавать и лишь усилить огонь по врагу.

ПОЛИТРУК ЛЕКОМЦЕВ

В тот день я впервые увидела, что такое большой бой с применением различной военной техники.

Батальон понес немалые потери. Переползая от одного раненого к другому, я на какое-то время перестала сознавать, что происходит вокруг. То там, то тут находила бездыханных либо ослабевших от потери крови людей. Людей, которые еще совсем недавно были полны молодых сил.

Трещали выстрелы, рвались снаряды, мины, гранаты, ревели двигатели. То и дело то впереди, то сбоку, среди сосен и кустарника раздавалось мощное «ура!». Я плохо соображала, что творится. Главным для меня было то, что среди шума и грохота раздаются стоны раненых. Я плакала от жалости к ним. Я была вне себя от ненависти к фашистам и от своего бессилия вовремя оказать помощь всем, кто в ней нуждался.

Земля напилась кровью. Забыв об опасности, я уже не ползала, а перебегала от раненого к раненому. Это не было храбростью, конечно. Это было какое-то особое состояние.

Неожиданно увидела политрука четвертой роты Германа Захаровича Лекомцева. Несколько минут назад он громко подавал команды, ведя роты в атаку, а теперь

беспомощно лежал в луже крови. Опухшее лицо его было измазано глиной и кровью. Я осмотрела его перебитую ногу. Осмотрела со страхом. На минуту мне показалось, что Лекомцев мертв. Я даже намеревалась было оставить его. Меня звали другие раненые. Но по какому-то едва приметному признаку, а вероятнее всего интуитивно поняла, что в лежавшем передо мной человеке еще теплится малая искорка жизни. С особой осторожностью перевязала голову Германа Захаровича, обработала другие его раны. Нашлись добровольные помощники из числа раненых, но способных передвигаться курсантов. С большим трудом вытащили мы политрука в укрытие. По правде говоря, я мало надеялась на то, что он останется жив...

Небезынтересно в связи с этим рассказать о случае, имевшем место в один из июньских дней 1964 года. Мне позвонили. Я взяла телефонную трубку и услышала:

— Здравствуйте!.. Извините, пожалуйста... Ваша девичья фамилия Царева?.. Если так, не могли бы вы зайти в редакцию «Вечернего Ленинграда»?..

— А в чем дело?..

— Не волнуйтесь... Просто на ваше имя получено письмо.

Я не заставила долго себя ждать и через час была уже в редакции. Там мне вручили конверт с интригующей пометкой «лично». Я мгновенно вскрыла его и впились глазами в текст.

«Дорогая Вера Михайловна!

С большим вниманием прочитал я в «Вечернем Ленинграде» очерк о разведчице и сандружиннице Вере Царевой...

У меня есть особые основания помнить Вас. Много было за войну госпиталей, врачей и сестер. Но первая сестра, которая первой перевязала твою первую рану, не забудется никогда, как не забывает человек свою первую любовь...

Помнится тот бой под Ирогощей. Наше училище крепко ударило тогда по фашистам на подступах к родному городу Ленина». И подпись: «Искренне Ваш Лекомцев Г. З.»

Политрук Лекомцев! Значит, жив он, Герман Захарович!

Но возвращаюсь к тому трудному бою под Ирогощей, о котором вспомнил и Лекомцев в своем письме через двадцать лет после войны.

ОДИН ПРОТИВ ПЯТИ

Никогда не забуду, как повел своих питомцев в атаку комиссар батальона Василий Иванович Луканин. Он возглавил тогда 4-ю роту, потерявшую в бою весь командный состав. И должно быть, слишком заметной была фигура комиссара. Слишком выделялся он своей прекрасной выправкой и безукоризненной формой. Заметили его фашисты. Огненная струя из крупнокалиберного пулемета сразила комиссара, поднявшего курсантов в очередную атаку. Он упал, сжимая в руке пистолет. Я бросилась к нему. Но помочь Василию Ивановичу было уже ничем нельзя. Курсанты Пономарев, Домнич и Мазаев бережно вынесли его с поля боя и присоединились к наступавшим.

Атака четвертой роты была столь яростной и стремительной, что фашисты откатились с очередного рубежа, на котором пытались закрепиться.

Бой грохотал. Казалось, земля качалась у меня под ногами. Я потеряла счет погибшим и раненым. Я перестала плакать. Все, что происходило вокруг, воспринималось как жуткий кошмар.

В какой-то момент подбежала я к лежавшему на земле лейтенанту Мариничеву. Потом увидела лейтенанта Гамаюнова. Оба были мертвы. В памяти почему-то сразу же возникла моя не такая уж давняя встреча с Гамаюновым в Петергофском парке. По-мальчишески резвился он тогда со своей маленькой дочуркой...

Одного за другим перевязала раненых Николая Рылицкого, Анатолия Попова, Василия Бахмуцкого, Михаила Ершова, Михаила Шумилина, Тимофея Наливайченко, Ивана Ляшенко, Николая Синева, Василия Скиба и Михаила Савинцева. Тимофей Наливайченко даже во время перевязки не выпускал из рук автомат. Он прикрывал меня огнем, пока я оказывала помощь другим раненым. Больно было смотреть на Ивана Ляшенко. Раненный в челюсть, плечо и руку, он производил жуткое впечатление. Лишь слабый пульс подтверждал, что курсант жив. За деревенским сараем подобрала я находившегося в тяжелом состоянии раненого разрывной пулей в шею и имевшего перелом ключицы курсанта Дмитрия Угарова.

Некоторые из раненых в беспомощности стонали, другие посылали проклятия врагу. Кто-то еле слышно просил меня сообщить о его судьбе близким. Кто-то, поймав мою руку, благодарно пожимал ее, не в силах вымолвить слово. Выдержка курсантов придавала мне си-

лы. Вместе с санитаром Белоусовым и сандружинницей Зоей Царевой (Чередниковой) я перетаскивала раненых глубже в лес. Там накопилось их очень много. Среди них не было ни одного ходячего — такие поле боя не покидали.

Осторожно несли мы к пункту сбора раненого лейтенанта Зверева. Я пыталась привести в чувство этого на редкость веселого человека, нашего первого заводилу. Но старания были напрасными. Ничего не смог сделать и Найвельт. Лейтенант Арий Зверев ушел из жизни. Тогда я не знала подробностей его гибели. Лишь много лет спустя майор Добродум, бывший под Ирогощей пулеметчиком во взводе лейтенанта Зверева, рассказал мне о последних минутах жизни своего командира.

Пулеметному расчету, в который входили Евгений Добродум, Василий Труфакин и Иван Топиха, удалось уничтожить огневую точку противника, мешавшую продвижению курсантов. Затем лейтенант Зверев и его взвод миновали перелесок и неожиданно оказались в расположении вражеского танкового подразделения. Гитлеровцы заправляли танки горючим из бочек. Увидя атакующих, они мгновенно укрылись в своих бронированных машинах. Курсанты пустили в ход гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Запылали сразу несколько танков. Однако экипажам удалось завести двигатели своих машин. Одна из них двинулась на курсантов. Навстречу ей поднялся лейтенант Зверев. Брошенная им бутылка с горючей смесью разбилась о броню танка, и он превратился в пылающий факел. Однако пулеметная очередь, выпущенная из него, сразила Ария Зверева. Командовать взводом стал Иван Кубасов. Курсанты продолжали бой.

Курсантам Михаилу Губанову и Ефиму Третьякову удалось выкатить свой пулемет на окраину деревни Ирогощи и с удобной позиции сразить большую группу гитлеровцев. Но пулемет вдруг замолчал, а чуть левее застрочил по нашим позициям уже вражеский.

— Ах, подлецы, засекли ребят, — произнес взводный лейтенант Пархалин. Не теряя времени, «он ползком подобрался к кусту, укрывавшему неприятельских пулеметчиков, и метким броском гранаты уничтожил расчет», — так писала 12 сентября 1941 года газета «На страже Родины». Дальше в газетном сообщении рассказывалось: «Раненого курсанта Степанова окружили пять немцев, намереваясь взять его в плен. Степанов не растерялся. Он подпустил врагов на расстояние десяти

метров и швырнул гранаты. Враги взлетели в воздух...»

Получили ранения капитан Левин и командир первого взвода третьей роты лейтенант Глеб Пархалин. Совершая обходный маневр, его взвод скоро столкнулся с подразделением противника, закрепившимся на лесной поляне. Пулеметчикам Колесникову и Шубе никак не удавалось подавить вражескую огневую точку, препятствовавшую продвижению наступавших. К пулемету противника по-пластунски подобрались курсанты Киреев, Слепец, Беспалько, Фирсов и Санжаревский. Почти одновременно взрывы пяти брошенных ими гранат сотрясли воздух. Используя этот момент, лейтенант Пархалин поднялся с земли и закричал:

— За мной, вперед, ура!..

Гитлеровцы встретили атакующих гранатами и автоматным огнем, но остановить курсантов было уже невозможно. Связной командира взвода курсант Николай Коротеев вступил в рукопашную схватку с двумя фашистами и уничтожил их. Курсант Шуба вел меткий огонь по гитлеровцам.

Бой был трудным. Курсантский взвод тоже нес потери. Погибли Георгий Чивилев, Ханафий Нафиков, Вениамин Колчин, Николай Тоболевский, Алексей Чичерин, Нурхадий Загиров, Василий Соколов, Ефим Третьяков, Михаил Губанов. Тяжело ранены были Александр Синцеров, Александр Маслов, Николай Кукса, Николай Ильин, Сергей Степанов, Дмитрий Филичкин.

ШТЫКОМ И ПРИКЛАДОМ

Взвод Глеба Пархалина продолжал продвигаться вперед. Он шел по болоту, продираясь сквозь кустарники, лесную чащобу. На следующей поляне наступавшие вновь столкнулись с автоматчиками противника. Пулевые ранения получили курсант Максим Букреев и лейтенант Пархалин.

Заботясь о командире, его связной курсант Николай Коротеев попросил товарищей:

— Подстрахуйте меня огоньком, я вытащу лейтенанта.

Он осторожно взвалил себе на спину потерявшего сознание командира и потащил его в небольшую ложбину, находившуюся в полутора сотнях метров. Неожиданно появилась новая группа гитлеровцев, которая пы-

талась настигнуть Коротеева. Пронин, Архипов и Петров встретили ее огнем. Однако враг наседавал. Раздался взрыв гранат, и на глазах Александра Петрова его друзья Пронин и Архипов замертво повалились на землю. Самого Петрова словно обожгло. Теряя силы, он почувствовал, как по телу побежали ручейки теплой крови. Мутнеющим взором он пытался рассмотреть Коротеева, но тот уже укрылся в ложбине, где уложил лейтенанта на сухую подстилку. Переждав некоторое время, он намеревался оттащить командира еще дальше в лес, но, заметив шевеление в ложбине, гитлеровцы начали вести по этому месту довольно плотный огонь. Пришлось Коротееву ожидать темноты. Всю ночь он провел возле раненого. Лишь с рассветом сумел перетащить командира и сдать в медпункт.

Остатки взвода лейтенанта Пархалина передали в подчинение лейтенанту Павлу Белану. Жестокая схватка с врагом продолжалась. Пограничники пустили в дело штыки и приклады. Образовалось несколько противоборствующих групп. Слышались взрывы гранат.

Отчаянно работал штыком курсант Александр Стасенко. Он заколот уже не одного неприятеля. И вдруг оказался нос к носу с гитлеровцем, вывернувшимся из-за кустов ольшаника. Фашист от неожиданности опешил и не сумел воспользоваться автоматом, но тут же пришел в себя и ударом ноги выбил из рук Стасенко винтовку. Александр, не медля ни секунды, бросился на гитлеровца и сорвал с его груди автомат, а затем попытался свалить его на землю. Однако гитлеровец отчаянно сопротивлялся. Он пригнулся и хотел на четвереньках проползти немного вперед, но не удержался на ногах, отступился и рухнул на землю лицом вниз, увлекая висевшего на нем чекиста. Александр по дыханию врага понял, что тот собирает силы для решительного рывка, и последним усилием придавил гитлеровца к земле. А что же делать дальше? Ведь не держать же врага прижатым к земле бесконечно? Стасенко увидел на боку у гитлеровца деревянную рукоятку и серую матерчатую тесемку. Так это же граната! Надо подорвать противника его же гранатой. Другого выхода не было. Сверхчеловеческим усилием Александр просунул руку к тесемке. Не до конца сознавая, на что решился, Стасенко потянул тесемку на себя...

Пробираясь по полю боя для оказания помощи раненым, за одним из кустов, на изрытой воронками земле я наткнулась на страшную картину. В луже крови, с

окровавленной головой и плечом, на подорванном гранатой гитлеровце лежал без сознания курсант Александр Стасенко. Курсанты Ковалев, Давыдов, Скурыгин и Павловский помогли мне вынести его к автомашине и отправить в госпиталь.

Отличился и курсант Кузьма Андриющенко. Несколько вражеских автоматчиков преградили наступающим путь вперед. Андриющенко подполз к командиру роты старшему лейтенанту Щетинкину.

— Товарищ старший лейтенант, гитлеровцев с тыла выбить можно. Их тут немного. Разрешите, я попытаюсь...

Командир роты понимающе кивнул. Рослый, сильный, решительный человек, Кузьма Андриющенко был умелым и отважным бойцом. Ему потребовалось немного времени, чтобы оказаться в тылу у вражеских автоматчиков.

— Дело было так,— рассказывал нам позже Кузьма. — Гранатой я не мог: далеко они друг от друга лежали. Если стрелять — тоже не очень-то: в одного выстрелишь, а все остальные — в тебя. С винтовкой подполз я к тому, что ближе был. Ну, и одним махом, как чучело на манеже. Соседи ничего не заметили. Я к другому — и точно так же, штыком. Пятерых отправил на тот свет. А шестой — шестой заметил меня. Пришлось его пулей. С последним, седьмым, тяжело было. Чуть-чуть не прошил он меня автоматной очередью, да второпях высоко взял. Успел я камнем рухнуть на землю. Гляжу на фашиста — он на спусковой крючок опять нажимает, а автомат молчит. Врешь, думаю, перестарался ты, бандит! Магазин-то у тебя пуст. Всадил я в него штык, встал, поднял над собой трехлинейку и трофейные автоматы, показываю их своим: быстрой, мол, братва, путь свободен!..

Хорошо воевал Кузьма Андриющенко. Но в одном бою он был тяжело ранен. Только много лет спустя узнала я, что из госпиталя Андриющенко попал в другое учебное заведение. Потом он в составе 98-й Краснознаменной Ропшинской стрелковой дивизии Ленинградского фронта участвовал в боях по снятию блокады Ленинграда, был снова тяжело ранен и 13 марта 1944 года умер. Имя отважного пограничника Кузьмы Леонтьевича Андриющенко занесено в Памятную книгу в честь 50-летия ВЧК — КГБ.

А теперь мне хотелось бы рассказать, как действовал в бою под Ирогощей партизаны третьей роты курсант

Николай Романчиков. Это был опытный военный человек. Он принимал участие в освобождении Западной Белоруссии и Западной Украины, участвовал в боях с белофиннами. Великая Отечественная война для Романчикова началась с первых ее дней. Тогда он нес службу на границе севернее Мурманска.

Бывалый воин, Романчиков действовал в боях точно и осмотрительно. Его пулемет работал, что называется, как часы. Каждая очередь достигала цели. Николай, казалось, породнился с пулеметом. Он держал связь с соседями справа и слева, предупреждал товарищей об опасности.

— Ребята! — кричал Романчиков в один из моментов боя. — Прикрываю вас огнем!..

Пулемет Романчикова бил по фашистам, пытавшимся контратаковать курсантов. Гитлеровцам удалось окружить командира роты и отделение управления. На моих глазах началось совсем уж невероятное. Курсанты перехватывали на лету немецкие гранаты и бросали их обратно в гитлеровцев. Двум солдатам противника удалось прорваться к нашим раненым. Курсант Митрофан Гамов загородил собою изрешеченного осколками старшего лейтенанта Александра Щетинкина, а тот нашел в себе силы почти в упор сразить одного и второго гитлеровцев. И именно в этот момент снова застучал пулемет парторга Романчикова. Он прикрыл огнем курсантов Митрофана Гамова, Александра Дмитриева, Дмитрия Глушонка и Ивана Новикова, на шинели выносивших в безопасное место потерявшего сознание командира роты.

Когда в пулеметных дисках не осталось ни одного патрона, парторг взял винтовку погибшего товарища и присоединился к атакующим. Он решительно принял на себя командование одной из групп курсантов...

Бой разгорался, возрастали наши потери. Трудным делом под Ирогощей было оказание медицинской помощи раненым. Полем боя был обширный участок лесистой местности. И всюду появлялись раненые. Врач Александр Федорович Александров, находясь на передвижном медпункте, внимательно их осматривал и оказывал помощь. Он мастерски накладывал повязки, в зависимости от тяжести ранения и состояния пострадавших распределял их для эвакуации: кого на автомашине, кого на конной повозке. Во время описанного мною боя большая нагрузка пришлось на молодых сандружинниц Надю Ковалеву, Зою Цареву (Чередникову), Аню Сланову. От усталости они еле держались на ногах.

Сейчас, много лет спустя, просто диву даешься, как могли эти хрупкие девочки поднимать в кузовы раненых, вес которых, как правило, в полтора раза превышал вес сандружинниц. Медицинский конвейер работал на большой скорости, и все же, к нашей большой скорби, многих раненых доставить в госпиталь живыми не удалось.

КОРОТКИ АВГУСТОВСКИЕ ВЕЧЕРА

Августовские вечера коротки, быстро наступает темнота. И в тот вечер видимость с каждой минутой ухудшалась. Между тем бой был в разгаре. Тут и там в укромных перелесках и ложбинах лежали группы раненых, вынесенных из-под огня. Как отыскать их в темноте? Старший военфельдшер Найвельт был охвачен тревогой.

Но в какой-то момент справа от нас на открытом поле вдруг взметнулись в небо четыре огромных языка красноватого пламени. Загорелись копны сена. Позднее мы узнали, что их подожгли курсанты. Подождли, чтобы видеть противника и лучше ориентироваться в обстановке. «Иллюминация», устроенная Вадимом Авакяном и его боевыми товарищами, выручила и нас. Работа пошла быстрее. С лихорадочной поспешностью выносили мы раненых из-под огня и оказывали им первую помощь.

Группы вражеских солдат, крадучись, отходили к своим. То и дело возникали неожиданные схватки с такими группами. Одна из них, отступая, наткнулась на наших раненых. Участь ребят была бы плачевной, если бы не свет авакаяновских факелов.

Раненый курсант Георгий Зимин заметил приближение гитлеровцев. Превозмогая слабость и боль, он схватился за оружие и предупредил об опасности товарищей. Многие не могли слышать его, так как лежали без сознания. Но все, кто услышал, потянулись к винтовкам. Загремели выстрелы. Сумели постоять за себя и за своих боевых друзей, не имевших сил держать в руках оружие, раненые курсанты Владимир Батин, Федор Веремьев, Иван Ерофеев, Алексей Залесский, Алексей Авдеенков, Иван Королев, Павел Литвиненко, Павел Мельников, Иван Новиков, Петр Романенко, Георгий Рощупкин, Николай Савельев, Николай Левицкий, Федор Федоров, Сергей Федорович, Андрей Ярошенко, Яков Шапошников, Борис Пугачев, Алексей Сироткин, Григорий Никитченко, Митрофан Гамов, Александр Синцеров и Матвей Костыленков.

Вражеские автоматчики, наверное, могли бы сломить сопротивление горстки раненых, если бы на помощь им не пришли Вадим Авакян и группа курсантов, которую он возглавлял. На лесной опушке разгорелась скоротечная ожесточенная схватка.

Старший военфельдшер Найвельт и я добрались до опушки, когда эта схватка уже закончилась. Курсанты Авакян и Петросянц, возбужденные боем, на родном языке, что называется, отводили душу. Раненые благодарили своих спасителей.

— Вовремя пришли, ребята... Опоздай вы на минуту-другую, не удержаться бы нам...

Там, под Ирогощей, погиб Пайлак Захарян. Едва залечив рану, полученную в районе Большого Жабина, он снова вместе со всеми пошел в бой и сражался с прежней энергией, презирая опасность. Пайлак был ранен еще несколько раз. Его гимнастерка пропиталась кровью. Зеленая фуражка была продырявлена пулями. Последняя пуля ударила Пайлака прямо в сердце в тот момент, когда он швырнул гранату. Он швырнул ее и, как бы остерегаясь осколков, упал. Его боевые товарищи побежали вперед, думая, что Захарян последует за ними. Но он больше не поднялся.

Я подползла к Пайлаку. Сраженный наповал, он лежал так, словно собирался встать. Как сейчас вижу выражение горя и ярости в глазах курсантов Алексея Парамонова, Ивана Ежова, Александра Челюбеева, Николая Грибанова, Петра Меньщикова и Ивана Пелиха, увидевших, что их друг погиб. С новой силой обрушились они на противника.

За оставшимися на поле боя вражескими машинами укрывались гитлеровцы, стрелявшие в спину нашим ребятам, прорвавшимся вперед. Алексей Парамонов и его боевые друзья навязали этой группе рукопашный бой. В ход пошли штыки и приклады. До сих пор помню, как исказилась от страха физиономия одного из фашистов, когда над ним навис приклад винтовки, занесенный курсантом Ивановым Ежовым.

Вот Ежов, расправившись с гитлеровцем, заскочил за полубогоревшую кабину, где столкнулся еще с одним вражеским солдатом, перезаряжающим автомат. Иван занес над врагом приклад, но противник проворно нырнул под колеса автомобиля, ища спасения. Ежов выбил из рук солдата автомат, схватил врага за ноги, но гитлеровец выскользнул из собственных сапог.

— Лови его, подлеца! — услышал Ежов голос своего

земляка Владимира Мазаева.— Добьем их, гадов! — И Мазаев бросился к мосту через Ламоху, куда отходили гитлеровцы. Ежов последовал за ним.

Схватка и в районе моста была недолгой. Противник усилил минометный огонь. В какой-то момент Иван Ежов упал как подкошенный. К нему метнулся Владимир Мазаев, но, не добежав до земляка нескольких метров, сам рухнул на землю, обливаясь кровью. Раненный осколками Александр Челюбеев по инерции пробежал еще несколько шагов, а затем зашатался и осел. Взрыв очередной мины опрокинул Ивана Пелиха.

— Верушка, выручай! — успел прокричать мне на ходу Алексей Пармонов.

Я перетащила Мазаева, Ежова, Челюбеева и Пелиха в небольшую выемку, куда не залетали пули и где Найвельт оказывал помощь другим раненым. Мы стремились в первую очередь облегчить страдания самых тяжелых, а такими были Ежов и Мазаев. Главной задачей было остановить кровотечение. Раненые сами помогали нам кто как мог. Я накладывала шины, бинтовала головы, руки, ноги. И вдруг обнаружила, что использован последний перевязочный пакет. Стало страшно: как быть? Ребята терпеливо ждали своей очереди на перевязку. Неужели мы, вытащив их в относительно безопасное место, позволим раненым здесь погибнуть?

Я беспомощно оглянулась. Старший военфельдшер Найвельт вопросительно смотрел на меня. Он был, как и я, перемазан кровью.

— Абрам Давыдович...

Найвельт подошел ко мне.

— Осмотрим трупы немцев, — тихо сказал он. — Возможно, найдем индивидуальные пакеты, какие-нибудь другие перевязочные средства... С нами пойдут Корвин, Сельницын, Стерхов, Дудин, Симоненко... Словом, будем добывать перевязочный материал.

За две фронтовые недели я уже присмотрелась ко всему, и трупы не вызывали у меня прежнего страха. И все же только сознание крайней необходимости вынудило меня, как и Найвельта, как и курсантов, помогавших нам, рыться в ранцах и карманах убитых. Вскоре за пазухой у меня было множество индивидуальных перевязочных пакетов, и я поспешила к раненым. Найвельт опередил меня. Он был уже на месте. В глубокой темноте мы заканчивали перевязки. Заканчивался и победный для нас бой против фашистских захватчиков под деревней Ирогощей...

Помнится, многие курсанты после этого боя были отмечены командиром батальона как храбрые и искусные воины. О некоторых из них я уже упомянула здесь. Хотелось бы назвать также фамилии курсантов Абросимова, Пудовкина, Артамонова, Лелюка, Саламатова, Третьякова, Уварова, Чепли, Лопатина, Беляева, Сабаева, Пашинина, Кошелева, Лабзина, Полякова, Селюха, Никитченко, Сироткина, Горбатенко, Дмитриева, Морозова, Шапоренко, Дроздова, Ефремова, Аксенова, Каукина, Гнатовского, Рубцова, Уланова, Руденко.

Курсанта Даниила Чеплю я видела в рукопашной схватке. С ним вместе находились Иван Хандрыко, Николай Шилов, Александр Соловьев, Виктор Виноградов, Владимир Мушнин, Петр Меньшиков, Николай Еремин и Михаил Терешкин. Получилось так, что патроны у ребят кончились, и им ничего не оставалось, как пустить в ход штыки и приклады. Чепля наносил удары прикладом с такой силой, что даже стальные каски не спасали гитлеровских вояк.

Мне рассказывали позже, что незадолго до боя Даниил Чепля получил письмо от отца. Тот воевал в составе одной из частей на том же участке фронта, что и мы. Наш курсантский батальон как раз и шел на помощь этой части. И должно быть, мысль о том, что он помогает отцу, ни на минуту не оставляла в бою Даниила Чеплю.

Удивительное совпадение: будучи ранеными, курсант и его отец лечились в одном госпитале — на Фонтанке, 99. Но так ни разу и не встретились. Много позже узнал Даниил Чепля, что отец его в боях за Ленинград был четырежды ранен и что последнее ранение, полученное им за два месяца до окончания войны, оказалось смертельным...

Много наших товарищей похоронили мы в ту августовскую ночь 1941 года. Посылая проклятия врагу, предавали курсанты земле тела погибших.

Накрапывал нудный осенний дождик. Дрожа от холода и от нервного перенапряжения, я стояла на краю братской могилы. Слезы мешали мне видеть что-либо. Когда шуршание земли и звон лопат стихли, наступила гнетущая тишина. Над нашими головами шумели лишь верхушки сосен. А в голове целый рой мыслей. Думалось сразу обо всем: о павших товарищах, о войне, о своем пребывании на ней.

Так закончились мои четырнадцатые фронтовые сутки.

«УЗНАЙ ЖЕ МЕНЯ, УЗНАЙ!..»

В конце 1971 года в составе большой группы ветеранов Великой Отечественной войны я ехала в Югославию. Едва наш поезд остановился на станции Чоп, как появились пограничники и работники таможи.

— Где тут Вера Михайловна Фелисова? — громко спросил один из них. Это удивило моих спутников. Но мне вопрос был понятен: значит, письмо, которое я недавно послала, нашло адресата. Еще больше удивились окружающие тому, как тепло встретил меня сотрудник таможи.

А потом настала очередь удивляться мне. Неожиданно я оказалась в объятиях еще одного человека, показавшегося мне незнакомым.

— Ну, узнай же меня, узнай!.. Ведь мы вместе с тобой били фашистов в сорок первом! — кричал он.

В конце концов я узнала его. Это был наш петерговец, ворошиловец. Я ожидала встретить одного, а к поезду пришли сразу два разыскиваемых мною бывших курсанта. Мы глядели друг на друга широко раскрытыми глазами, и в нашем воображении возникали незабываемые картины первой военной осени.

Мы не видели друг друга более тридцати лет. Но этот внушительный отрезок времени, насыщенный для каждого из нас многими большими и малыми событиями, не смог стереть в нашей памяти дней суровой борьбы с фашистскими захватчиками.

Передо мной стояли почтенные пожилые люди, отцы семейств. А мне виделись молодые, крепкие парни, удивлявшие всех своей смелостью и ратным умением.

Вот он, Николай Григорьевич Тимошко, ныне работник таможи, а в сорок первом курсант второй роты, которой командовал лейтенант Семин. Обладай я способностями художника, мне ничего не стоило бы по памяти нарисовать портрет курсанта Тимошко. Зеленая фуражка лихо сдвинута к правому уху. На плече автомат, на поясе гранаты. Загорелое юное лицо. Губы упрямо сомкнуты, в прищуренных глазах хитринка. Много перевидали эти глаза. Твердо держали оружие эти сильные руки. Пули, выпущенные по врагу Николаем Тимошко, метко били в цель. Его штыковой удар был неотразим.

Под стать Николаю был курсант 1-й роты Андрей Константинович Шовкопляс. Коренастый, ладно сложенный молодец, он накануне Великой Отечественной успел

повоевать с белофиннами. К мнению Андрея в батальоне прислушивались не только курсанты, но и командиры. Все старались попасть в разведку вместе с ним...

Мои фронтовые друзья засыпают меня вопросами.

— А не имеешь ли ты, Вера, каких-либо сведений о Владимире Селиверстове?..

— Помнишь, как мы нашли его под Ирогощей?..

— Герой был парень!..

— Где он сейчас?..

— Вы разве не знаете, ребята?.. Правда, и я узнала только недавно. Погиб Володя в сорок третьем году, выручая из беды товарища..

Николай и Андрей помолчали.

— А помните, как мы после боя ходили в разведку к Ирогоще?..

— Как же не помнить...

Шовкопляс оживился.

— Не хотели нас туда пускать после всего, что было...

— Да, начальник штаба капитан Петраков и слышать об этом не хотел.

— Он больше всего заботился тогда об окопах, ходах сообщения, об огневых точках на новом рубеже обороны, в районе Копорья и Новоселок...

— Помог нам капитан Левин... Пусть, говорит, на всякий случай сходят. Мало ли что замышляет противник!..

— А помните, как он всегда инструктировал нас, отправляя в разведку?..

— Да, как сейчас слышу его строгий наказ: самим видеть все, ничем не обнаруживать себя!..

— Кажется, мы неплохо выполнили в тот раз боевое задание...

Перебивая друг друга, мы со всеми подробностями восстановили в памяти этот эпизод. Как выдвигались к цели, ползя по высокой траве. Как достигли Ирогощи, сделав большой крюк левее деревни Заринской. Как под охраной дозоров, возглавляемых Алексеем Прохоровым и Николаем Деркачом, вновь прошли по местам недавнего боя. Как установили, что фашисты продолжают оставаться за рекой Ламохой. Как, захватив вещевые мешки и шинельные скатки, оставленные в лесу еще перед боем, решили было возвращаться, а потом, проходя по околице Ирогощи, вдруг услышали лошадиное ржание. Это насторожило нас — ведь деревня только что была пуста.

Командир немедленно выслал дополнительные дозоры, и скоро мы узнали, что в Ирогочу по лесной дороге только что вошло какое-то подразделение противника. Похоже было, что офицеры и солдаты этого подразделения не знали о грозной баталии, которая недавно здесь отгремела, или, может быть, не придавали ей значения. Они вели себя беспечно, группами и в одиночку бродили по деревне. Не было часовых. Видимо, подразделение совершило длительный марш, и гитлеровские вояки порядком устали. На самом краю деревни была затоплена баня. Солдаты тащили в нее из домов корыта и тазы.

— Помыться захотели, — сказал кто-то из курсантов. — А не намылить ли им как следует шеи?..

Командир группы поддержал эту мысль. Курсанты замаскировались возле бани, взяв ее в полукольцо и обеспечив таким образом ведение перекрестного огня.

Между тем гитлеровцы, казалось, совсем забыли, что они на войне. Трое из них, оставив оружие возле бани, таскали ведрами воду из какой-то ямы. Вечерело. Группы моющихся сменяли одна другую. Солдаты отпирывались в деревню, обмотав головы полотенцами. Возле бани стоял пьяный гвалт и хохот. Те, кто не помещался в ней, мылись прямо на улице, поливая друг друга водой.

— А, гады!.. Хотите завтра атаковать нас чистенькими... Не выйдет!.. — вполголоса говорил возглавлявший нашу разведгруппу курсант Генералов.

Наконец к бане подошла, по-видимому, последняя ватага гитлеровцев. Водоноши оставили свое занятие и сами стали готовиться к мытью. Наступил удобный момент для нападения.

В это время один из вражеских солдат вдруг двинулся в нашу сторону. Еще несколько шагов — и он обнаружил бы курсантов. Но солдат остановился под березой и, пригнув нижнюю ветку к земле, начал ее обламывать. Все мы облегченно вздохнули. Вот, оказывается, зачем он шел: березовый веник ему понадобился.

— Огня не открывать. Гранат не бросать. Подготовиться к рукопашной, — распорядился Генералов, как только гитлеровец с охапкой березовых веток вернулся в баню.

Иван Бурцев с ручным пулеметом должен был прикрыть отход группы. Он остался на месте. Возле бани все шло своим чередом. Из деревенских домов доносились звуки губных гармошек и пьяное пение.

Курсанты Зырянов, Московец, Столяр и Булдаков достали ножи. Первый удар был нанесен по гитлеровцам, мывшимся возле бани. В баню ворвались курсанты Мизинов, Авакян, Жолудев, Кузьмин и Кузнецов.

Как потом рассказывал Николай Мизинов, в парной было темновато и очень жарко. Пар и дым застилали глаза. Некоторые из фашистов пытались вырваться в предбанник. Трое оказали сопротивление курсантам. Один отбивался шайкой. Второй схватил с печки раскаленный камень, но, не успев пустить его в ход, рухнул на скользкий пол. Та же участь постигла и третьего, в ярости бросившегося на курсантов...

Мокрые и потные выбежали ребята из бани.

— Всем отходить! — последовала команда Александра Генералова.

Без потерь, не вызвав у противника, расположившегося на отдых в Ирогоще, никакой тревоги, наша группа отошла в лес.

Напряжение улеглось, когда к месту сбора прибыли курсанты Степан Московец, Николай Столяр и Николай Булдаков, следовавшие замыкающими. Да еще как были — верхом на лошадях! Дело в том, что бежать им пришлось мимо коновязи. Коновязь эта не охранялась. Курсанты отвязали трех лошадей. А наездниками они были отменными.

На позиции батальона мы возвращались ускоренным шагом, соблюдая, однако, все правила передвижения в непосредственной близости от противника. Ничто не ускользало от зорких глаз курсантов.

И вот на выходе из леса произошла та встреча с Владимиром Селиверстовым, о которой вспомнили Тимошко и Шовкопляс на станции Чоп спустя тридцать лет. Не помню, кто первый заметил в кустарнике неподвижно лежавшего человека. И как же удивились все, когда в раненом опознали курсанта Селиверстова!

Что произошло с ним?

В бою 31 августа тяжело раненный в левую ногу Володя Селиверстов отползал к месту сбора, но потерял сознание. Между тем батальон, ведя наступление, ушел далеко вперед. Курсант остался один на опушке леса. Приходя в себя, он пытался снова ползти, но продвигался всего на каких-нибудь два — три метра и терял сознание.

После боя выяснилось, что Володи Селиверстова среди погибших и раненых нет. Его ошибочно сочли отправленным в госпиталь, а он не мог дать знать о себе.

Когда мы нашли его, он был едва жив, но так крепко держал автомат, что двум курсантам еле-еле удалось разжать его руку.

Перевязывали мы Селиверстова всей группой, стараясь не причинять ему новых страданий. Потом очень бережно на плащ-палатке принесли в батальон. В полевой госпиталь Володю доставили курсанты Григорий Крейман, Петр Кардышев, Яков Оржировский, Лев Вакс и Борис Девятков.

Ничего утешительного не сказали нам в госпитале, и мы уже думали: ну все, не жилец Володя на этом свете. И все же врачи спасли его. Но лечение продолжалось около года. За весь этот срок от нашего товарища не было никаких вестей. Потом стало известно, что он отправлен на родину, где Володю считали погибшим...

Мать выходила его, и он твердо стал на ноги. Правда, одна нога была теперь немножко короче другой, и Володя слегка прихрамывал.

Он работал инструктором военкомата. Работал самоотверженно. А 10 апреля 1943 года случилось непоправимое. Один из его товарищей по работе допустил на полигоне неосторожность при обращении со взрывчаткой. Владимир Селиверстов загородил его собою от взрыва и погиб...

Там, где мы нашли его в сорок первом году, мне довелось побывать в послевоенное время. Побывала я и в Ирогоще, где наши разведчики устроили «баню» гитлеровцам.

Баня сохранилась до сих пор. Ее хозяйка, Ефросинья Степановна Комарова, хорошо помнит суровые военные дни. Помнит она, как фашисты, стоявшие в деревне, с суеверным ужасом говорили о наших разведчиках. Вплоть до снятия блокады Ленинграда деревня Ирогоща была в непосредственной близости от переднего края обороны Ораниенбаумского плацдарма.

Рассказала мне Ефросинья Степановна, как жила она под фашистским ярмом. В годы войны она потеряла дочь. Гитлеровские изверги расстреляли ее мать и сестру.

В лесочке, у реки Ламохи, есть место, которое местные жители называют Полевой Горкой. Там похоронены советские воины, погибшие в августе сорок первого года под Ирогощей.

С Полевой Горкой меня связывает событие, запомнившееся на всю жизнь. Невдалеке от этого места мы заканчивали тогда укладку в кузов автомашины послед-

него, как нам думалось, раненого. Водитель Иван Шеламов плавно тронул машину, но не успел проехать и нескольких метров, как по кабине забарабанил сидевший возле борта курсант Константин Грибченко. Шофер нажал на тормоз, а я стремглав бросилась к кузову, спрашивая на ходу: «В чем дело?»

— Кого-то тащат к нам от соседней деревни,— ответил мне Грибченко.

Оглянувшись, я увидела солдат. Они несли, как мне показалось, на простыне человека.

«Откуда пациент?» подумала я и бросилась им навстречу. Это были окровавленные, заросшие жесткой щетиной, запыхавшиеся от быстрой ходьбы немолодые уже солдаты-ополченцы.

— Пробирались мы лесом и наткнулись на висевшего на стропях вниз головой человека, застрявшего в ветвях дерева,— доложили солдаты.

— Кладите осторожно на землю, да помогите освободить его от строп,— попросила я ополченцев. Взглянув на них, добавила: — Да вы и сами-то, кажется, раненые. Молодцы, что не бросили в беде человека.

— Не о нас речь,— ответили солдаты.— Как же не помочь сынку, своих таких же на войну отправили.

Передо мной лежал молоденький, худенький подросток в летном комбинезоне и шлеме. Было похоже, что юноша только что выпущен из училища. Лицо опухшее.

Я обтерла его лицо ватным тампоном со спиртом, поднесла к носу флакон с нашатырем. Затем перебинтовала его пораненные руки и голову. Перевязала и ополченцев. Все они нуждались в госпитализации.

Курсанты Аджиаметов и Юдин уложили летчика в кузов, а я тем временем говорила водителю, чтобы он передал документы, личные вещи и летный шлем в госпиталь.

Очнувшись и поняв, что речь идет о нем, юноша тяжело раскрыл глаза и, преодолевая боль, прошептал:

— Оставь шлем себе, сестричка,— и через минуту добавил: — Мать им меня благословила. Это талисман. Не снимай и ты его до конца войны.

Машина ушла. Шлем остался у меня. Нарушая форму одежды и неоднократно претерпевая неприятности, я носила его и сняла подарок лишь в день Победы. Он до сих пор хранится у меня как дорогая реликвия войны. Не скрою, что все послевоенные годы, получая корреспонденцию, я часто подумывала: «А нет ли здесь письма от хозяина счастливого талисмана?»

Дня два после боя под Ирогощей наблюдался некоторый спад активности противника. Он позволил себе в те дни только несколько слабых наскоков на наши позиции. Впрочем, и командиры и курсанты батальона понимали, что передышка не будет долгой. Разведка сообщала, что вражеские войска приводят себя в порядок и готовятся к наступлению.

Я находилась в ту пору во второй курсантской роте. Командовал ею лейтенант Георгий Алексеевич Семин. Мы стояли у деревни Ласуны. Курсанты рыли траншеи, подготавливали к бою огневые точки. Отрабатывалось взаимодействие между взводами.

Неутомимый ротный умело направлял усилия большого воинского коллектива. Это был скромный, неразговорчивый человек со следами оспы на лице. На первый взгляд он показался мне несколько медлительным. Но надо было видеть его в бою. Под огнем наш ротный преображался. Он зорко следил за противником и безошибочно находил слабые места в его боевых порядках. Всегда энергичен и распорядителен. Как правило, он точно определял переломный момент боя и именно в это время подавал нужную команду. Подавал как-то по-своему, ровно-ровно, никогда не повышая голоса. Если это позволительно для характеристики кадрового военного, то я назвала бы его добрым, заботливым хозяином подразделения. Ныне полковник запаса Семин живет и работает в Днепропетровске.

Помнится, уже на второй день моего пребывания в роте Георгия Семина мне довелось увидеть его в бою. Вражеская пехота с двумя танками пошла в наступление на позиции взвода лейтенанта Бориса Григорьева. Сначала шла яростная перестрелка. Отделения курсантов Александра Страдымова и Дмитрия Годованика вели меткий огонь, не позволяя вражеским солдатам продвигаться вперед. Когда же одному танку и десятку пехотинцев противника удалось пересечь нашу траншею, курсант Ханькин удачно бросил бутылку с горючей смесью. Танк загорелся. Его экипаж и следовавшие за ним пехотинцы были уничтожены гранатами.

Более сильная группа врага атаковала позиции взвода лейтенанта Виктора Бородачева. На этом участке закипел штыковой бой. По сигналу ротного курсанты взвода лейтенанта Григорьева, за исключением пулеметчиков, поспешили на помощь соседям. Бросились на вы-

ручку к ним и курсанты взвода лейтенанта Василия Башкирова. Совместными усилиями противник был уничтожен. К тому времени курсанты были уже опытными воинами. Дрались они умело и с молодым задором. Что касается меня, то я ужасно переживала за них. К счастью, на этот раз погибших не было. Вместе с курсантами я перевязала раненых Петра Горбатенко, Александра Дмитриева, Ивана Шапоренко, Анатолия Морозова, Григория Матиенко, Петра Максимова и Юрия Паймаша.

Рота Семина прочно удерживала свои позиции, однако мы получили приказ перейти на новый рубеж. На полпути к нему курсанты обратили внимание на стрельбу в районе командного пункта батальона. Это показалось подозрительным. Семин тотчас двинулся с ротой к КП. И на этот раз интуиция не подвела нашего командира.

Немного приотстав (со мной были раненые), я подошла к КП позже, чем вся рота. Подошла и увидела вокруг множество трупов фашистских солдат. Курсанты что-то возбужденно обсуждали. Майор Шорин — в это трудно было поверить нам, знавшим его суровый нрав, — по-братски обнял и расцеловал лейтенанта Семина.

— Ну, Семин!.. Если бы не твоя рота, разгромили бы эти фашистские шакалы наш командный пункт...

И еще об одном незабываемом событии того дня. К концу его стало известно, что группа курсантов, возглавляемая лейтенантом Григорьевым, уходит в тыл противника. Перед ней стояла задача уничтожить тяжелую вражескую батарею.

Тьма была непроглядная. Моросил дождь. Стараясь слиться с ночью, мы осторожно двинулись в путь. Меня знобило от холода и от нервного напряжения. Вскоре нам пришлось залечь: на месте разведанного днем прохода мы наткнулись на вражеский заслон. Фашисты встретили нас сильным огнем. Пришлось отойти, унося двух убитых товарищей.

Встревоженный капитан Левин, встретивший нас на позициях батальона, внимательно выслушал Григорьева, подумал и потянулся к телефонной трубке. Произошел короткий разговор, и сразу же после него мощно заговорила наша артиллерия. Конечно же, это было неожиданностью для противника. В ту пору наши пушки стреляли редко и экономно: не хватало боеприпасов.

Мы снова отправились по заданному маршруту. Григорьев быстро вел группу туда, где рвались снаряды.

Взаимодействие с артиллеристами помогло нам благополучно миновать опасный участок пути. Лес стал редеть, и мы вышли на большую лесную поляну. На опушке справа чернела громада нашего догоравшего танка.

Чтобы избежать встречи с противником, лейтенант немедленно подал команду резко свернуть влево, в глубь леса. Курсанты двигались друг за другом. Я шла в хвосте цепочки и тоже двинулась было за всеми, но неожиданно услышала слабый стон. Вначале подумала, что мне это почудилось. Но стон повторился. Кто-то из наших лежал возле танка, взывая о помощи. Спрашивать у лейтенанта разрешения задержаться, чтобы оказать помощь раненому, было уже поздно: группа исчезла в темноте. Но и оставить беспомощного раненого я не могла.

Пройдя каких-нибудь пятьдесят — семьдесят метров, я вплотную приблизилась к танку и вскоре нашла раненого. Должно быть, это был один из членов экипажа боевой машины. Он лежал в беспмятстве. В темноте невозможно было установить, куда он ранен. Не оставляло сомнений только то, что у танкиста повреждены кости ног. Я попыталась положить его на плащ-палатку и, видимо, причинила раненому нестерпимую боль. Он снова громко застонал. Тотчас же в сторону танка полетели огненные струи трассирующих пуль.

Прижимаясь к земле и продолжая наблюдать, я сунула руку за пазуху и пришла в ужас — пистолета со мной не было. От волнения и страха меня бросило в пот. Потом я стала предполагать, где могла выронить свое оружие. Скорее всего, это произошло, когда я снимала с себя плащ-палатку. А пули летели и летели. И я, чуть не плача, ощупывала во тьме каждый сантиметр земли. Наконец злополучный пистолет снова оказался в моих руках, и это принесло мне некоторое успокоение. Осторожно приподняв голову, я увидела, что пулевые трассы вонзаются в темноту не только со стороны противника, но и со стороны леса, по которому недавно шла наша группа.

Как бы там ни было, я поволокла раненого к своим. Танкист снова застонал. Каждый метр пути под огнем давался с большим трудом. Я садилась, упиралась ногами в бугорок или кочку и рывком подтаскивала палатку с раненым к себе. Затем немножко отползала от него, и все повторялось.

Когда я услышала голос Бориса Григорьева, то, к своему удивлению, обнаружила, что сдвинуть раненого

с места больше не могу — нет сил. Бешено колотилось сердце. Я засвистела: надо было дать своим сигнал. Григорьев тоже искал меня.

Как потом выяснилось, услышав стрельбу и обнаружив, что я исчезла, лейтенант вернул группу, чтобы выручить меня. Курсантам Гнидашу и Коровину сразу же было приказано эвакуировать танкиста в тыл. Я заметила, что это приказание не вызвало у них энтузиазма, — тот и другой горели желанием идти вместе со всеми и выполнять до конца боевое задание комбата. Мы направились прежним путем туда, где, по данным разведки, находилась тяжелая батарея противника.

Что же касается раненого танкиста, то он был доставлен в медсанбат, а затем эвакуирован в госпиталь. Врачи спасли ему жизнь, но ампутировали обе ступни. Я навестила своего подопечного в медико-санитарном батальоне. То была не последняя наша встреча. В феврале 1942 года мы снова увиделись. И об этом нельзя не рассказать.

Получилось так. Я ехала с эшелонном раненых, причем со мною были мать и младший брат, страдавшие дистрофией. На станции Киров я высочила из вагона и побежала по перрону за кипятком. Неожиданно кто-то назвал мою фамилию. Однако знакомых мне людей поблизости нигде не было. Решив, что это какое-то недоразумение, я побежала дальше. Но меня догнал солдат-санитар.

— Кажется, вас узнал наш раненый. Пожалуйста, подойдите к санитарным машинам...

Я ожидала встречи с кем-либо из курсантов или командиров батальона майора Шорина. Но на носилках лежал человек, показавшийся мне незнакомым. Однако он назвал меня по имени.

— Сестра!.. Вера Царева!.. Ведь это же я, танкист, которого вы вынесли с поля боя...

По правде говоря, я и тут еще не могла ничего толком сообразить. С поля боя мне и моим помощникам-курсантам приходилось эвакуировать много танкистов.

По-видимому, раненый заметил мою растерянность.

— Вспомните, сестричка, как вы ночью меня под огнем тащили... А потом пришли курсанты... Вспомнили? А еще вы ко мне в медсанбат забегали, когда сдавали раненых... Ножки-то мои — тью-тью...

Раненый подтянул шинель, и я увидела его забинтованные культи. Теперь-то уж мне все вспомнилось. Я пристально взгляделась в бледное лицо раненого.

— Повезло нам с вами, сестра, в тот раз... Очень просто могли попасть в лапы фашистов... Если бы не вы... Спасибо вам...

Танкист помолчал, вздохнул и, видимо, решив переменить тему, поинтересовался:

— Куда путь держите?..

Я рассказала об эшелоне с ранеными, о матери и о брате, которым грозила голодная смерть. У меня была надежда пристроить их где-нибудь в тылу страны. Мой собеседник оживился:

— Оставляйтесь у нас в Кирове. У меня тут родители живут неподалеку. А?

— Спасибо. Но я не могу остаться.

— Понимаю. Вы с эшелонем. Ну, тогда оставьте мать и брата. Я расскажу всем, кто они. Гарантирую, что им здесь будет хорошо. Мы, кировчане, за добро платим добром.

Раненый говорил с какой-то почти детской убежденностью. Чувствовалось, что его слова исходят из самого сердца. Но я твердо решила, что не оставлю здесь своих родных. Инвалиду-танкисту был нужен покой. Ему необходимо было внимание близких. Один больной в семье — тяжело, а трое — это уж слишком.

Между тем мой собеседник ждал ответа. Но я не могла сказать ни слова. К моему горлу подкатил комок. Чтобы не разрыдаться и не расстроить и без того взволнованного человека, я искренне поблагодарила его за добрые чувства, поцеловала на прощанье в колючую щеку и бросилась догонять отходивший эшелон.

Это было зимой сорок второго, а тогда, в сентябрьскую ночь сорок первого года, отправив в тыл раненого танкиста, наша группа двинулась по своему маршруту. Вражескую батарею тяжелых орудий надо было уничтожить во что бы то ни стало. Опасаясь, что я вновь устрою какой-либо сюрприз, лейтенант поместил меня в середине цепочки курсантов, приказав им следить за мной «не меньше, чем за противником».

Всю дорогу я молча переживала случившееся. Когда группа дошла до цели, командир оставил меня с курсантами Пахомовым и Сидорчуком, которые должны были прикрыть огнем отход своих товарищей после уничтожения вражеской батареи.

Напряженно вглядываясь в темноту, я в какой-то момент увидела косо поднятые стволы орудий, похожие на шлагбаумы. Орудия глядели в ту сторону, откуда мы только что пришли. Меня поразили их размеры. Я поду-

мала, что их обслуживает, должно быть, много солдат. И мне стало страшно за наших ребят, ушедших туда, к батарее.

Было очень тихо, подозрительно тихо. Минуты тянулись томительно долго. Наконец три мощных взрыва раздались почти одновременно. В ушах у меня возник странный звон. «Шлагбаумы» как-то неестественно перекосились. Послышались взрывы гранат, вспыхнули языки пожара, затрещали автоматы, заметались тени людей. Внезапно выросший перед нами курсант Годованик сказал:

— Срочно оказать помощь раненым Фролкову и Страдымову... Отходить к месту сбора...

В голосе Годованика была тревога. Вскоре мы узнали, что группа потеряла в скоротечном бою на позициях батареи трех курсантов: Павла Савельевича Семенова, Алексея Андреевича Хоценкова, Михаила Ивановича Павлова.

Боевое задание было выполнено. Но возвращались мы в батальон невесело. Убедившись, что противник нас не преследует, Григорьев остановил группу. Мы принялись рыть могилу. Было это в лесу, недалеко от деревни Ласуны.

«БЕРЕГИ НАШЕ ДЕЛО, СЫНОК...»

После разгрома вражеской батареи мы догнали свой батальон уже возле деревни Петровицы. Наше возвращение было весьма кстати. Рота лейтенанта Семина отбила две атаки противника и готовилась к отражению третьей.

Фашисты любой ценой стремились прорваться к Петергофу. В тот день нас бомбила вражеская авиация. К счастью, прямых попаданий в окопы не было. Но безнаказанные налеты фашистских самолетов вызывали нервное напряжение, от которого не так просто было освободиться. На позициях роты рвались снаряды и мины.

Враг нагнул. Шесть его танков выползли непосредственно перед позициями 1-й и 3-й рот. Выползли и остановились, даже не маневрируя. Расчеты двух наших противотанковых пушек воспользовались этим. Неожиданно для врага они выпустили по нему несколько снарядов. Два танка загорелись. Остальные, открыв огонь, стали отползать. При этом им удалось все же уничтожить одну из наших пушек.

Рота лейтенанта Семина занимала позиции на левом фланге батальона. Окопы тянулись вдоль опушки леса. Вскоре перед нашими соседями противник стал накапливаться для атаки. Но как только вражеские солдаты поднялись в рост и двинулись вперед, курсанты второй роты услышали громкий голос начальника штаба батальона капитана Петракова:

— По наступающему противнику... Огонь!

Затрещали винтовочные выстрелы. Заговорили пулеметы. Перекрестный огонь охладил пыл гитлеровцев. Этого момента и ждал внимательно следивший за противником лейтенант Семин. Обстановка была сложная, но команда ротного прозвучала, как всегда, спокойно и деловито:

— В атаку, за мной!

Он первым выскочил из окопа. Курсанты дружно рванулись за своим командиром и, обгоняя его, обрушились на врага.

А через некоторое время перед нашими окопами снова появились немецкие танки. И вот тут-то и разыгрались события, о которых и теперь, через несколько десятилетий, нельзя вспоминать без волнения.

Единственная наша противотанковая пушка, как-то странно подпрыгивая, послала в приближавшиеся танки несколько снарядов. К великой нашей радости, с одного из танков — он шел первым — взрывом снесло башню. Остальные машины, как по команде, обрушили свой огонь на пушку. Она сделала еще два-три выстрела, умолкла и беспомощно осела набок.

Между тем головной танк был уже метрах в ста от наших позиций. Медленно поворачивая башню туда и сюда, он явно выцеливал пулеметные точки и посылал в них снаряд за снарядом. Курсанты стреляли по его смотровым щелям, что, по-видимому, снижало эффективность огня танковой пушки. Но это была полумера. Этого было мало. Положение наше с каждой минутой становилось все более трудным.

И вдруг мы увидели курсанта, выпрыгнувшего из траншеи с явным намерением приблизиться к танку. Курсант был невысокого роста, коренастый. Голова его была забинтована. Все сразу узнали в нем Александра Остапенко. Он пробежал немного, камнем упал на землю, а через какие-то доли секунды танковый пулемет прошел его след короткой очередью. Вражеские танкисты, видимо, поняли, что курсант находится в так называемой мертвой зоне. Двигатель машины взревел,

она немного попятилась. На это ушли секунды. А Остапенко был уже поблизости от нее, на расстоянии броска гранаты.

«Давай же, давай, Саша!.. Быстрее!..» — мысленно твердила я, следя за каждым его движением. Когда же он наконец швырнул связку гранат, я зажмурила глаза. Раздался мощный взрыв. Я приподнялась над окопом. Ненавистный фашистский танк встал. А невдалеке от него, уткнувшись лицом в землю, лежал Остапенко. Несколькими курсантов стремглаз бросились к нему. Но он, ко всеобщей радости, вскочил, подхватил с земли винтовку и двумя ловкими ударами штыка отправил на тот свет двух выскочивших из машины танкистов. Третий успел в упор выстрелить в Остапенко. О том, что Саша был при этом ранен в левую руку, мы узнали позже. А в тот момент он казался нам прямо-таки неуязвимым. Не желая оставаться в долгу перед третьим вражеским танкистом, Остапенко и с ним разделался ударом штыка.

В тот момент раздался предостерегающий возглас лейтенанта Семина:

— Танки слезал..

Возле Остапенко разорвалась немецкая мина. Он упал. «Ну, все», — подумала я с ужасом. Но Александр снова вскочил, выхватил у кого-то из своих товарищей новую связку гранат. Короткий рывок, взмах руки, взрыв — и еще одним вражеским танком стало меньше. На этот раз Остапенко распластался на земле и лежал недвижимо. На его лице бисеринками сверкал пот. Подбежав к нему, я поняла, что он потерял сознание. Во время перевязки я насчитала на его теле четырнадцать ран.

Несколько позже, в минуты передышки между боями, во всех подразделениях батальона только и разговоров было, что о Саше и о его храбрости. Кто-то вспомнил, что отец его, Иван Семенович Остапенко, во время гражданской войны партизанил в сибирских лесах. Кто-то со слов самого Саши рассказал, как напутствовал его отец, провожая в пограничные войска: «Береги наше дело, сынок. Оно досталось нам дорого...»

За свой боевой подвиг курсант Александр Иванович Остапенко был награжден орденом Красного Знамени. Но это было позже. А в тот день, когда батальон отбивал танковые атаки противника, мы отправили Сашу в госпиталь. Отправили, горячо надеясь на его выздоровление. И он оказался живучим, этот коренной сибиряк.

Он снова стал в строй, правда, уже в тылу страны, на хозяйственном фронте.

Бой, в котором отличился курсант Остапенко, изобилует потрясающими героическими эпизодами. Когда фашистский танк проутюжил наш станковый пулемет, трудно было ожидать, что кто-либо из расчета остался в живых. Но из земли, засыпавшей окоп, выбрался курсант Малевич. Контуженный и раненный, он поднялся в рост и, сжав в руках винтовку, вместе с ротой пошел в атаку. Несколько солдат противника поверг отважный курсант в рукопашных поединках. Еще одно ранение, на этот раз пулевое, не остановило Малевича. Он продолжал разить врага. Гитлеровец, преградивший ему дорогу, был немедленно пронзен штыком. Малевич упал вместе с ним. Пуля ударила в самое сердце...

Все командиры и курсанты батальона сражались героически, самоотверженно. Армейские газеты тех дней пестрели сообщениями о действиях курсантов-пограничников. В корреспонденции «Доблестный сын народа» рассказывалось, что дважды раненный курсант Архипов продолжал драться с фашистами и наотрез отказался отправиться в госпиталь. Недавно я разыскала Алексея Васильевича Архипова. Он живет и работает в поселке Максатиха Калининской области.

Перед моими глазами заметка, опубликованная в начальную пору войны. В ней рассказывается о курсанте Федоре Шматове. Он был контужен. Взрывная волна отбросила его от окопа. Шматов потерял сознание. Придя в себя, он прежде всего нашел свою винтовку. Штык на ней был согнут. Шматов сорвал его и снова пошел в бой, разя врага пулей и прикладом. Получив новое ранение, он, как и курсант Архипов, отказался уйти в тыл и остался в подразделении до конца боя.

Газета «На страже Родины» от 17 октября 1941 года, отмечая подвиги ворошиловцев, писала: «Храбро бился с врагом курсант коммунист Владимир Аванесов. Немецкий офицер из окопа крикнул ему: «Сдавайся!..» Аванесов не дал фашисту договорить, уничтожил его на месте...»

Автор корреспонденции «Атака была отбита» рассказывает об отваге и боевом умении пулеметчика Ямшанова, курсантов Шабельникова, Князева и их командира лейтенанта Иосифа Чередникова. А я помню, как несколько часов спустя после описываемых в корреспонденции событий курсанты Андрейченко и Ямшанов гранатами подбили два фашистских танка. Подбили, но

не добили. Вражеские танкисты превратили свои машины в неподвижные огневые точки и открыли яростный огонь по нашим позициям. Вооружившись бутылками с горючей смесью, Ямшанов по кустарнику снова подобрался к танкам на расстояние броска. Ему удалось поджечь один из них. Второй стоял несколько дальше. Курсант попытался обойти стороной горевшую машину, но тотчас попал под обстрел. Выполнить задачу можно было действуя решительно и быстро. Ямшанов приподнялся и рванулся вперед.

Бутылка с горючкой разбилась на броне второго танка, и его охватило пламя. Товарищи бросились к Ямшанову, упавшему на землю. Они вынесли его из-под огня. Но курсант был уже мертв. Я нашла на его теле несколько сквозных пулевых ранений. Каска была пробита осколком снаряда. Из нее текла кровь...

Ямшанова у пулемета заменил курсант Набок. Он и Андрейченко тотчас же открыли ответный огонь по атакующим гитлеровцам и заставили их откатиться назад. Вражеский снаряд разорвался рядом с пулеметчиками. Оба они были ранены и потеряли сознание. Через некоторое время мы отправили их в тыл. Но, придя в себя, Набок и Андрейченко наотрез отказались от госпитализации и, что называется, полуживые вернулись в свое училище, размещавшееся к тому времени уже не в Петергофе, а в Ленинграде. Тот и другой закончили училище и продолжали службу в действующих частях. Набок Иван Ермолаевич погиб в боях. Андрейченко Николай Прокофьевич жил и работал в городе Харькове. В 1975 году он умер.

Среди документов, сохранившихся со времени войны и переданных мне бывшими курсантами нашего батальона и их близкими, лежат несколько листков, вырванных из полевой командирской книжки. На этих пожелтевших листках написано письмо, датированное 5 сентября 1941 года. Привожу его здесь полностью.

«Привет с фронта. Здравствуйте, Анна Степановна! В первых строках своего маленького письма мы, бойцы действующей Красной Армии, передаем вам свой привет и самые наилучшие пожелания.

Дорогая Анна Степановна! Ваш сын Андрей был нашим боевым товарищем и командиром. Он хладнокровно водил нас в бой. Он был одним из любимейших наших командиров. Вражеская пуля остановила биение сердца Вашего сына Андрея. Это случилось четвертого сентября 1941 года, в двенадцать часов дня, когда он

вел нас в атаку. Андрей был смертельно ранен в грудь. Не прошло и тридцати минут, как сердце Андрея остановилось.

За Вашего мужественного Андрея мы положили немало фашистов.

Ваш сын погиб геройски при обороне колыбели революции — города Ленина. Память об Андрее мы сохраним в наших сердцах на всю жизнь.

Анна Степановна! Спасибо Вам за воспитание сына Андрея, водившего нас много раз в атаку на врага за честь, за свободу Родины, за Вас, Анна Степановна. Целуем крепко ваши материнские руки. Боевые друзья Андрея — курсанты: Чернявский, Румянцев, Горшков, Ершов, Решетило, Бураканов, Новохижный, Макаров, Дудин, Маламуж, Говоров, Гавриленко, Мироненко и командир взвода лейтенант Бородачев».

Нет необходимости комментировать это письмо, посланное матери Андрея Ященко с поля боя. Скажу только, что написано оно было под пулями и что почти все его авторы — кто раньше, кто позже — героически пали, сражаясь за Родину.

ПРИВАЛЫ, БОИ, ПОХОДЫ

Фашисты решили больше не атаковать батальон курсантов, а обойти его.

Нашим разведчикам Калуцкому, Крутиеву, Дудину и Жеребченко удалось установить, что вражеские части продвигаются левее батальонных позиций, через деревню Заозерье, на Глобицы. Гитлеровцы обходили нас и справа. Предполагалось, что в районе Глобиц противник попытается выйти на Петергофское шоссе. Такое мнение было высказано в штабе дивизии, в подчинении которого находился наш батальон. Связь между этим штабом и нашим командованием поддерживал в те дни старший лейтенант Федор Петрович Харин.

В сущности, батальон оказался в мешке. Но это никого из нас не напугало. Была лишь досада — враг рвался к Ленинграду, а мы пребывали в бездействии. Когда поступил приказ отойти назад, обогнуть противника и снова преградить ему путь на Петергоф, подразделения немедленно снялись со своих позиций. Предстоял марш-бросок по лесным дорогам. Как всегда, вперед ушло боевое охранение. В него были включены наши лучшие стрелки, специалисты по истреблению «куку-

шек» курсанты Небритов, Дудин, Сельницын, Коровин, Задорожный, Перфильев, Куценко, Гусев, Патрушев, Гауриленко, Карелин, Еремин и Семенихин.

Сказать, что переход был трудным, значило бы сказать очень мало. С нами были тяжелораненые. Только перед самым выходом в путь их стало больше на шестнадцать человек. Нельзя было не учитывать того, что на марше в любую минуту мог завязаться бой. Ведь противник шел параллельно с нами: он шел по шоссе, а мы по лесу.

В любую минуту готовые принять бой, курсанты несли раненых товарищей на импровизированных носилках. Несли бережно, хотя в чаще невозможно было не спотыкаться о кочки и корни. Весь личный состав батальона был разбит на тройки. Курсанты взаимно обеспечивали безопасность друг друга. Каждый в случае ранения соседа был обязан принять меры для спасения и эвакуации пострадавшего.

Тяжело было на этом марше Абраму Давыдовичу Найвельту: навьюченный медицинским имуществом, он перебегал от носилок к носилкам, ободряя раненых, оказывая им срочную помощь. Пятиминутные привалы проводились не часто, по строгому расписанию. Курсанты шли быстро и бесшумно. Противник не беспокоил нас. Дойдя до дороги Заозерье — Глобицы, мы настигли авангард двигавшихся по шоссе подразделений противника. Наше боевое охранение завязало перестрелку с вражескими автоматчиками. Перестрелка была недолгой, но противник приостановился. Воспользовавшись паузой, мы пересекли дорогу и скрылись в лесу.

Как позднее стало известно, противник у дороги Заозерье — Глобицы не понял, что имеет дело с курсантами, и последующая встреча с нашим батальоном в районе деревни Новой явилась для него полной неожиданностью.

Сколько километров прошли мы в тот день, не знаю. Мне наш путь показался стокилометровым. Были до крайности утомлены носильщики. У многих раненых начался бред. Большинство из них температурило. Все просило пить и страшно сердились на то, что Найвельт запрещал давать им воду из ручьев и болот.

Великой радостью была для нас встреча с разведчиками 2-й дивизии народного ополчения. Командовал ею знакомый нам по боям под Ирогощей генерал Лябовцев. Майор Шорин привел батальон к деревне Долгая Нива, где размещался штаб дивизии. Настроение кур-

сантов, в том числе и раненых, заметно поднялось: как ни труден был марш, но он подошел к концу.

Неподалеку от Долгой Нивы мы остановились. Поступила команда привести себя в порядок. В деревню батальон вступил подчеркнуто четким строем. Санитарный «обоз» тоже приободрился. Пришли мы, видимо, вовремя. Буквально через десять минут курсанты бегом направились на новый рубеж обороны на Петергофском шоссе. Не успели они по-настоящему оборудовать позиции, как закипел бой. Батальон атаквали те самые вражеские подразделения, которые, встретив наше упорное сопротивление под Петровицами, обошли нас с флангов.

Появление курсантского батальона у деревни Долгая Нива привело противника в замешательство. Один из пленных, фельдфебель, на допросе несколько раз повторял одно и то же:

— Мы никак не ожидали, что юнкера могут встретить нас в Долгой Ниве. Я сам участвовал в атаке на юнкеров под Петровицами и точно знаю, что они остались там в окружении.

Помнится, показания пленного фельдфебеля тотчас облетели наши подразделения. Много было по этому поводу веселых острот.

Врагу пришлось потоптаться у Долгой Нивы. И здесь батальон курсантов нанес ему ощутимые потери.

Найвельту и мне предстояло устроить раненых. Дело это оказалось не простым. В Долгой Ниве располагался только командный пункт дивизии, а ее части находились на марше в районе хутора Беляево. Медсанбат также переместился. Надо отдать должное командованию: госпитализация наших раненых прошла организованно. Примерно в час ночи мы с Найвельтом эвакуировали последнего раненого и возвратились в свой батальон. В то же время из штаба дивизии поступил приказ о передаче позиций батальона другим подразделениям. Майор Шюрин получал очередное боевое задание.

Только на новых позициях мы в полной мере почувствовали, как устали. После запоздалого, но по военному времени сытного обеда — наш бравый повар Павел Федорович Волков на этот раз превзошел себя — курсанты мгновенно заснули. Под соснами раздавался дружный храп. Было два часа ночи. Найвельт разрешил отдохнуть и мне. Уговаривать меня не надо было. Я сразу уснула крепко.

Батальон поднялся рано. А какой-то шутник кричал: «Проспали ужин!» Павел Федорович приглашал роты

завтракать. Новые позиции всем понравились. Они тянулись вдоль Петергофского шоссе. За спиной у нас был густой лес. Вскоре гитлеровцы попытались прорваться и углубиться в него. Произошло это около полудня. Командир батальона вызвал к себе лейтенанта Виктора Бородачева и спокойно, словно речь шла о поправке огорода, сказал:

— Лейтенант, слышишь автоматную стрельбу? Приказываю вам и вашим подчиненным выгнать фашистов из леса.

Часа через два лейтенант Бородачев подошел к комбату и так же спокойно доложил ему:

— Товарищ майор, ваш приказ выполнен.

Шорин улыбнулся:

— Молодец, лейтенант, благодарю за службу!

Части нашей армии, активно обороняясь, продолжали медленно отходить на Петергоф. Отошла и вторая дивизия народного ополчения. Мы получили задачу оборонять участок в районе деревни Новой. Правее нас, опираясь на Гостилицкие высоты, стоял 1066-й стрелковый полк 281-й дивизии.

Кому доводилось бывать в тех краях, тот знает, что Гостилицкие высоты господствуют над окружающей местностью. Здесь находится узел основных дорог этого района. Деревня Гостилицы и ее окрестности были буквально наводнены войсками. 1066-му стрелковому полку и нашему батальону предстояло обеспечить хотя бы небольшую передышку для этих войск.

КРЕПЧЕ БРОНИ

Под грозный аккомпанемент приближавшейся артиллерийской канонады курсанты поспешно окапывались. Развилку дорог Черемыкино — Ораниенбаум, Черемыкино — Гостилицы минировали Николай Яковлев, Дмитрий Вахрушев, Виктор Покровский, Александр Сладков, Григорий Колесников, Николай Чернышов, Семен Мионов, Иван Коломиец. Командовал группой Павел Сизов. Ребята по-хозяйски укладывали деревянные ящики со взрывчаткой и тщательно маскировали их небольшим слоем грунта под фон дорожного полотна.

Минирование не было еще полностью закончено, когда появился вражеский танк.

— Всем отойти в лес! — скомандовал Сизов.

Курсанты, захватив взрывчатку, бегом покинули раз-

вилку. Танк сбавил скорость и остановился метрах в ста от заминированного участка дороги.

— Экипаж, должно быть, заметил, как мы там ковырялись...

Едва Сизов произнес это, как по опушке леса хлестанула пулеметная очередь, а за ней другая. Из верхнего люка танка высунулась грузная фигура гитлеровца.

— Не стрелять! — предупредил курсантов Сизов.— Наверняка сейчас полезут искать мины. Яковлеву и Покровскому подготовить бутылки с горючкой. Всем следить за противником.

Танкисты выбрались из машины. Некоторое время они осматривали дорогу из-за машины, потом в открытую пошли к развилке.

— Яковлев и Покровский, зажечь танк! — подал команду Сизов.

Видимо, все внимание вражеского танкиста, оставшегося в машине, было сосредоточено на тех, кто обследовал дорогу. Наши ребята незамеченными подобрались к танку сзади. Две бутылки с горючей смесью, брошенные почти одновременно, разбились о броню. По ней потекли сине-зеленые ручейки пламени.

— Огонь по экипажу! — скомандовал Сизов.

Затрещали винтовочные выстрелы. Горящий танк попытался развернуться на месте и уйти обратно в Черемыкино, но двигатель его заглох. Внутри машины бушевал пожар.

Группа Павла Сизова присоединилась к своей роте, когда курсанты уже заканчивали оборудование позиций. Именно в тот момент произошло новое неожиданное событие.

— Товарищ майор! — взволнованно обратился к комбату курсант Александр Салобаев.— Из-за леса по дороге движется отряд мотоциклистов в зеленых фуражках. Двадцать — двадцать пять машин.

Шорин нахмурился:

— Что там еще за зеленые фуражки? Предупредите роты. Пусть усилят наблюдение. Докладывать мне непременно...

— Что бы это значило, Василий Михайлович? — тут же обратился комбат к комиссару Образцову.— Что там за пограничники, да еще на мотоциклах? Не ошибка ли это? Салобаев,— снова позвал он командира отделения управления.— Передайте старшему лейтенанту Бурносу: подготовить станковые пулеметы. Стрелять по моей команде. Доложите, что видите.

— Едут, товарищ майор. Точно, в зеленых фуражках и в плащ-палатках. Минут через пять будут здесь.

— Передайте Бурносу — пусть не зевает!

Не успел комбат закончить разговор с Салобаевым, как застрочили вражеские автоматы и, заглушая их, деловито заговорили наши «максимы».

В конце концов все прояснилось. Это была очередная провокация гитлеровцев. Они раздобыли где-то зеленые фуражки и решили воспользоваться ими, чтобы обмануть нас. Но попытка противника замаскироваться, поставить нас в тупик и, выиграв время, ворваться в Гостилицы не удалась. На окраине деревни пулеметы курсантов в считанные минуты уложили более половины непрошенных гостей. Однако десятка полтора вражеских автоматчиков все же прорвались к штабу.

Я видела, как ловко отстреливался комбат Шорин. Он перебегал от укрытия к укрытию и бил по врагу короткими очередями. Так же хладнокровно вел огонь комиссар Образцов. Он лежал за деревянной колодой и, как на стрельбище, тщательно прицеливался, прежде чем выстрелить.

Отлично действовал в бою начальник связи батальона старший лейтенант Петр Ильич Акуленко. Связь с ротами ни на минуту не прерывалась. К тому же Акуленко метко стрелял по гитлеровцам.

— Если бы не ты,— говорил ему позже Шорин,— досталось бы нам от противника. До самой смерти буду помнить, как опередил ты фашиста, который взял меня на мушку.

Едва завершилась эта стычка с автоматчиками противника, как с наблюдательного пункта снова донесся голос Салобаева:

— Товарищ майор, вижу танки и колонну автомашин с пехотой.

Шорин нахмурился. Он приказал наблюдателям дать точные сведения о численности противника. Получив необходимые данные, комбат повернулся к Образцову:

— Что будем делать, комиссар? Для борьбы с танками и большими силами пехоты позиции у нас неподходящие.

— Думаю, что ты прав, Николай Александрович. Сил у нас маловато. Придется отойти в лес. Там хозяевами положения будем мы.

— Верная мысль,— сказал Шорин, подумав.— Решено, отводим батальон к лесу, а здесь оставим роту Бурноса. Стемнеет — она тоже к нам отойдет.

Командир отдал необходимые распоряжения начальнику штаба капитану Петракову. Между тем танки противника подходили все ближе. Грузовики с пехотой остались далеко позади.

Не берусь анализировать ход боя, который уже вскоре гремел всюю. Расскажу лишь о некоторых эпизодах, о том, что мне довелось видеть самой. Отважно действовали курсанты Александр Борисенко, Иван Дремов и Василий Мونهاин. Они метко били по фашистам из пулемета. Когда вражеские танки приблизились к их позициям, Борисенко направил Мونهاина с донесением к командиру. Между тем Дремов, вооружась гранатами, попытался ударить по танкам противника.

— Саша, поддержи огоньком! — крикнул он, выкатываясь за бруствер. Борисенко припал к пулемету. Начало стрельбы совпало с началом вражеского огневого налета. Стук пулемета потонул в гуле разрывов мин. Иван Дремов был ранен в грудь сразу несколькими осколками. Александр бросился к товарищу, но тоже был ранен в левый бок и руку пулей навывлет и некоторое время лежал в состоянии шока. Придя в себя и видя, что Дремов мертв, Борисенко пытался возвратиться к пулемету. Но силы покинули его. Едва живого подобрал Александра Борисенко санитар Белоусов.

Минометный налет через некоторое время прекратился. А танки все еще продолжали маневрировать перед нашими позициями.

Неожиданно через бруствер окопа перемахнул еще один курсант. Он действовал молниеносно. Под первый, а затем и под второй танк полетели связки гранат. Раздались оглушительные взрывы, в небо взметнулись столбы огня и дыма. Послышались лязг и скрежет железа. Два дымных факела возникли перед нашими позициями. Парень как ни в чем не бывало возвратился в траншею.

В курсанте, бросившемся с гранатами к фашистским танкам, я узнала Женю Гагарина.

За сутки до этого Женя получил сильную контузию. Он еле держался на ногах. Из ушей его сочилась кровь. По совету Найвельта я дала Жене выпить спирта. Он тут же уснул. Я села рядом и долго смотрела на него. Он вздрагивал, тяжело стонал. Осмелев, я легонько погладила Женины волосы и — теперь в этом можно признаться — тайком поцеловала его. Он не проснулся, и я тихо заплакала. Я плакала, проклиная войну и фашистов, помешавших нашему счастью. Я плакала и вспоминала,

как Женя Гагарин прибыл в училище, какие фигуры выделял он на спортивных снарядах, как интересно рассказывал о Москве, о своей семье, о Смоленщине, где боролись за Советскую власть его родители, старые большевики. Вспоминала рассказы Жени о Дальнем Востоке, где он охранял границу, о Московском энергетическом институте, студентом которого он был до призыва в армию. А еще вспоминала наши бои на Кингисеппском шоссе, особенно возле Волгова, Ирогочи и Петровиц, где взвод курсанта Евгения Гагарина выполнял наиболее трудные задания командира.

В ту ночь в землянке Женя был беспомощным, как ребенок. Мне казалось, что ему необходимо мое присутствие, и я просидела у его изголовья до утра. Прежде чем он проснулся, я успела обежать все роты и снова вернулась в землянку. До чего же было радостно убедиться, что Женя чувствует себя сносно. Легонько чмокнув меня в щеку и смутившись, он поспешил к себе во взвод.

Как же мне было не узнать его в те мгновения, когда он вышел из траншеи навстречу вражеским танкам! И как же мне было не переживать за него! Едва оправившись от контузии, Женя бросился в самое пекло...

В тот день гитлеровцы много раз атаковали наши позиции. Не умолкая били их орудия и минометы. В окопе курсантов Василия Майдикова, Петра Буканя, Александра Панкова и Павла Теплых разорвался снаряд. Буканя выбросило волной за бруствер. Теплых погиб. Панков потерял слух. Майдигов получил сильнейшую контузию. Он терял равновесие, падал и все же добрался до пулемета, схватился за рукоятки, нажал на гашетку. «Максим» снова заговорил. Панков непослушными руками снаряжал пулеметные ленты. Через минуту-другую в окоп ввалился Петр Букань. Его мутило. На чем свет стоит ругая фашистов, он придвинулся к Василию Майдикову, заняв место второго номера. Расчет продолжал вести огневой бой.

Не раз и не два меченный пулями и осколками, курсант Генералов выполнял роль связного. Он метался от штаба к ротам, иногда помогал мне оттащить в укрытие тяжелораненых.

Стремясь во что бы то ни стало взять Гостилицы, враг непрерывно атаковал нас. Был момент, когда курсанты роты Бурноса, взяв винтовки наперевес, пошли врукопашную. Фашисты не приняли штыкового боя. Они побежали. Видя, что рота Бурноса чересчур увлеклась,

преследуя противника, и что ей грозит беда, Шорин приказал вернуть ее.

Впрочем, и нашему командиру, и всем нам было ясно, что батальон не сможет долго сдерживать натиск более многочисленных и технически лучше оснащенных вражеских подразделений. Вскоре противник снова открыл ураганный огонь. Потом на шоссе появились вражеские танки и пехота.

Курсанты приготовились к отражению этой новой атаки. Но случилась беда: бойцы соседнего с нами стрелкового подразделения, понесшего большие потери, стали отходить. Причем они шли через наши позиции, и вражеские автоматчики висели на плечах у отступавших. Ко всему тому среди курсантов, находившихся на стыке с соседом, распространился слух о якобы полученном приказе на отход. Правда, недоразумение вскоре выяснилось, и замешательство, охватившее кое-кого из наших людей, прошло.

Врагу удалось вклиниться в нашу оборону. Но надо отдать должное распорядительности командира и работников штаба. Они направили на помощь стрелкам всех, кто был в состоянии держать оружие, в том числе и меня. Сам комбат, вооружившись ручным пулеметом, яростно бил по врагу. Когда был получен приказ отойти, начальник штаба капитан Петраков, его помощники капитан Левин и старший лейтенант Акуленко, курсанты Вадим Авакян, Григорий Назаренко, Иван Айдаров, Дмитрий Медведев, Федор Батьков, Иван Бураков, Иван и Николай Марченко, Анатолий и Дмитрий Морозовы прикрыли огнем подразделения, направлявшиеся на новый рубеж.

Многих командиров и курсантов потерял батальон в том бою, и среди них Евгения Алексеевича Гагарина, Женю...

Доныне глядит он на Гостилицы с фотографии, укрепленной на скромном памятнике. Глядит улыбающийся, веселый. Мемориальная надпись на обелиске гласит: «Евгений Алексеевич Гагарин родился 17 декабря 1921 года, погиб, защищая город Ленина... 07 сентября 1941 года».

Кроме фото, сохранился живой голос Жени, записанный на магнитофонную ленту в последние минуты его пребывания в Москве, перед уходом на фронт. Всего несколько слов:

— Мне было много дано, и теперь я оправдаю — даю вам честное слово коммуниста — доверие партии.

Я не подведу вас, старых большевиков, я не подведу нашей Родины!..

ОСТАЛИСЬ НА СЕРДЦЕ ОТМЕТИНЫ

Многие ветераны Ленинградского фронта хорошо помнят деревню Порожки. Деревня эта после нашего ухода из Гостилиц неожиданно стала ключом к Ораниенбауму. На подступах к Порожкам было перемолото немало живой силы и техники врага. И многие наши бойцы пали здесь смертью героев, защищая родную землю.

Расположенные на дороге из Гостилиц в Петергоф, Порожки были удобны для обороны. Скрытно подойти к ним было невозможно: со всех сторон деревня просматривалась. Ленинградцы вырыли под Порожками траншеи и глубокий противотанковый ров. Это был заранее подготовленный рубеж обороны.

Но первоначальные расчеты, к сожалению, не оправдались. Наши отступавшие от Гостилиц стрелковые подразделения не сумели зацепиться за Порожки. Деревню захватил вражеский пехотный полк, усиленный артиллерией и минометами. Сразу же здесь стали накапливаться силы противника, явно нацелившегося на Ораниенбаум.

В то время наш курсантский батальон находился в резерве 281-й стрелковой дивизии и стоял в районе деревни Большие Илики. Отдых был недолгим. Вскоре курсанты и стрелки получили приказ выбить врага из Порожков.

Шестнадцатикилометровый бросок по болотистому лесу батальон совершил ночью. На рассвете мы увидели притихшие Порожки. Выбрав направление для удара, комбат приказал подразделениям выдвинуться в небольшую рощу, почти вплотную прилегавшую к деревне. Рота лейтенанта Семина (она была головной) сумела не замеченной противником пересечь поляну и втянуться в рощу. Следующая, 3-я рота зацепилась за опушку. Еще несколько минут, и батальон в полном составе был бы готов к атаке. Но тишину неожиданно разорвал треск автоматных очередей. Курсанты прижались к земле, замерли. Стрельба не прекращалась. Пули продолжали лететь в сторону батальона.

И тут произошло такое, о чем невозможно вспомнить без волнения и без улыбки.

Получилось так, что майор Шорин оказался поблизости от обстрелявших нас четырех вражеских автоматчиков. Уловив момент, он приподнял голову и увидел их среди кустов изняка. Увидел и, разумеется, решил разделиться с ними. Но трава мешала целиться.

Тогда майор поднялся в рост и в упор стал бить по фашистам из автомата. Те перенесли огонь на него, но, как бывает в таких случаях, стреляли неточно. Позже нам удалось установить, что одна из пуль рассекла шнурок плащ-палатки и задела воротник гимнастерки комбата, вторая продырявила гимнастерку. Две пули прошли плащ-палатку. Нервы у нашего командира оказались крепче, чем у фашистских автоматчиков. В этой необычной дуэли победил он. Больше того, у него хватило самообладания и чувства юмора, чтобы тут же пошутить с курсантами:

— Разлеглись тут, понимаешь... Я, что ли, за вас стрелять обязан?..

— Повезло вам, товарищ майор! — говорили курсанты.

Выдержанный и рассудительный комиссар батальона Василий Михайлович Образцов на этот раз сердито выговаривал комбату:

— Кому нужна такая храбрость? Ведь тебя могли убить. Должны были убить. А почему не убили, не знаю...

Как бы там ни было, враг обнаружил нас и открыл по роще минометный огонь. Рассчитывать на внезапность атаки уже не приходилось. Роты снова стали втягиваться в лесную чащу, ожидая подхода бойцов стрелковой дивизии.

Под огнем батальон понес потери. Помнится, на опушке леса я увидела на земле курсанта. Он лежал, зажав в руках автомат и крепко зажмурив глаза. Можно было подумать, что человек прилег отдохнуть. Но я увидела возле него кровь. Курсант был ранен в обе ноги. Он оставался в болезненном забытьи, пока я оттаскивала его поглубже в лес и делала перевязку. Потом раненый очнулся и назвал себя:

— Курсант Василий Гавриков...

Много лет спустя, встретясь в Ленинграде с полковником Василием Гавриковым, мы со всеми подробностями вспоминали этот эпизод и бой под Порожками.

Бой был трудным. Выбить фашистов из деревни удалось только на следующий день, когда к нам подошли подразделения стрелковой дивизии. Атаковали без ар-

тиллерийской подготовки. Батареи, которые должны были нас поддержать, застряли в болоте.

Наступление началось во второй половине дня. Наш командир принял отчаянное, как нам тогда показалось, но вполне оправдавшее себя решение. По его мнению, в условиях, когда на достаточную огневую поддержку мы не можем рассчитывать, выручает солдатская сметка. Какая?

Сначала первая и вторая роты передвигались вперед по-пластунски. Нужно было максимально сблизиться с противником, не обнаруживая себя. Гитлеровцы заметили цепь курсантов, когда она была в шестидесяти — семидесяти метрах от опушки. Открыли по ней минометный огонь. Однако первые их залпы не нанесли подразделением урона: мины разорвались позади цепи.

Лейтенант Семин, понимая, что вражеские минометчики немедленно скорректируют огонь, поднял свою роту в рост. Примеру ее последовала первая рота. Курсанты быстрым шагом двигались вперед. Еще одна волна минометного огня осталась позади. Но теперь уже заговорили пулеметы, винтовки и автоматы противника. Падали убитые и раненые. Но цепь все шла и шла. Помнится, я с ужасом глядела на происходившее. Мне казалось, что курсанты идут на верную гибель. В страшном волнении я пыталась убедить в чем-то штабных командиров. Но меня никто не слушал — им было не до меня. Тогда я бросилась к комбату. Я подбежала к нему, но не посмела его потревожить. Он так пристально следил за атакой, что никого не замечал. Потом, уловив какой-то момент, Шорин непривычно тихим голосом подал команду 3-й роте:

— Встать! За мной! Вперед!

Новая цепь курсантов поднялась в рост и двинулась на позиции гитлеровцев. Враг хлестнул огнем и по ним.

Напряжение боя нарастало. И вдруг оно разрядилось. Произошло нечто удивительное: стрельба стала глхнуть! Гитлеровцы бежали. Курсанты ворвались в Порожки. Яростно и неудержимо гнали они врага. В панике покидая деревню и не в состоянии захватить с собой тяжелораненых, фашисты добивали их.

Потери в наших ротах были меньше, чем можно было ожидать. Но это были потери, болью отзывавшиеся в наших сердцах. Смертельно раненый, скончался командир первой роты лейтенант Дмитрий Григорьевич Бурнос. Погиб помощник начальника штаба лейтенант Василий Кузьмич Башкиров. Пали на поле боя курсанты Сер-

гей Жегулев, Николай Сластенников, Иван Дребеднев, Иван Нахаев, Николай Данильев, Иван Гаран, Григорий Кузнев, Михаил Горб, Иван Косенков, Василий Труфакин, Иван Манчук, Алексей Ромицын, Петр Романенко, Федор Буданов, Иван Кулик, Константин Карасев, Филипп Гречко, Владимир Власенко, Исмагил Бураканов, Александр Краснов, Виктор Чернявский, Иван Заец, Сергей Румянцев, Дмитрий Баранов, Даниил Яшманов, Иван Кубасов, Иван Ананко, Михаил Корниенко, Степан Московец, Василий Кузнецов, Алексей Прохоров, Петр Кардашев, Никита Желудев, Сергей Шиганов, Николай Булдаков, Владислав Маров, Геннадий Храмцов.

Раненых насчитывалось больше. Среди них были командиры взводов лейтенанты Виктор Александрович Логинов, Александр Христофорович Степанов и Иосиф Иванович Чередников.

Захватив Порожки, батальон не в силах был развить успех и преследовать противника. Фашисты примерно через час-полтора попытались выбить нас из деревни. После интенсивного артиллерийского обстрела они контратаковали позиции курсантов. Враг вводил в бой все новые подразделения.

Один из вражеских танков вплотную подошел к Порожкам. Первыми же выстрелами он разбил и поджег нашу автомашину с патронами и гранатами. С риском для жизни курсанты Иошин, Мостовой, Гахович, Гарцев и Михайлов пытались разгрузить ее. Им удалось снять с машины только несколько ящиков. Подобравшийся к танку командир взвода лейтенант Бородачев удачно метнул в него гранату. С танка слетела гусеница. Экипаж усилил огонь и под его прикрытием попытался отремонтировать ходовую часть. Однако прежде чем это было сделано, курсанты Григорий Назаренко и Вадим Авакян подожгли его бутылками с горючей смесью. Последний выстрел вражеские танкисты сделали уже сквозь плясавшее на броне пламя.

— Когда я увидел это пламя,— рассказывал позже Вадим Авакян,— я был вне себя от радости. Почему-то вспомнилось начало войны. Вспомнилось, как мы покидали белорусский город Осиповичи, где учились на курсах младших лейтенантов. Никогда не забыть, с какой тоской глядели на нас местные жители — старики, женщины, дети. Мы поклялись тогда бить врага смертным боем. И вот сегодня...

Подобну Вадиму Авакяну, свой счет предъявили врагу и другие курсанты.

Мне довелось увидеть в Порожках множество убитых фашистских солдат и офицеров. И я невольно думала об их матерях, сестрах, женах, детях, о всевозможных больших и малых «фюрерах» и «ляйтерах» гитлеровской Германии.

Для поддержания Порожков нужна была реальная помощь подразделений стрелковой дивизии. Шорин сразу же установил связь с ее штабом. А пока суд да дело, наши командиры сумели сформировать из бойцов, сражавшихся на подступах к Порожкам, но, как тогда говорили, потерявших управление, роту, которая насчитывала человек сто пятьдесят. Командиром ее был назначен помощник начальника штаба батальона старший лейтенант Федор Петрович Харин. Рота красноармейцев хорошо помогла державшим оборону курсантам.

Для меня тот день памятен до сих пор. Все же быть санитаркой — нелегкое дело. Невидимая отметина остается на сердце, когда падает на землю раненый. И я знаю теперь, что с годами они, эти отметины, все чаще дают знать о себе.

Многие из тех, кого я перевязывала, уверяли меня, что чувствуют себя хорошо. Никто не жаловался. Раненые держали оружие и даже вели огонь по врагу. Накануне боя за Порожки в какой-то ложбинке оказала я первую помощь Алексею Бацевичу и Роману Грязнову. У того и другого было пулевое ранение в бедро. Курсанты и слышать не хотели об эвакуации. Они остались на поле боя и вели огонь по фашистам. Но через несколько минут после перевязки Роман Грязнов был снова, на этот раз смертельно, ранен. Алексей Бацевич помог нам похоронить своего товарища. На следующий день он, прихрамывая, шел в первой цепи курсантов, атаковавших противника. На этот раз вражеская пуля сразила и Алексея.

После атаки, ползая по полю боя, я волей-неволей заглядывала в глаза всем погибшим. Надо ли говорить, как это тяжело!..

Курсанты Сергей Шиганов и Александр Петросянец были ослеплены осколками. Сергей, плотно зажав лицо руками, на наших глазах скончался, ни одним звуком не выдав своих невероятных страданий. Александр Петросянец, закрыв левой рукой и без того ничего не видящие глаза, правой нащупывал автомат, выбитый из его рук взрывом мины. Когда я подползла к нему, первой его просьбой было подать ему оружие.

— Да, я ничего не вижу. Но я могу и на слух. А гра-

ната мне на особый случай нужна,— настойчиво твердил Петросянец.

Он действительно дал несколько очередей в сторону противника. Затем силы покинули его, и раненый потерял сознание. Я перевязала Александра, и мы эвакуировали его с поля боя.

Совсем недавно, после моего выступления по Всесоюзному радио, я получила от бывшего курсанта Петросянца первую за три с лишним десятилетия весточку. Он живет в Грозном. Фронтовые ранения сделали Александра Петросянца инвалидом, но по-прежнему крепок в нем дух фронтового товарищества.

Громя фашистский гарнизон в Порожках, наш батальон потерял одного из своих любимцев — курсанта Филиппа Гречко. Филипп отважно сражался в предыдущих боях (Волгово, Большое Жабино и Ирогоща). Одним из первых бесстрашно поднялся он под свинцовым градом и здесь, на подступах к Порожкам. За боевую доблесть приказом командующего войсками Ленинградского фронта Филипп Гречко посмертно был награжден орденом Красной Звезды.

А теперь я хочу рассказать о человеке, который спас жизнь многим нашим раненым. Речь идет об Александре Павловиче Семенове, живущем ныне в Ленинграде. До того памятного нам боя я не знала его. А познакомились мы под огнем, необычно. Впрочем, надо все по порядку.

Были там, под Порожками, минуты, когда и Найвельт, и я прямо-таки приходили в отчаяние. Число раненых увеличивалось. В большинстве своем они нуждались в срочной хирургической помощи. Между тем у нас не было никаких транспортных средств. Заметив грузовую машину, мчавшуюся в сторону переднего края, я не задумываясь выбежала наперерез ей. Как позже рассказывал водитель этой машины А. П. Семенов, он спешил и вряд ли стал бы останавливаться, но его поразил мой вид. Я была перепачкана землей и кровью. Александр Павлович резко затормозил. Дверца кабины приоткрылась. Я начала сбивчиво объяснять водителю, в чем дело.

— Все ясно. Жди меня через пятнадцать минут! — крикнул он и уехал.

Должна прямо сказать, что я тогда не поверила ему. Грузовик уходил, а раненые не могли ждать. Их силы были на исходе. Я плелась по дороге, и если бы в те мгновения на ней показалась еще одна машина, у меня

хватило бы решимости открыть огонь и вынудить водителя взять на борт раненых. Но дорога была пустынной. Хотя нет! На изгибе ее, за деревьями, снова затарахтел мотор. Из-за поворота выкатился уже знакомый мне грузовик. Водитель притормозил возле меня.

— Давай своих раненых, сестренка!..

Александр Павлович расторопно помогал мне и Найвельту грузить их. Он отвез раненых в медсанбат, а потом еще не раз попутно, выполняя задания своего начальства, заезжал к нам.

— Ну, как у вас?..

— Да вот опять...

— Давайте своих подопечных...

Пусть же, читая эти строки, бывшие курсанты Савелий Бойко, Василий Болучевский, Иван Василенко, Федор Гридасов, Николай Гурин, Матвей Гранкин, Александр Захаров, Алексей Лещев, Василий Монахин, Владимир Паршин, Максим Надежкин, Семен Смирнов, Андрей Цыганенко, Иван Шмуль, Михаил Козлов, Иван Грицаев, Иван Говоров, Иван Чернядьев, Сергей Шамапов, Петр Кравченко, Василий Старостин, Петр Вовозик, Александр Рыбалка, Иван Курнин, Николай Терехов, Александр Горшенин, Владимир Николаев, М. Гариев и многие другие хотя бы с опозданием узнают имя того, кто спас им жизнь.

Надо ли говорить, сколь важно было своевременно оказать раненым врачебную помощь. Все мы, шоринцы, с искренней сердечной благодарностью вспоминаем медсанбат и полковые медицинские пункты 281-й стрелковой дивизии. Персонал их самоотверженно боролся за спасение раненых. Мы видели, в каких условиях работали врачи и сестры. Они оперировали раненых в палатках, где мерцавшая электролампочка или керосиновый фонарь в любую минуту могли погаснуть от взрыва снаряда, где по соседству с набором медицинских инструментов лежали автоматы и гранаты.

Душевно, с сердечной теплотой встречали в медсанбате раненых. Бывало, они еще на машине или в повозке, а уже слышны торопливые команды врачей о подготовке к операции или об эвакуации в тыл.

Не могу забыть, как один из врачей, не зная о том, что я слышу его, говорил кому-то:

— Опять эта пигалица рвет на бинты рубахи! Выдай-те ей еще перевязочных средств...

Нет, я не обиделась за «пигалицу». Я с радостью взяла все, что мне дали. Перевязочных материалов, как мы

ни запасались ими, хватало на короткое время, и мне волей-неволей приходилось нарушать элементарные правила первичной санобработки. И снова работники медсанбата упрекали меня. Упрекали и тут же снабжали всем необходимым.

Коль уж пошел разговор о фронтовых медицинских работниках, не могу не рассказать здесь одну волнующую историю. Произошла она в 1942 году на Волховском фронте. Майор Шорин командовал тогда стрелковым полком. А на должности врача в этом полку был Николай Геннадиевич Иванов. Он великолепно знал свое дело и вкладывал в него много душевных сил. Когда Шорин был ранен, причем тяжело, Николай Геннадиевич сделал все, чтобы спасти ему жизнь.

С войны майор Шорин пришел без руки. Сильный, волевой человек, он продолжал работать. Однако годы и тяжелое ранение брали свое. И вот настала пора, когда Николаю Александровичу пришлось лечь на операцию в Военно-медицинскую академию имени С. М. Кирова. Операция была удачной. Покидая академию, Шорин позвонил мне.

— Докладываю, что опять здоров,— сказал он в своем обычном командирском тоне.— Все в порядке. Медицина быстро поставила меня на ноги. Причем, ты знаешь, кто ею тут командует? Тот самый Иванов, который меня на Волховском фронте у смерти отвоевал. Да-да, Николай Геннадиевич, бывший полковой врач двести восемьдесят первой стрелковой дивизии, а теперь начальник академии, профессор, генерал-полковник медицинской службы. Вот какие дела. Нет, ты только подумай! Снова судьба свела меня с ним в критический момент...

Работая над этой книгой, собирая и уточняя материалы для нее, побывала я и у Николая Геннадиевича Иванова. Увидя меня, генерал улыбнулся.

— Да-да, напоминаю. Узнать вас, конечно, не просто. Но вот голос и взгляд все те же. Да и Шорин много говорил о вас. Говорил о вашей переписке, о встречах с ветеранами войны, бывшими курсантами. Очень интересно. Расскажите, пожалуйста...

Завязался взволнованный разговор. Причем обнаружилось, что Николай Геннадиевич хорошо помнит своих фронтовых коллег. Когда я спросила его о военфельдшере Шурочке, он задумался.

— Ну, как же! Шурочка, Шура Виноградова... Никогда не забуду. Храбрый и неугомонный человек. Шла в

цепи наступающих, выносила из-под огня раненых. Погибла, спасая других.

— А еще, Николай Геннадиевич, была Аня, симпатичная такая. Тоже, кажется, военфельдшер. К сожалению, забыла фамилию.

— Это вы, наверное, об Ане Малышевой. Да-да, замечательная труженица была. Работала круглые сутки. И с виду оставалась бодрой. Люди у нас были прекрасные. Никогда не забуду фельдшера Мишу Ловыгина... Вы, должно быть, тоже его знали. Герой был парень и медработник отличный. Погиб на Волховском фронте. Многие наши товарищи погибли. Но сколько жизней спасли они!.. Сколько благодаря им живет и здравствует на земле бывших фронтовиков! А их дети, их внуки!..

Помрачневший было взгляд Николая Геннадиевича снова посветлел и смягчился.

НА ЖИВУЮ ПРИМАНКУ

Вскоре нашему батальону было приказано передать участок обороны подразделениям 281-й стрелковой дивизии. Командование перебросило нас севернее Порожков. Мы должны были прикрывать дорогу на Ораниенбаум. Положение оставалось сложным. Спустя некоторое время противнику удалось потеснить наших стрелков и снова захватить Порожки.

Курсанты со своих позиций имели возможность вести по деревне винтовочный бой. И они вели его. Причем делали это расчетливо. С рассвета до темноты с нашей стороны время от времени раздавались одиночные выстрелы. Курсанты брали на мушку пренебрегавших маскировкой вражеских солдат и офицеров. Редким, как бы случайным выстрелам противник сначала не придавал значения. Но, понеся значительный урон, враг наконец-то понял, в чем дело, и обрушил на наши позиции шквал артиллерийского и минометного огня. Не обошлось без потерь. Погибли курсанты Николай Некрасов, Петр Орлов, Антип Зафаров, Пантелей Ричка, Николай Дидоренко. Курсанты Яков Григорьев, Тимофей Селиванов, Виктор Дудин, Павел Новохижний, Иван Михайлов, Григорий Гавриленко, Виктор Покровский, Федор Долгов, Александр Стесенко, Яков Химич, Иван Балагаев, Рахим Исаков, Иван Якущенко, Сергей Бабаев, Федор Томилиа были ранены.

Батальон стал поспешно зарываться в землю. Стрел-

ковые ячейки были соединены между собой. Образовались траншеи. Между ними протянулись ходы сообщения. Нам все меньше и меньше докучал артиллерийско-минометный огонь противника.

Именно в те дни наши как-то заметили, что западнее Порожков, неподалеку от опушки леса, гитлеровцы оборудовали пункт питания, замаскировав его срубленными деревьями и огромным брезентовым пологом. На протяжении суток курсанты не обстреливали его, и противник, видимо, уверовал в стопроцентную надежность своей маскировки. Но как-то в обеденное время, когда под полог полевой столовой втянулось несколько вражеских подразделений, наши пулеметчики Василий Степанов, Александр Белов, Константин Биденко, Афанасий Яковлев, Анатолий Степанов и Иван Хоменко обрушили на них внезапный огонь. Должно быть, удар был ощутимым для фашистов, потому что пункт питания они перенесли в другое место. Наши позиции противник подверг жестокому артиллерийско-минометному обстрелу. Но укрытия хорошо защищали нас от огня.

Боевые действия возле Порожков приобрели позиционный характер. Но время от времени курсанты совершали дерзкие вылазки в лагерь противника.

Одна из таких вылазок состоялась в тот день, когда противник был выбит из деревни. Позволю себе нарушить порядок повествования и возвратиться назад, к событиям, о которых шла речь в предыдущей главе.

Как уже было сказано, преследовать потерпевшего поражение противника у нас не было сил. Но отдельные группы курсантов воспользовались паникой в рядах фашистских вояк и уничтожали их на дорогах, которыми те отступали.

Особенно удачно действовала при этом группа лейтенанта Виктора Бородачева. Она настигла нескольких гитлеровцев, пытавшихся угнать автомашину, нагруженную награбленным добром — тюками шерстяных тканей. Не успев завести двигатель, фашистские мародеры драпанули.

Бородачев приказал курсантам выбросить из грузовика часть тюков, а военному шоферу Ивану Шеламову — завести двигатель. Курсанты Григорий Решетило, Григорий Гавриленко, Михаил Макаров, Иван Говоров, Василий Маламуж, Валентин Горшков, Виктор Дудин, Виктор Чернявский, Сергей Румянцев, Владимир Круглов, Валентин Калинин вместе с лейтенантом заняли место в кузове машины и укрылись за оставшимися в ней тюка-

ми. Иван Шеламов взялся за баранку руля. Машина помчалась за убежавшими в сторону Гостилиц вражескими солдатами. Увидя грузовик с фашистскими опознавательными знаками, те попытались остановить его. Сначала им было невдомек, что из-за тюков с тканями стреляют в них, а не в «юнкеров», занявших оборонительный рубеж на окраине деревни. Гитлеровцам дорого обошлась эта их ошибка. Когда же они разобрались, в чьих руках оказался грузовик, время было потеряно. Машина, пройдя сквозь толпу отступавших, ушла вперед. Фашисты открыли огонь по курсантам. Но им удалось лишь пробить задние скаты машины. Иван Шеламов через несколько минут загнал грузовик в болотце на повороте дороги. А еще через некоторое время экипаж «шерстяного броневика» был в лесу.

До крайности обозленные гитлеровцы пытались было догнать группу лейтенанта Бородачева, но пулеметная очередь, выпущенная Григорием Решетило, отправила на тот свет сразу троих преследователей. Остальные остановились и, постреливая, стали вновь выбирать дорогу. В этой перестрелке Григорий Решетило был ранен, но продолжал вести огонь из своего «дегтяря», пока не потерял сознание. Владимир Круглов, взвалив товарища на спину, отполз с ним в глубину леса. Здесь раненому была оказана первая медицинская помощь.

Лейтенант Бородачев благополучно вывел группу к позициям батальона. Через несколько часов мы отправили Григория Решетило в полевой госпиталь.

Несколько позже в тыл противника направилась боевая группа, которой командовал курсант Соколов. Она провела в районе Порожки — Гостилицы более суток и причинила фашистам много неприятностей. Однако ей не удалось добыть необходимые командованию разведывательные сведения. Курсанты и их командир остро переживали это и настойчиво просили разрешить им снова отправиться в тыл врага. Командование батальона удовлетворило эту просьбу. Группа в составе курсантов Соколова, Зырянова, Иванько, Бурцева, Романова и Перфильева второй раз пошла в разведку. На этот раз ей сопутствовал успех. С наступлением темноты на курсантскую засаду напоролся вражеский патруль. Он был уничтожен без большого труда. Взяв документы и оружие гитлеровцев, курсанты оттащили их трупы подальше от дороги и снова стали ждать. Через каких-нибудь полчаса на дороге появился мотоцикл. В коляске

сидел офицер, а за водителем — автоматчик. Несколько метких выстрелов — и документы всех троих, так же как и их оружие, оказались в руках разведчиков.

Звуки курсантских выстрелов, видимо, были услышаны в Порожках. На дорогу вышли патрульные машины. Послышались автоматные очереди. В небо взлетели осветительные ракеты. Разведгруппа отошла глубоко в лес, переждала эту суматоху, а часа в четыре утра выдвинулась к дороге. И тут курсанты неожиданно увидели вражеский конный обоз из десятка подвод, направлявшийся в сторону фронта. Подводы сопровождал конвой. Когда к месту засады подъехала пятая по счету повозка, курсанты по команде Соколова открыли огонь. Некоторым ездовым удалось укатить. Конвой спешно ретировался в сторону Гостилиц. Курсанты, захватив полевые сумки убитых, их автоматы и часть боеприпасов, скрылись в лесу. Сделав несколько зигзагов, разведчики направились в батальон.

На месте выяснилось, что группа раздобыла очень важные документы. Среди документов были сводная ведомость 271-го пехотного полка, оборонявшего Порожки, и именной список подразделения, занимавшего позиции напротив курсантского батальона.

И еще об одном разведывательном поиске, относящемся к той поре. Зная, как любят фашистские вояки охотиться за курами, курсанты Михаил Макаров, Иван Литвинов и шофер Иван Шеламов решили, что называется, поймать их на эту приманку. Они раздобыли где-то трех куриц. Двум из них к лапкам были привязаны веревочные поводки. С живой приманкой в мешке курсанты подобрались к вражеским окопам. В этом забавном поединке участвовало целое отделение. Входили в него Ахмед Гореев, Иван Литвинов, Архип Слободчиков, Вадим Авакян, Иван Болтунов, Петр Савченко, Алексей Ващенко, Александр Пименов, Алексей Муратов. Возглавлял разведчиков Михаил Макаров.

Замысел оказался удачным: гитлеровцы сразу клюнули на приманку. Едва курсанты выпустили кур, как из окопа показались три фашистских солдата. Они перевалялись через бруствер и лишь после этого поняли свою оплошность — в окоп полетела граната. Любители курятины оказались в руках разведчиков. Завязалась борьба. Одного из трех гитлеровцев курсанты доставили в батальон.

Разведгруппа возвратилась на свои позиции в полном составе. Больше того, курсанты принесли обратно

всех трех участвовавших в этой операции хохлаток. Рассказывая, как был взят «язык», Макаров наглядно демонстрировал это, пуская их на поводке по дну траншеи.

КОГДА ДРУГ В БЕДЕ...

Противник то и дело атаковал наши позиции. Одна из атак была особенно упорной. Гитлеровцы полагались на свое численное превосходство. Командиры курсантских подразделений оценивали соотношение сил в том бою как один к шести. Наши ребята с большим трудом отражали натиск фашистских войск. Дело дошло до рукопашной. В конце концов гитлеровцы вынуждены были отойти. Но им удалось утащить с собой тяжело раненного курсанта Ивана Карасева, упавшего во время контратаки на землю перед бруствером вражеского окопа.

В сумятице боя это было обнаружено не сразу. Товарищи увидели Карасева в руках фашистских солдат, когда те втаскивали его в один из своих блиндажей. Не раздумывая бросились выручать его и дорого заплатили за свою горячность. Число раненых у нас увеличилось, а Иван Карасев остался в лапах гитлеровцев.

Ничего подобного в батальоне до той поры не было. Каждый чувствовал себя виноватым в том, что случилось. Каждый готов был пойти на самый крайний риск — только бы вызволить товарища из беды.

Тотчас же была создана группа, которой поручалось это нелегкое дело. Возглавил группу старшина Михаил Матвеевич Макаров. Вошли в нее курсанты Иван Гаран, Кузьма Андрющенко, Василий Майдилов, Зямиль Ахмеров, Вадим Авакян, Федор Ведерников, Алексей Пустырев и Александр Белый. Действовать нужно было незамедлительно, чтобы не дать фашистам отправить захваченного ими курсанта с переднего края в тыл.

Группе предстояло среди бела дня проникнуть в расположение врага. А между нашими и немецкими позициями лежало чистое поле. Курсанты знали, где расположены наблюдательные пункты и огневые точки противника. К одной из них тянулась неизвестно кем и для какой цели пропаханная глубокая борозда. Эта борозда простреливалась вражеским пулеметом. Но в ней можно было укрыться от боковых наблюдателей противника. Макаров и его товарищи понимали, что более удобного пути к немецкой траншее им не найти.

Участники вылазки дорожили каждым мгновением. Уточнив сигналы связи с батальоном, они вслед за своим командиром покинули траншею. Когда я вспоминаю этот момент, сердце у меня снова начинает замирать от пережитого страха за наших парней, поползших прямо на пулемет противника.

Шли минуты, и мне, как и всем, кто был рядом со мной, мерещилось, что во вражеских траншеях началась какая-то суета. Казалось, пройдет еще мгновение — и застрочит немецкий пулемет. Но пулемет, как ни странно, молчал. Враг не предпринимал огневого налета. Курсанты-пулеметчики, отличавшиеся спокойствием и выдержкой, на этот раз заметно нервничали.

Удивительно, что мы тогда так и не заметили ничего особенного ни на нейтральной полосе, ни на позициях гитлеровцев. А потом к нам в траншею свалился с бруствера курсант Ведерников, как бы впряженный в ремни, на которых он тянул Ивана Карасева. Вслед за Ведерниковым на дно траншеи упали Авакян, Пустырев, а затем и все остальные участники вылазки.

Начались распросы. Я срочно принялась оказывать медицинскую помощь Карасеву. Его грудь была пробита пулями, правое плечо и обе руки кровоточили. Раненый потерял много крови, он был бледен и не приходил в сознание.

Осторожно уложив Ивана Карасева на носилки, курсанты Николай Бондаренко и Владимир Демидов бегом направились с ним в медсанбат. Врачи настойчиво боролись за жизнь нашего друга, надеясь на его могучий организм, но одиннадцать пулевых ранений оказались смертельными.

Как же небольшой группе курсантов удалось отбить у гитлеровцев своего раненого товарища?

Расчет смельчаков был точным. После неудачной атаки противник не вел пристального наблюдения за нейтральной полосой. Но чтобы убедиться в этом, надо было проползти сто пятьдесят — двести метров под прицелом вражеского пулемета. Курсанты проползли эти страшные метры. Позже они рассказали, что к концу пути пот лился с них в три ручья. Когда группа приблизилась к блиндажу, из него вышел гитлеровец. Он плотно прикрыл за собой дверь. По-видимому, это был наблюдатель. Он направлялся к оптической трубе, стоявшей рядом с пулеметом.

Старшина Макаров рванулся вперед. В одно мгновение с зазевавшимся фашистским воякой было поконче-

но. В следующую секунду командир группы, курсанты Гаран, Авакян, Майдигов и Ахмеров были в блиндаже. Блиндаж освещал керосиновый фонарь. В луже крови лежал на полу Иван Карасев. Рядом сидел фашистский солдат и ел что-то из котелка. Второй гитлеровец, тоже с котелком в руках, сидел возле двери. Тот и другой, увидя курсантов, точно окаменели и не смогли оказать им серьезного сопротивления. К пятерым своим товарищам, находившимся в блиндаже, присоединились Ведерников и Пустырев. Без лишних слов (все было заранее предусмотрено) они надежно закрепили на Иване Карасеве ремни и, подхватив его на руки, вынесли наружу. Напоследок старшина Макаров сбил с потолка фонарь. Ручейки горящего керосина потекли по деревянному полу.

Пленные, захваченные несколько позже на этом участке, рассказали, как было воспринято все происшедшее.

Большая группа гитлеровцев, прихватив с собой врача и переводчика, в приподнятом настроении возвращалась с ужина к блиндажу, в котором был оставлен раненый курсант. Многие шли из любопытства — им хотелось посмотреть на загадочного «русского фанатика».

Еще не дойдя до блиндажа, все обратили внимание на расплывшийся по траншее дым. Потом были обнаружены убитый солдат и перевернутый станковый пулемет. Из блиндажа тянуло смрадом. Кто-то поднял тревогу. Полетели в воздух ракеты. Застрочили пулеметы и автоматы. Кстати, эта шумиха на вражеских позициях была замечена нами. Больше того, она доставила нам удовольствие: группа старшины Макарова к тому времени уже возвратилась в батальон.

А там, возле блиндажа, в страхе и недоумении теснились гитлеровцы. Солдаты открыли дверь укрытия. Из нее вырвались клубы густого чада. Блиндаж горел. На полу неподалеку от входа валялись два трупа. Попытки обнаружить останки недавно еще лежавшего здесь русского оказались тщетными. И чего только не выдумывали опростоволосившиеся фашисты, чтобы оправдаться перед начальством! Конечно, не трудно было догадаться, что в блиндаже побывали советские бойцы, но признание этого факта никого из фашистов не устраивало.

Случай с Иваном Карасевым остался в памяти командиров и курсантов как свидетельство братской дружбы питомцев училища, их верности славной традиции: «Сам погибай, а товарища выручай».

Умели дружить курсанты-пограничники. Как сейчас вижу Николая Грибанова и Алексея Пицика. Оба основательные, невозмутимые, сильные. Причем всегда вместе, всегда рядом. Тон в их отношениях, помнится, задавал Николай, на редкость спокойный, волевой человек. В минуты отдыха он, бывало, моментально засыпал даже под гром артиллерийской канонады. А уж в бою — в бою он был огонь.

Никогда не забуду весьма характерную сцену. Поступает приказ приготовиться к штурму вражеских позиций. Алексей Пицик тормозит Грибанова:

— Николай, ты спишь?.. Наступать сейчас будем...

— Наступать так наступать, — говорит, поднимаясь, Грибанов.

— Завидую тебе, Коля! По всему чувствуется, что ты выйдешь живым из этого пекла...

— Спасибо на добром слове. А ты что — умирать собрался?

— Нет, почему же! Это я на твое олимпийское спокойствие любуюсь.

В бою, перед началом которого шел этот разговор, Николай и Алексей действовали, как всегда, смело и решительно.

Пророчество Алексея Пицика сбылось: Николай перенес все невзгоды войны и остался жив. Совсем недавно я узнала, что он живет и трудится в Воронеже.

И еще о двух товарищах — Василии Майдикове и Петре Букане. Очень хорошо помню их. Помню, как внимательны были они друг к другу. В бою под Гостилицами тот и другой попали под вражеский огонь и чудом остались живы. Василий Майдиков быстро окреп после контузии и, когда попал в беду Иван Карасев, вызвался в числе других курсантов выручить его. Хорошо воевал Петр Букань. Был ранен. Не повезло и Василию Майдикову. Глубоко застряли в его теле осколки фашистского снаряда.

Курсант долго лечился. Мне удалось установить с ним связь через тридцать с лишним лет. В своих письмах, присланных из Донецкой области, он тепло вспоминает о своем друге Петре Букане. Вспоминает, как умело тот действовал в бою, как использовал каждый бугорок, чтобы вести меткий огонь по противнику. Вражеский снайпер выследил пулеметчика. Петр получил тяжелую рану.

Я видела страдания этого сильного человека и никак не могла сообразить, как его перевязать. К тому же Бу-

кань, несмотря на боль, стеснялся меня, и это мешало мне работать.

По правде сказать, эвакуируя его в медсанбат, мы не очень надеялись на выздоровление Петра Буканя. Но, к счастью, он поправился и продолжал воевать. Я знала, что некоторые наши ребята встречали его под Невской Дубровкой, а затем на ледовой Дороге жизни. Но потом долгое время не было никаких известий о Петре Букане. Только в начале 1975 года, завершая работу над книгой, я узнала, что наш боевой товарищ по-прежнему полон сил, что служит он на флоте в звании контр-адмирала.

С КОЗОЙ НА ПОВОДКЕ

Постепенно я свыклась с трудностями и невзгодами фронтовой жизни. Командиры и курсанты батальона по-братски относились ко мне. Больше никто уже не вспоминал о случае, когда по моей вине чуть было не сорвался выход боевой разведывательной группы во вражеский тыл. Мне по-прежнему доверяли выполнение трудных заданий, и я была горда и счастлива этим доверием людей, чьим мужеством не переставала восхищаться.

Впрочем, так получилось, что я снова стала для них причиной многих тревог.

Дело было в поздний час в прифронтовом тылу противника. Командовал нашей разведгруппой старшина Матвеев. Хорошо помню, что с нами были Калущкий, Страдымов, Коровин, Сельницын, Шарипов и Скиба. Фамилии остальных запомнила.

Любой разведчик знает, что каждая новая вылазка в тыл врага по-новому опасна. Всему заранее не научишься. Всего не предусмотреть. Выход в разведку — серьезное испытание. Всегда с осложнениями. Не всегда — со счастливым исходом. Если хотя бы на минуту у разведчика притупляется острое чувство опасности и ответственности, беды ему не миновать. Самое надежное — полагаться на свои силы, на самообладание, на сметку. Очевидные истины. Но в тот раз я особенно отчетливо уяснила их для себя, причем дорогой ценой.

И было это в канун моего дня рождения, моего семнадцатилетия.

Разведгруппа незамеченной перешла передний край, перевалила через Гостилицкое шоссе. Но, по-видимому,

мы все же допустили какую-то ошибку и потому натолкнулись на вражескую засаду. А может, это было фашистское разведывательное подразделение. Завязалась скоротечная и бесполовая ночная перестрелка, свидетельствующая о том, что группа наша обнаружена противником. В таких случаях положено отходить. Отходили мы организованно и по всем правилам — зигзагами, то и дело меняя направление. Единственными ориентирами в крошечной тьме осеннего леса были звуки выстрелов.

Мне казалось, что я отхожу вместе со всеми и в том направлении, которое указал старшина Матвеев. Когда стрельба оборвалась, я из осторожности полежала в какой-то ложбинке, не подавая признаков жизни. Прислушалась к тишине и успокоилась: мне показалось, что ребята где-то тут, рядом, и что они тоже затаились, стараясь безмолвием обмануть гитлеровцев.

Прошло около получаса. Где-то очень далеко ухали пушки. Над головой по-осеннему тревожно шелестели макушки деревьев. Зябко пискнула какая-то птица. И тогда я тоже решила дать о себе знать: подняв с земли ветку, я несколько раз переломила ее. Это не вызвало никакого ответа. Беспокойство мое переросло в страх: неужели потерялась, осталась одна в тылу врага? В нарушение всех правил маскировки я схватила какую-то сухую палку и изо всех сил ударила по стволу сосны. Ответа опять не последовало. Что делать? Меня охватила дрожь, вспотели ладони.

Как ни странно, страх на меня нагоняла не темнота, не лес, не близость противника, а мысли о предстоящем объяснении с командиром и курсантами. Я заранее четко представила себе, как это произойдет, как укоризненно они будут взирать на меня. Я готова была провалиться сквозь землю от стыда. И в то же время переживания эти как-то помогали мне. Они были чем-то вроде противовеса моему реальному незавидному положению.

В лесу я не была новичком. С детства ходила за грибами в петергофские и ораниенбаумские леса. Бывала с отцом и матерью в огромных валдайских борах и тогда еще усвоила, что лесные дороги обязательно ведут к жилью, к людям.

К утру я выбралась на какую-то глухую просеку и осторожно пошла, как мне казалось, в сторону переднего края. Через два-три часа пути лес поредел. В предраассветной мгле я разглядела силуэты каких-то

строений. Как и положено разведчику, укрылась за деревьями и стала наблюдать. Светало быстро, и передо мной все более резко прорисовывался заброшенный деревянный дом без крыши и окон. Крадучись, я сделала небольшой крюк по лесу и подползла к глухой стене дома. Там, за стеной, было тихо. Я немного успокоилась и проскользнула в сени. Вдоль стен в сенях висели веники, пучки сухого укропа и еще каких-то трав, женская одежда.

Дверь в горницу была приоткрыта и висела на одной петле. Я заглянула в просвет, осторожно переступила порог и едва не вскрикнула от испуга. Передо мной на широких деревянных половицах лежали мертвецы — мужчина и женщина, должно быть, хозяева дома. Над горницей не было ни потолка, ни крыши. Над ней простиралось угрюмое осеннее небо.

Трупы были изуродованы. По всей видимости, эти люди умерли при пытках. Я выбежала из дома, углубилась в лес и упала на поникшую мокрую траву. Меня мутило. Потом я вдруг подумала: «Какая же я дурочка... Да ведь меня же в красноармейской форме немедленно схватят. И пистолет...»

Вспомнив о висевшей в сенях женской одежде, я вернулась и, дрожа, переоделась. Крепкая еще кофта и сиреневая шерстяная юбка оказались мне впору. Это почему-то немного успокоило меня. Деревенская одежда должна была придать мне вид девчонки-подростка. Свою гимнастерку, брюки и пилотку я оставила в сенях, пистолет сунула за широкий пояс юбки и опрометью кинулась прочь от дома. А через сотню метров снова остановилась и задумалась. Что мне скажут в батальоне по поводу потери казенного обмундирования? Ведь это моя военная форма. Какой же я боец без формы? В третий раз заставила себя войти в страшный дом. Вошла, плотно свернула брюки и гимнастерку, зачем-то поправила на пилотке звездочку и сложила все в большой холщовый мешок, найденный тут же, в сенях.

С мешком на плече медленно брела я вдоль лесной дороги. К полудню дорога привела меня к какой-то деревне. Опасаясь встречи с фашистами, я стала издалека вести наблюдение за окраиной. Между домами смутно видны были повозки и автомашины. Возле них расхаживали какие-то солдаты. Чужие или свои? Справа, возле крайней избы, на огороде копалась пожилая женщина. Я осторожно приблизилась к ней, прячась между кустами.

— Хозяйка!..

Услышав мой оклик, женщина выронила из рук кочан капусты и побежала к избе. Я последовала за ней, но разговора не получилось. Она была вне себя от страха. Уже в избе ее состояние стало понятным мне. Выяснилось, что с тех пор, как деревня занята фашистами, все ее жители ушли в лес и что на месте остались только старики и старухи. Подойдя к окну, женщина слегка отодвинула занавеску и взглядом указала мне на большую березу у дороги. Береза была превращена в виселицу. В петле покачивался старый босой человек. Я отпрянула от окна. Мысль работала лихорадочно. Осторожность и еще раз осторожность! Один шаг — и я тоже могу очутиться на виселице.

Женщина, как бы угадав, о чем я думаю, понизила голос:

— Ты не торчи в деревне-то. Схватят — добра не жди. Одежда на тебе... Без платка-то в такую пору наши девки не ходят. Возьми-ка мой. Да бери ты, бери, не противься. И вот что еще. Третий от меня дом стороной обойди. В нем начальство немецкое устроилось. И часовой там есть...

Это была деревня Порожки. Я узнала ее. Только вот как теперь мне добраться до позиций своего батальона? Видимо, придется продолжать разыгрывать роль деревенской девчонки.

Снова перейдя огород, я затаилась в кустарнике. И вдруг услышала чье-то дыхание. Рядом, метрах в пяти, кто-то был. До меня доносилось странное сопение и чавканье. Я раздвинула кусты и чертыхнулась, увидя козу. Она глупо таранилась на меня. Добродушное животное, как видимо, соскучилось по людям. Когда я подошла к ней поближе, коза доверчиво ткнулась мордой в подол моей юбки и легонько боднула меня. С детства я побаивалась коз, а тут осмелела. Больше того, мне пришлось в голову, что коза может выручить меня.

Мгновенно нащупав в мешке ремешок от нагана, который заменял мне медицинский жгут при остановке кровотечений у раненых, я пристегнула его к веревочному ошейнику козы. Она сначала строптиво помотала головой, намереваясь освободиться, но получив из моих рук пучок сочной травы, стала его жевать, успокоилась и послушно пошла за мной.

На окраине Порожков стояли окопанные и замаскированные орудия. К сараям приткнулись автомашины. У опушки я обратила внимание на дрогнувшие и странно

подвинувшиеся кусты, а потом увидела за ними танки. Тут уж во мне заговорила любознательность разведчицы, и я стала пристальнее вглядываться во все вокруг.

Так я шла да шла. Несколько немецких солдат, спеша, пробежали навстречу мне, но не обратили на нас с козой никакого внимания. А дальше все произошло так естественно, что и нарочно не придумаешь. Я сделала вид, будто пасу козу и собираюсь отвести ее на лужайку возле леса. В этот момент по дороге прокатился немецкий грузовик. Коза испугалась, прыгнула в сторону и помчалась вскачь. Я догнала ее и, делая вид, что ловлю козу, стала направлять ее бег в сторону леса, к позициям наших войск. «Куда же ты?» — кричала я, а на самом деле больше всего боялась, чтобы коза не остановилась или не повернула снова к деревне. Я не слышала, что орали мне вслед фашисты. В ушах неестественно громко свистел воздух и так же неестественно громко стучало сердце в груди. И вдруг, уже в чаще леса, из-за деревьев донеслось русское:

— Стой!.. Стой!.. Стреляю!

От неожиданности я метнулась вправо, к кустарнику, но и оттуда кто-то грозно крикнул:

— Стой, бросай козла!

Тут уж я успела рассмотреть за кустами фигуры наших бойцов, а через мгновение увидела их пилотки со звездочками. Увидела да только и выдохнула:

— Не козел это, а коза! Не видите, что ли?

Никто не засмеялся. Задержавший меня усач угрожающе спросил:

— Кем подослана? Ну, говори!

Еще не зная, кто передо мной и нет ли здесь подвоха, я ответила неопределенно:

— Да своя же я...

Усач грозно насупился.

— Вот посмотрим, какая ты своя. А ну, иди вперед...

В разговор со мной конвоиры не вступали. Под дулами двух винтовок, с мешком через плечо прошла я довольно длинный путь по лесу, а затем по траншеям. Наконец, меня ввели в какой-то большой блиндаж. Выяснением моей «личности» занимался, как потом я узнала, сам комиссар дивизии, к позициям которой привела меня коза.

Случайно в тот час в блиндаже комиссара оказался редактор дивизионной газеты. Видимо, это и дает объяснение тому факту, что в журнале «Пограничник» в 1942 году появился очерк писателя Юрия Сябимского

«День рождения» о моих приключениях в тылу противника и о возвращении из разведки с козой на поводке.

Комиссар разговаривал со мной долго. Выяснял он не столько мою личность, сколько обстановку во вражеском тылу, главным образом непосредственно в Порожках.

Я старалась до мельчайших подробностей выложить все, что мне удалось увидеть. Когда же рассказ коснулся моих переживаний, комиссар остановил меня и задумался. Решив, что у него появились какие-то сомнения, я развязала свой мешок и вытащила из него брюки, гимнастерку с зелеными петлицами и пилотку со звездочкой. Затем я торжественно положила рядом с пилоткой мой пистолет.

Комиссар внимательно посмотрел на мои вещественные доказательства. Строгий голос его смягчился, он сказал кому-то:

— Вот как много значат для бойца его обмундирование, его оружие и эта звездочка на пилотке!

Потом он взял телефонную трубку и вскоре уже разговаривал с нашим комбатом.

— Шорин!.. Вы докладывали, что непременно найдете свою разведчицу или в крайнем случае разыщете ее тропу... Хочу вас успокоить. Вот она, у меня. Да нет, сама вышла к нашим позициям. Сейчас я с нею беседую. Хорошие сведения доставила. Артиллеристы мои уже уточняют цели. За Цареву не беспокойтесь, накормим, дадим отдохнуть, а на рассвете к вам доставим. Кстати, как обстановка?

Утром я была в родном батальоне.

ДЫМОК ПОХОДНОЙ КУХНИ

В середине сентября 1941 года курсантский батальон стал испытывать недостаток продовольствия. Затруднения с питанием начали сказываться и на соседних частях. Нам это объяснили недостатком машин для подвоза боеприпасов. Мы не догадывались, что к нам пока еще робко постучалась костлявой рукой блокада. И неудивительно, что всем ворошиловцам хорошо памятли дороги подарки, переданные нам местными жителями, покинувшими деревни перед приближающимся врагом и жившими лагерем в лесу недалеко от Ориенбаума. Несколько раз в самые трудные дни возле наших окопов останавливалась скрипучая телега, и повозочный-подросток дрожащим не то от холода, не то от страха

голосом то ли докладывал, то ли просил: «Вот тут кое-что мать и жители Порожков прислали вам. Разгружайте быстрее, тут картофель, капуста, молоко». Мальчуган тотчас же исчезал, как только заканчивалась разгрузка.

Наш оборотистый в своем деле повар Павел Федорович Волков, почти из ничего готовивший обеда, как-то поник, а однажды неожиданно для всех осмелился обратиться непосредственно к Шорину за советом и помощью. Увидя спешившего куда-то комбата, Волков решительно шагнул ему навстречу и скороговоркой доложил:

— Товарищ майор, продукты кончились, а подвоза нет и нет. На обед заложил в котел все, что имел. Созсем не представляю, чем дальше буду кормить курсантов...

Волков растерянно и как-то очень по-граждански развел руками.

— Опередил ты меня немного, Павел Федорович,— задумчиво, мягко сказал Шорин.— Я уже который день думаю, как быть с питанием. Пока ничего другого не придумал, кроме как... Не позаимствовать ли нам продукты у противника? Как думаешь — сумеем мы провести такую «реквизицию»? Или у прокурора надо на это санкцию запросить?

Повар осторожно улыбнулся шутке комбата. А тот уже снова был серьезен.

Молча дошли они до опушки леса, где был наблюдательный пункт.

— Смотри,— Шорин протянул Волкову бинокль.— Там, за деревьями, справа, видишь большой сарай?

— Вижу, товарищ майор.

— Так вот, наши курсанты Нартов и Бабенко достоверно установили, что в этом сарае у противника находится продовольственный склад. Гитлеровцы только сегодня утром разгрузили там две машины с ящиками и мешками. Причем бросали их на землю, не особенно осторожничая. Сразу понятно было, что не боеприпасы привезли.

— Что же там может быть?

— Ну, что... Как обычно — консервы, крупы, масло, сахар...

Волков вздохнул и поправил свой поварской фартук.

— Да... Надо бы...

— Вот-вот, и я так думаю,— продолжал майор.— Больше того, начальнику штаба уже отдан приказ. Формируется специальная группа...

Волков посмотрел на комбата удивленно и вместе с тем обиженно. «Как же так? — вопрошал его взгляд.— Как можно в таком деле обойти меня, Волкова? Ну да, конечно, я — вольнонаемный. Но случай-то особенный. Тут совсем другое дело...»

— Товарищ майор! Разрешите и мне...

— Что разрешить?

— Ну, туда, к сараю, с курсантами... Как-никак, ведь я прежде всего за питание в ответе.

Шорин усмехнулся.

— Ну что ж, идите к Петракову и доложите, что я не возражаю. Пусть включит вас в группу. Желаю удачи.

Боясь, как бы командир не передумал, Волков прямо в фартуке стремглав побежал к начальнику штаба.

Через некоторое время повар уже лежал в кустарнике неподалеку от немецких окопов и вместе с курсантами изучал подступы к продскладу. В полном сборе была вся группа. Входили в нее Федор Бурцев, Василий Нартов, Дмитрий Бабенко, Георгий Волков, Иван Гурбик, Филипп Тутуркин, Павел Короткий, Григорий Губанов и он, Павел Федорович Волков, самый старший по возрасту. Возглавлял группу Александр Страдымов.

Конечно, пройти к складу под покровом ночной темноты можно было. Курсанты знали все потайные лесные тропинки, ведущие в тыл противника. К тому же у гитлеровцев на этом участке все еще не было непрерывных траншей. Но дело, порученное группе, требовало большой смелости и осторожности.

Похоже было на то, что фашисты заботятся об охране главным образом входа в сарай. Глухая сторона его, обращенная к лесу, меньше занимала их внимание. И все же от опушки леса туда подобраться было трудно. Чтобы сделать это, предстояло не одну сотню метров пересечь на виду у противника.

На основе тщательных наблюдений был составлен план вылазки. Он был дерзким. Но его брались осуществить выдавшие виды опытные разведчики. Причем они решили воспользоваться конной повозкой — на себе много продуктов не унесешь. Да, но как быть с конем? Его не заставишь ползти по-пластунски. Сам собою напрашивался выход: в темноте подогнать повозку лесом по возможности ближе к дороге. Чтобы лошадь не заржала, кто-то предложил надеть ей на морду мешок.

Капитаны Петраков и Левин одобрили план действий группы. Не только участники вылазки, но все мы с нетерпением ждали ночи, опасаясь, как бы что-либо

непредвиденное не сорвало намеченное дело. Надо прямо сказать, что нетерпение это объяснялось отчасти тем, что молодым, здоровым ребятам надоело грызть сухари, запас которых к тому же подходил к концу.

Особенно волновался повар Павел Федорович Волков. Несмотря на солидный, по сравнению с курсантами, возраст, он с какой-то детской наивностью рассуждал вслух, видимо, подбадривая себя:

— Хочешь не хочешь, а к гитлеровцам надо навестись. Не оставлять же курсантов без еды. К тому же продукты на складе не чужие, а наши. Ясно, что фашисты награбили их в оккупированных деревнях. На святое дело идем. А, ребята?

В глазах Павла Федоровича было беспокойство. Но была в них и решимость. И он, наверное, долго еще разговаривал бы так, но старший группы Александр Страдымов остановил его:

— Товарищ Волков, а почему у вас сапоги не обернуты чем-нибудь мягким? Вы что, не уяснили моего приказа?

— Ах, мать честная! Сейчас. Мигом все сделаю, товарищ командир!..

Повар засуетился, сел на землю и начал переобуваться.

В назначенный час группа Страдымова отправилась в путь. Стояла темная ночь. Где-то потрескивали одиночные выстрелы. Над немецкими позициями лениво взлетали редкие ракеты. То ли над Ораниенбаумом, то ли над Кронштадтом небо обшаривали тусклые лучи прожекторов. Передний край как бы погрузился в дрему. Но и наши, и вражеские наблюдатели были настороже. И стоило только у нас на позициях блеснуть неосторожному огоньку фонаря или папироски, как туда посылалась врагом пулеметная или автоматная очередь. После этого снова наступала тишина, но она была тягостной и фальшивой.

Курсанты батальона напряженно вслушивались и всматривались в ночную темень, стараясь не пропустить сигналы тех, кто ушел на задание. Но группа Страдымова канула в ночь.

Осмотрительность и выдержка ребят благополучно вывели их к цели. Курсант Короткий замаскировал лошадь с повозкой в придорожном леске. Группа под самым носом у противника пробралась непосредственно к складу. Но самое главное было впереди: предстояло

точно уяснить систему охраны склада, чтобы действовать наверняка.

Страдымов еле слышно отдавал команды. Курсанты почти интуитивно улавливали их и четко выполняли.

Все шло гладко. Через несколько минут выяснили маршрут движения часового по охраняемому объекту, особенно со стороны входа в сарай. Должно быть, этот гитлеровец заступил на пост недавно и смены не ждал. Иначе он не стал бы тайком покуривать и укрываться от ветра за углом сарая. Впрочем, автомат он держал наготове и, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону, настороженно вслушивался в ночь. Но, похоже, ничего подозрительного не замечал.

Улучив подходящий момент, Страдымов подал знак, и с подветренной стороны до часового донеслось потрескивание сухой ветки. Солдат насторожился. Треск стал сильнее. Выждав несколько секунд, гитлеровец решил, видимо, проверить, в чем дело. Но стоило ему шагнуть в ту сторону, откуда доносилось потрескивание, как он тут же был свален на землю. Курсанты Георгий Волков, Василий Нартов и Дмитрий Бабенко забили в рот часового кляп. Потом они связали ему руки.

А возле входа в сарай уже орудовали Иван Гурбик и Филипп Тутуркин. Войти в помещение им никак не удавалось. Дверь была закрыта железным засовом, и на нем висел замок.

И тут курсантов выручила смекалка повара Волкова. Не говоря ни слова, он направился к боковой стене сарая и деловито, по-хозяйски, как будто ему все здесь было давно известно, потрогал ладонями стенку. Ухватившись руками за одну из досок, Павел Федорович с силой потянул ее на себя. Доска сравнительно легко сдвинулась с места, чуть скрипнув.

Через несколько минут в боковой стене сарая был проделан широкий лаз. Первым в него по праву вошел повар. Он быстро нащупал во тьме мешки с мукой, крупами, сахаром, ящики с маслом и консервами. Курсанты немного растерялись. Они были поражены обилием съестного. Каждому хотелось унести как можно больше. Но Страдымов, сохраняя выдержку и повинуясь не эмоциям, а командирскому расчету, вполголоса распорядился:

— Бурцев берет муку, Гурбик — сахар, Волков — масло. Все остальные — по мешку круп. Нартову и Бабенко обеспечить доставку пленного. Быстро! Я отхожу последним.

Курсанты без суеты вынесли из сарая указанные им Волковым мешки и ящики с продуктами. Тащить их было нелегко. А Нартову и Бабенко выпало еще вести пленного. Вот когда пригодилась ребятам спортивная закалка!

Страдымов считал, что уходит последним. И вдруг он замер, как бы готовясь к прыжку,— от склада отделился еще один человеческий силуэт. Мгновение — и неизвестный был опрокинут на землю. Худо бы ему пришлось, если бы он не подал голоса:

— Товарищ командир, да это же я...

— Кто «я»?..

— Ну, Волков...

— Какого черта отстали? Приказ уходит слышали?

— Да я, это... вернулся. Вот еще масла ящик прихватил. Виноват, товарищ командир.

— Бегом за всеми! Смотрите у меня!

Группа уходила все дальше от склада. Курсанты взмокли от натуги. Они тяжело дышали, но никто и не подумал остановиться и передохнуть. Пленный гитлеровец не сопротивлялся. С кляпом во рту и связанными руками он покорно шел к опушке леса. Она была уже неподалеку — в нескольких десятках метров. Курсанты спешили, чтобы скорее свалить груз в повозку, стоявшую наготове. Но внезапно над их головами раздался глухой хлопок, и в небе зависла ракета. На опушке взорвалась немецкая мина, затем вторая, третья...

— Ребята, осколок в ногу... Черт бы его побрал!.. Пленного не отпускайте. А я доползу до повозки.

Это был голос Василия Нартова. Курсанты пошли рядом с ним.

— Мы тебе, Вася, поможем.

— Потерпи малость.

— Немец-то наугад палит. Видишь — уже другой квадрат обстреливает...

— Дотяни, мы уже близко.

— А знаете что, ребята? На немца Васин мешок положим!

— Верно! Верзила он, видать, ничего. До повозки донесет.

Курсанты подняли оставшийся на поле мешок с крупой, взвалили его на плечи гитлеровца. Заботливо поправили. Тот вытаращил глаза и замычал, но вскоре понял, чего от него хотят.

— Ничего, ничего. Тебе легче, чем нам. Тебя хоть оружие не тяготит,— съязвил кто-то из курсантов.— Да

и пожрал ты, наверное, плотно каши с маслом. А нам ее еще варить надо. Ферштейн?

Тем временем на переднем крае завязалась артиллерийская перестрелка. В направлении вражеской батареи ударила наша пушка. Под шумок курсанты с облегчением свалили мешки и ящики в повозку.

Поверх мешков на повозку, словно куль, был уложен пленный, которому хозяйственный Бабенко на всякий случай связал ноги. Но тут возникло новое осложнение: раненый Василий Нартов наотрез отказался размещаться рядом с фашистом.

— Да вы что, братцы? — взмолился он. — Нет, никак не могу!

— Ну, тогда садись, Вася, за повозочного, — сказал Короткий, снимая с лошадиной морды мешок. — Можешь даже за вожжи не держаться, наш сивка сам повозку к месту назначения привезет. Но, коняга!

Подталкивая повозку, группа Страдымова вскоре прибыла к своему расположению.

— Товарищ майор! — докладывал старший группы комбата. — Ваше задание выполнено. Захвачен пленный. На обратном пути ранен курсант Нартов. Других происшествий не было...

Страдымов ни словом не обмолвился об инциденте с Павлом Федоровичем. Что говорить! Для общей пользы человек старался, прихватив еще один ящик масла.

А дня через два повар Волков снова вдруг оказался, что называется, в центре всеобщего внимания. Началось с того, что комбат, проходя мимо походной кухни, остановился и некоторое время наблюдал за манипуляциями повара. Кормилец наш воистину священнодействовал. Из котлов валил пар, распространяя немислимо аппетитный аромат тушенки. Повесив черпак на край котла, повар по всем правилам доложил:

— Через двадцать минут обед будет готов, товарищ майор!

Комбат кивнул, постоял еще немного и пошел по своим делам. Павел Федорович обеспокоенно посмотрел ему вслед, а потом стал бережно помешивать наваристую кашу. Когда же обед был готов и Волков раздал его, Шорин неожиданно вызвал повара к себе:

— Павел Федорович, сам-то когда-нибудь ешь?

Тот на секунду застыл. Ну точно, сейчас командир выдаст ему, только вот за что — непонятно.

— Да я, понимаете ли, — замялся он и зачем-то стал снимать фартук и застегивать свой старенький штатский

пиджачок. Потом он невольно сделал шаг в сторону командира, бросил фартук на траву и вытянул руки по швам, напряженно вглядываясь в непроницаемое лицо комбата. При всем при том Волков старался незаметно прикрыть ладонью правой руки клоч, свисавший чуть ниже кармана его брюк. Шорин поиграл желваками на точеных скулах и позвал помощника командира батальона по снабжению Тихона Макаровича Цемрюка. Тот явился, словно из-под земли. Он всегда обладал удивительным умением в нужный момент оказываться там, где был командир.

— Товарищ Цемрюк, почему служащий Красной Армии Волков одет не по форме?

Снабженец замялся:

— Так ведь он же...

— Знаю, что вольнонаемный,— оборвал Цемрюка Шорин.

— Ну, а вольнонаемному не положена форма...

— Не положена, говоришь? — язвительно продолжал комбат. — А курсанты как думают? Положена Волкову форма или нет? Заслужил он право носить зеленую фуражку и все, что к ней полагается, или не заслужил?

Курсанты, стоявшие поблизости, дружно отозвались:

— Заслужил, конечно!

— Имеет право!

— Давно пора выдать!

Шорин выслушал эти краткие реплики и повернул голову к Цемрюку.

— Вот видишь! А ты говоришь — «не положено».

Тот пошел на попятную:

— Так нет же лишней.

— Найдешь. И чтобы через... — Шорин взглянул на часы. — Чтобы через два часа тридцать пять минут служащий Красной Армии Волков был одет по всей пограничной форме. Сам проверю. Ясно?

Вечером, увидя Павла Федоровича, мы все ахнули — так ладно сидела на нем новенькая, будто только что сшитая и, как мне показалось, тщательно отутюженная форма. До сих пор для меня остается загадкой, где в то время и в тех условиях можно было найти уют. И почему Шорин приказал разыскать форму для Волкова «через два часа тридцать пять минут», а не через два или, допустим, через три часа? Встречаясь с нашим суровым комбатом после войны, я не раз думала спросить его об этом, да так и не решилась.

И если находчивый и инициативный повар Волков Павел Федорович искал и нашел выход с питанием личного состава батальона, то на долю оружейных мастеров младших сержантов Кузьмина, Миронова, сержантов Крутолевича и Прилучного легла не менее сложная задача обеспечения батальона исправным оружием, которое к середине сентября 1941 года в результате непрерывных боев было изрядно потрепано и покалечено. Решили довооружить курсантов трофейным оружием, которого вместе с боеприпасами достаточно много оставлял враг на поле боя. Оружейные мастера и курсанты собрали этого оружия много.

Всеобщую признательность мастера заслужили после того, как сделали из четырех покалеченных три трофейных станковых пулемета. Из этих пулеметов потом наши курсанты отразили яростную атаку врага.

Довооружение батальона автоматическим трофейным оружием пошло после этого полным ходом. Батальон практически разрешил все проблемы с оружием. И меня не обошли подарком — вручили небольшой отливающий черную «вальтер». Иван Прилучный при этом сказал:

— Это тебе от нас, медицина. На всякий случай. Мне очень приятна была забота оружейных мастеров.

РАНЕННЫЕ ОСТАЮТСЯ В СТРОЮ

22 сентября гитлеровцы отмечали трехмесячную дату своего похода на нашу страну. Отмечали по-разбойничьи. Как и в первый день войны, ровно с четырех часов утра начались артиллерийские налеты. Они чередовались с атаками вражеской пехоты. Похоже было на то, что фашисты намеревались отпраздновать свой «юбилей» на вновь захваченных у нас территориях.

Ощущалось это и под Порожками. Курсантские роты, насчитывавшие к тому времени по сорок — пятьдесят штыков, отражали атаку за атакой. Под озлобленным натиском врага никто не отступил ни на шаг. Почерневшие от огня и дыма, в пропитанных потом гимнастерках, курсанты дрались до последнего дыхания.

До сих пор в моей памяти жива картина одного трудного боя. Гитлеровцы наступали. Они ползли к небольшой ложбинке, накапливаясь там для атаки. А в это время противник обрушивал на нас минометный огонь. В тот день мы пережили несколько таких «циклов».

Противник настойчиво нащупывал слабые места в нашей обороне. Напряжение нарастало.

У нас с Абрамом Давыдовичем Найвельтом работы было как никогда раньше. Перевязывая одного раненого, приходилось все время посматривать, не упал ли где другой. В какой-то момент мы увидели двух курсантов, Смирнова и Сырцова, еле-еле ползших к опушке леса. Они волокли третьего. Мы бросились на помощь им. Тот, третий, был без сознания. Еле дыша, смахивая с лиц грязный пот, Семен Смирнов и Павел Сырцов говорили наперебой:

— Мы что!..

— Разве у нас раны!..

— Мы в медсанбат не пойдём.

— Дмитрия спасайте. Под пулями еле его сюда выволокли.

— Бабенко — это герой!

— Восемь фашистов набросились на нас. Сначала гранатами забросали...

— Да, а потом, когда поняли, что мы ранены, кинулись к нам... Очереди две-три дали и скисли — патронов у них не оказалось...

— А у нас и того раньше весь боезапас вышел...

— Ну, сцепились врукопашную. И откуда только у Дмитрия сила взялась! Вскочил, двоих сразу заколол. Другие навалились на него, с ног сбили.

— Но его не так-то просто было взять. Не зря приемам борьбы курсантов обучал. Он и третьего фашиста враз порешил.

— Ага, а тут мы с Семеном подоспели. Тоже одного вражину на тот свет отправили.

— К тому времени Димка уже из сил выбился. Выхватил гранату — и раз! Фашистам каюк, но и ему досталось.

— Вот мы его и выволокли. Спасти парня надо.

Дмитрий Бабенко по-прежнему был без чувств.

Между тем бой продолжался.

Через некоторое время меня срочно вызвали во 2-ю роту. Там произошло что-то чрезвычайное. Когда кого-либо ранило легко, курсанты оказывали первую помощь пострадавшему сами.

Со своей большой санитарной сумкой торопливо пробираюсь по траншеям. Сегодня не до шуток и не до разговоров. Над траншеями висит нудный осенний дождь. Его пелену то и дело пронизывают трассирующие пули. Иногда на брустверах вскипают земляные

фонтанчики. Я уже привыкла к ним, но все же стараюсь без необходимости не высовываться из-за земляной стенки. Время от времени перед нашими окопами раздаются взрывы гранат.

Неожиданно путь мне преграждает земляная пробка: угодивший прямо в траншею снаряд разворотил ее. За кучей земли образовалась большая воронка, уже заполненная водой. Что делать? Хочешь не хочешь — приходится выбираться из траншеи и ползти поверху, рядом с ней. А пули продолжают посвистывать.

Кубарем скатываюсь в траншею, бегу по чавкающей жиже и вскоре нахожу Страдымова. Он стоит рядом с курсантом Маковкиным. Тот и другой спокойно, прицельно посылают пулю за пулей в невидимую мне цель.

— Что у вас тут?

Страдымов на одно мгновение поворачивается ко мне:

— Там Дробота и Панина поцарапало. Пойди помоги им.

Сказав это, Александр снова припадает щекой к прикладу винтовки. Метрах в пятнадцати от Страдымова нахожу курсанта Голуба. Он ведет огонь куда-то в сторону от основного направления стрельбы. С завидным самообладанием бьют по врагу курсанты Польшинко и Герасименко.

Дробота и Панина нашла в блиндаже. Ранены ребята тяжело: Николая Панина осколок ударил в грудь, на теле Дробота несколько рваных ран. Обработывая их, я произношу слова ободрения, а сама ужасаюсь тому, что вижу, и думаю о сложности эвакуации этих ребят.

До наступления темноты мне пришлось побывать в отделении Страдымова еще раз: вскоре ранен был сам командир. Гранатные осколки оставили множество кровоточащих отметин на его руках и ногах. Но отделение Александра Страдымова победило в бою, который оно вело. Курсанты Польшинко, Герасименко и Голуб умело управлялись с гитлеровцами, которые пытались окружить отделение.

— Хорошо еще, что эти игрушки, — так пренебрежительно говорил Страдымов о немецких гранатах, — разорвались возле меня в конце боя. Дралась-то мы тут впятером. А саранча фашистская лезла и лезла. Как думаешь, Вера, долго мои царапины заживать будут? — Он поглядывал на свои израненные ноги и руки так, будто их всего лишь поцарапала кошка. Я понимала, что запальчивость раненого скоро пройдет, что в конце кон-

цов он почувствует сильную боль. В глазах Александра уже загорался лихорадочный блеск. Надо было спешно отправлять его вместе с Дроботом и Паниным в медсанбат.

Пятеро курсантов уничтожили тогда на подступах к своим окопам больше десятка атаковавших их гитлеровцев. Страдымов был награжден за этот бой орденом Красной Звезды, курсанты Голуб и Маковкин — медалями «За боевые заслуги».

Судьба снова свела меня с Александром Страдымовым много лет спустя после войны. Он успел написать мне только одно письмо. На второе мое письмо в Саратов, где он жил, я получила ответ от его жены. Это было печальное известие: не стало еще одного нашего славного фронтового товарища, полковника милиции Александра Страдымова.

А я и теперь, когда вспоминаю о нем, вижу его молодым. И вижу окоп, в котором перевязывала его. И вижу бой, тот трудный бой 22 сентября 1941 года.

Великолепно действовал в том бою Дмитрий Годованик. Этого курсанта хорошо знали во всех ротах. Товарищи по службе ценили его необычайную силу, незлобивый, веселый и решительный характер. Мне не раз доводилось видеть его под огнем. Дмитрий был воистину бесстрашным человеком. И это еще раз подтвердилось в бою, о котором рассказываю.

Гитлеровцы упорно атаковали позиции взвода лейтенанта Григорьева, под началом которого воевал Годованик. Курсанты оборонялись, но несли ощутимые потери. По позициям взвода вели огонь вражеские минометы.

Дмитрий Годованик сделал невозможное. Со свойственной ему расторопностью он перезарядил ручной пулемет, набил патронами запасной диск и вдруг выскочил из траншеи. Возле наших позиций чудом уцелела некогда густая, а к тому времени изрядно посеченная и прореженная осколками ель. Лишь несколько толстых сучьев, покрытых остатками хвои, остались на искалеченном дереве. В мгновение ока Годованик взобрался на это дерево. А в следующее мгновение он уже вел огонь по вражеским минометчикам. Расстреляв один диск, Дмитрий заменил его вторым. Ему удалось вывести из строя минометный расчет противника, считавший себя неуязвимым. Но и сам наш герой был ранен. Он свалился с ели и уже спрыгивал в траншею, когда его настигла еще одна вражеская пуля. В первый момент курсант поднялся со дна траншеи и попытался устано-

вить в выемке бруствера свой пулемет. Но силы оставили Годованика, он потерял сознание. Достав бинты, я растерялась, не зная, как с ним управиться, с этим залитым кровью великаном. А он, очнувшись на некоторое время, попытался было шутить.

Дмитрий Годованик лечился недолго — раны на нем заживали быстро. Выйдя из госпиталя, он снова ушел на фронт. Встретясь с ним через многие годы после войны, я узнала его с первого взгляда. Да и как было не узнать этого могучего украинского парня, человека такой характерной внешности, подлинного богатыря!

«ОЧНИСЬ, ЛЕЙТЕНАНТ!»

По оценке лейтенанта Семина, нашего ротного командира, бой возле Порожков 22 сентября 1941 года был самым тяжелым для 2-й роты. Осталось в ней в тот день всего двадцать семь курсантов. Выбыли из строя все командиры взводов.

Вряд ли кто переживает так остро потери, как сандружинница. 22 сентября я выплакала мои слезы на много лет вперед.

Помню, как запыхавшийся курсант Николай Кочерыжкин притащил раненого Николая Столяра. Я сразу же достала все, что нужно для перевязки. Между тем Кочерыжкин жадно напился воды и попросил дать ему побольше патронов:

— Ребята! Вам подбросят боеприпасов, а нам там туго приходится... Лейтенант наш погиб.

— Погиб?

— Да, я сам проверял пульс. Никаких признаков жизни.

Завершив перевязку Столяра, я приподнялась:

— Кто там погиб? Какой лейтенант? Ну? Что ты молчишь?

— Наш, лейтенант Григорьев.

Я окаменело стояла и тупо повторяла одно и то же:

— Григорьев... Григорьев...

Григорьев и его взвод вот уже более сорока суток были под огнем. За все это время лейтенант не получил ни одной царапины. И я тайком заклинала все вражеские пули и снаряды, мины и бомбы, чтобы они не отняли у меня его так же, как Женю Гагарина. Выходит, не помогли мои заклинания.

Я выбралась из окопа и поползла следом за Кочерыжкиным, тащившим боеприпасы. То ли по приказу, то ли по собственной инициативе за мной полз курсант Вадим Авакян. Но его я в те минуты не видела. И не замечала ни минных взрывов, ни посвиста пуль,— я искала Бориса. Несколько раз мне казалось, что передо мною он. И я пристально вглядывалась в лица погибших. Некоторые из них лежали ничком. Их приходилось переворачивать на спину. Не знаю, долго ли я ползла по полю, усыпанному воронками, прежде чем нашла Борю.

Он лежал лицом к мокрой земле, с неестественно вывернутой, заломленной за спину правой рукой. Рукав гимнастерки был наполнен кровью. Я осторожно приподняла его, положила удобнее. Заостренный нос, бледность говорили о большой потере крови. Веки были сжаты крепко, как будто Борис зажмурил глаза от яркого света. Я приоткрыла одно веко, надеясь увидеть живой блеск зрачка. И мне показалось... Хотя нет, понять что-либо было невозможно. Я схватила его за руку. Быть может, пульс? Мне чудились слабые толчки готового вот-вот остановиться сердца. Может быть, я не слышала ничего, но внушила себе, что Боря жив.

«Борис, выживи, выживи! — твердила я про себя. — Ты не должен умереть. Я десять раз умру вместо тебя, только ты очнись. Почему я в страшный миг не оказалась рядом с тобой? Пусть бы все пули и осколки, летевшие в тебя, достались мне! Очнись, лейтенант Григорьев! Вздохни! Скажи что-нибудь! Заори на меня грубо, как бывало в разведке. Я все что хочешь сделаю для тебя. Буду возле тебя всю жизнь...»

Сейчас просто невозможно передать силу и беспорядочность чувств, охвативших меня тогда. Лежа возле Бориса, я с лихорадочной быстротой обрабатывала его раны. Надо было рвать одежду и рвать бинты. Я работала руками и зубами. В считанные минуты Борис был подготовлен к эвакуации. Но, должно быть, я забыла о маскировке. Мое мельтешение было замечено противником.

— Вера!

Я оглянулась. Кто там предупреждает меня об опасности?

— Торопись, Вера! Слева к нам ползут фашисты. Со стороны реки. Скорей отходи. Я прикрою тебя!

Это был голос Вадима Авакяна. Невдалеке от нас с Григорьевым нес он свою боевую вахту. Выстрел, другой, третий. Мне некогда было наблюдать за тем, что

происходило вокруг. По перепаханному снарядами и минами полю, лавируя между воронками, волокла я на плащ-палатке Бориса, Борю Григорьева. Пули свистели и визжали над головой. Я боялась одного: не оборвала бы какая-нибудь шальная пуля последнюю надежду на спасение Бориса!..

Ночью по незнакомому лесному проселку с многочисленными перекрестками и развилками мне удалось доставить Борю в полевой госпиталь, находившийся в Ораниенбауме. Думаю, что это в большей мере заслуга лошадки, тащившей санитарную повозку, чем моя,—лошадка хорошо знала дорогу.

Помнится, где-то в пути Боря тихо застонал. Я наклонилась над ним. Он узнал меня и молча попытался пожать мою руку. Я заплакала. Через некоторое время Григорьев заговорил. Заговорил еле слышно, как бы опасаясь, что снова провалится в беспамятство. К моему удивлению, он ничего не спросил о том, куда и зачем я его везу. Его интересовали результаты боя и судьбы его товарищей. Впрочем, я была так обрадована тем, что Борису лучше, что отвечала ему невпопад. Я старалась успокоить его, советовала ему помолчать.

Глубокой ночью я сдала раненого командира в госпиталь, а сама возвратилась в батальон.

Лейтенант Григорьев был эвакуирован в далекий тыловой госпиталь. Ему намеревались ампутировать руку, от чего он категорически отказался, надеясь на чудо. И это чудо произошло: смелый, искусный хирург сделал Борису сложную операцию. С великим упорством Григорьев добился полного восстановления работоспособности руки. Он продолжал служить в армии, командовал различными подразделениями, а затем полком. В звании полковника Григорьев ушел в запас. Живет он ныне в столичном предместье Реутове, работает в Москве.

Тяжелый бой под Порожками продолжался 22 сентября до самой ночи. Понесшему громадные потери противнику все же удалось в нескольких местах вбить клинья в наши боевые порядки. Некоторые курсантские взводы, ставшие совсем малочисленными, дрались в полукружениии. Положение казалось безнадежным. В какой-то момент треск вражеских автоматов вдруг прекратился и послышалось уже знакомое: «Рус, сдавайся!» Фашисты кричали это, не высовываясь из укрытий.

Несколько позже они повторили свой зловещий призыв и предупредили, что сопротивляющиеся будут

истреблены. В обескровленном взводе лейтенанта Виктора Бородачева к тому времени оставалось всего одиннадцать человек. Патроны были на исходе. А между тем очередная атака гитлеровцев была нацелена именно на этот взвод.

Курсанты сражались насмерть. Душой их героической обороны был командир, любимец училища лейтенант Виктор Бородачев. Ни они, ни его подчиненные ни на секунду не теряли душевного равновесия, были предельно собраны. Противник наседал на них с фронта и с тыла. Курсанты стояли спина к спине: пятеро стреляли в одну, пятеро — в другую сторону. Командир успевал вести огонь, что называется, вкруговую. Два часа продолжался неравный бой. Почти все курсанты взвода были ранены.

Героический поступок отважных курсантов нашел отражение в армейской печати. Газета «За большевистские кадры» в номере от 7 ноября 1941 года писала: «...В бою под деревней П. во фланг роты, лесом, заходило около 30 фашистов. Курсант-ворошиловец тов. Литвинов разгадал замысел немецкого зверья и сказал: «Ну, попоробуйте, гады, я вам покажу фланги». Подпустив их на близкое расстояние, отважный курсант из ручного пулемета открыл по немцам точный и сильный огонь.

В этом бою отважный боец был ранен, но пулемета из рук не выпустил. Пулемет продолжал работать. Тов. Литвинов получает второе ранение, но и тут не уходит с поля боя, а ведет уничтожающий огонь до тех пор, пока напор фашистских гадов не был окончательно сломлен...»

Соседние подразделения находились не в лучшем положении. Вряд ли кто мог помочь истекавшему кровью взводу. И все же в самый трудный момент к нему пробилась горсточка бойцов во главе с командиром роты лейтенантом Семиным. С ним была и я. То, что я увидела во взводной траншее, заставило меня содрогнуться.

Большинство защитников неприступного рубежа были мертвы или тяжело ранены. Погибшие лежали на дне траншеи. Некоторые были завалены землей. Некоторые же — я видела такое впервые — оставались стоять, прижавшись к стенке траншеи. Окровавленные, закопченные, до неузнаваемости измазанные землей курсанты Литвинов, Круглов и Путилин продолжали стрелять. Жив был и командир, но мы не успели порадоваться этому:

на наших глазах произошло такое, что страшно вспомнить. В траншею упала немецкая граната. Путилин схватил ее за длинную рукоятку и швырнул за бруствер. Мы услышали взрыв и чей-то протяжный крик. Вторая вражеская граната упала к ногам лейтенанта Бородачева. Виктор был тяжело ранен и не смог выбросить ее из траншеи. После взрыва я метнулась к лейтенанту. Он лежал, придерживая руками живот. Рана была ужасная. Силы покидали Бородачева. И все же, превозмогая боль, он отстранил меня и довольно внятно произнес:

— Эх, Верушка!.. Чертова граната не вовремя прилетела... Но мы еще дадим прикурить этим гадам. Ты меня потом, потом перевяжешь. Сперва курсантов. Отбиваться надо. Меня потом, потом...

Он умолк. В отчаянии я боялась, что не выдержу и закричу. Перевязывать Бородачева мне помогал политрук Евгений Полонский. Это был всегда очень сдержанный человек. А тут по щекам его катились слезы.

Разорвав кольцо окружения, к позициям взвода пробивались еще несколько наших ребят. Фашисты получили отпор. Наступила передышка. Курсанты Иван Литвинов, Владимир Круглов и Николай Путилин, осторожно поднося плащ-палатку, выносили с поля боя своего умирающего командира.

Кровь застыла в жилах при виде такой процессии. Курсанты смахивали с глаз непрошеные слезы. Я плакала откровенно, никого не стесняясь. На одном из поворотов траншеи эту скорбную процессию встретил лейтенант Глеб Пархалин. С не зажившей еще раной он сбежал из госпиталя. Сбежал, как бы почувствовав, что его другу грозит беда. Сбежал, чтобы сказать ему последнее прости, отомстить за него врагу.

В заключение—несколько сведений из краткой биографии Виктора Бородачева.

Родился в 1915 году. Отец погиб на войне, когда мальчику было всего несколько месяцев. Вскоре Виктор потерял и мать.

В четырнадцать лет стал воспитанником военного училища. Оно сделало паренька командиром-пограничником. Многие в Новом Петергофе знали Виктора до войны как отличного спортсмена. Героически сражавшийся и погибший в бою лейтенант Бородачев посмертно награжден орденом Красной Звезды. Бывшая Александровская улица в городе Петродворце названа улицей Бородачева.

ЧЕЛОВЕК БОЛЬШОЙ ДУШИ

На фронте подразделения и части часто назывались по фамилиям командиров. Даже на указателях писали: «Хозяйство такого-то». Говоря, например, о каком-нибудь событии у Шорина, все понимали, что дело касается его батальона. Упоминая фамилию Семина, знали, что речь идет о 2-й роте, которой он командовал.

Мне чаще всего доводилось бывать в «хозяйстве Семина». Я очень хорошо знала людей этой роты и, как все в ней, восхищалась ее политруком Евгением Полонским.

Евгений Дмитриевич был человеком ясного ума и глубоких, разносторонних знаний. Он обладал удивительной способностью «разложить все по полочкам», разобраться в самом сложном сплетении обстоятельств. И еще я заметила, что он никогда не повторял своих распоряжений дважды. Курсанты выполняли их всегда охотно, даже с удовольствием. В сущности, он не приказывал. Он советовал. Во всем чувствовалось его умение убеждать. Политрук не любил общих суждений. Говорил он предельно просто, выбирая самые весомые слова. Мы не знали тогда, что Полонский получил до войны высшее педагогическое образование.

У Евгения Дмитриевича было открытое, с правильными чертами лицо и густая, чуть вьющаяся шевелюра. Его глаза, казалось, всегда посмеивались. Похоже было, что он заранее предугадывает, как будут развиваться те или иные события. Взглянув на политрука, я всегда чувствовала себя как-то спокойнее, увереннее. Мне доводилось перевязывать его. Первый раз это было под деревней Волгово еще в августе. Осколком мины он был ранен в ногу, но поле боя не покинул. Под Порожками политрук получил контузию и, отлежавшись тут же, в окопе, продолжал бой.

Помню, как с группой курсантов пробивался Евгений Дмитриевич к остаткам окруженного противником взвода лейтенанта Бородачева. Словно родного сына, обнял политрук тяжело раненного лейтенанта. А как заботливо помогал он мне перевязывать его, как встревожило Евгения Дмитриевича то, что в моей сумке не было больше бинтов, как поспешно рвал он рубаху на лоскуты...

А еще помню политрука Полонского в минуты психической атаки гитлеровцев. В нашей роте было тогда всего лишь двадцать семь курсантов. Около ста фаши-

стских громил шли на нас, как на параде, высоко выбрасывая ноги. Шли под треск барабана. Шли и хором орали:

— Рус, сдавайся, хенде хох!..

Начальные слова выкрикивал офицер, а затем ему вторил весь хор. Это походило на театральное представление. Это был зловещий спектакль.

И вдруг мы услышали голос политрука Полонского:

— А ведь умрут до единого. Но идут красиво, сволочи. Немного полюбуемся, ребята, а уж потом за дело!

Одного тона этих нескольких фраз, произнесенных Евгением Дмитриевичем как бы невзначай, было достаточно, чтобы курсанты сбросили чрезмерное нервное напряжение и обрели ту выдержку, которая так необходима в подобной обстановке.

Когда атакующие приблизились к нам метров на пятьдесят, с нашей стороны все еще не прозвучало ни одного выстрела. Нервы гитлеровцев стали явно сдавать. Крикливый хор их расстроился. Фашистские офицеры беспokoйно оглядывались. Психическое воздействие на курсантов явно не удалось. Когда же наши пулеметчики Пустырев, Басов, Курнин, Микрюков, Гусев, Ершов, Сизов и Шевченко дружно открыли по противнику огонь, цепь атакующих в одно мгновение поредела и смешалась. Тем временем загремело русское «ура!». Курсанты дружно перешли в контратаку. Вели их командиры роты лейтенант Семин и политрук Полонский. Дорого обошелся врагу устроенный им «спектакль». Уцелевшие гитлеровцы мелкими группами пятились назад, намереваясь улизнуть от преследования курсантов.

— Держитесь левее, отрезайте им путь к траншеям на пригорке! — распорядился политрук Полонский и сам бросился вслед за курсантами.

В том бою политрук Евгений Дмитриевич Полонский, поспешивший на помощь своим питомцам, был ранен. Еле живого подхватили его курсанты Владимир Аванесов и Иван Дорошенко и вынесли в безопасное место. Туда же были перенесены окровавленные Игорь Смирнов и Василий Одинцов. Особенно тяжело ранен был Одинцов — ему раздробило нижнюю челюсть, как оказалось, в восемнадцати местах. Перенеся такое сложнейшее ранение, Одинцов лишился нормальной речи, но это произошло позднее.

Терявший сознание политрук все еще пытался подбодрить курсантов. Превозмогая боль, он приподнялся

на локтях и, обращаясь к раненым, особенно к Одинцову, прерывающимся голосом произнес:

— Молодец! Герой! Дружище, крепись...

Одинцов, конечно, ничего не слышал. Не слышали слов политрука и другие раненые — они были в беспмятстве. Я сопровождала их в полевой медицинский пункт. Кстати, там меня ждал сюрприз: я встретила знакомых петергофских девушек, также ушедших на фронт в самом начале войны. А еще увидела в медпункте свою старшую сестру Зою Цареву (Чередникову). Она подготавливала к отправке раненых, просила шофера быстрее возвращаться обратно и вдруг встретила меня. Увидела и как бы застыла на месте.

— Вера! Ты жива! А нам сказали, что тебя потеряли в разведке...

Она тискала меня, как маленькую, и целовала, целовала, заливаясь слезами радости.

Плакала и я. Слезы сами катились по щекам. Еще бы не растрогаться! Ведь встретила любимую сестру здоровой и невредимой.

Распрощалась я с политруком Евгением Дмитриевичем Полонским. Знаю, что позже он воевал на Волховском и 1-м Украинском фронтах. После выхода Красной Армии к западным границам нашей Родины Полонский был направлен в войска Украинского пограничного округа. Затем он преподавал в высших военных училищах.

ПОЗЫВНЫЕ ЛЕЯТ В ЭФИР

В бою под деревней Коровино возле старшего военфельдшера Найвельта разорвалась вражеская мина. Абрам Давыдович упал. Из горла у него хлынула кровь. Только что наш полевой медик с удивительной сноровкой и нежностью оказывал помощь раненым, а теперь сам лежал без движения. В это было трудно поверить. Мне показалось, что он погиб. Но прошла минута, и Найвельт зашевелился, попытался приподняться и ползти. В это время возле него разорвалась еще одна мина.

Абрам Давыдович даже после этого взрыва продолжал двигаться к лежавшему неподалеку раненому курсанту Александру Ионкину. Было ясно, что фельдшер намеревается оказать ему помощь. Сделав несколько неуверенных движений, Найвельт задержался на месте, словно бы что-то припоминая, привстал, а затем энер-

гично сбросил с ноги сапог и как подкошенный повалился на землю.

Мы не сразу разобрались, что произошло. А произошло вот что. Большой осколок второй мины начисто отрубил Абраму Давыдовичу стопу. Находясь в шоковом состоянии, он попытался опереться на раненую ногу.

Случившееся со старшим военфельдшером я переживала как личное горе. Абрам Давыдович всегда был для меня добрым наставником и другом. К нему я обращалась за советом, когда требовалось оказать помощь тяжелораненому. Надо прямо сказать, что он лучше, чем кто бы то ни было, понимал мои переживания в те дни, когда у нас были самые большие потери. Он успокаивал меня в особенно трудные минуты, когда я винила себя во всех смертях. И вот мы должны были отправить Абрама Давыдовича в госпиталь.

Но беда, говорят, не приходит одна. Бой продолжался. И вскоре осколком снаряда был ранен наш начальник штаба капитан Петраков. Пока сознание не покинуло Семена Ивановича, он пытался подавать команды. Однако потеря крови и нестерпимая боль сделали свое дело: капитан впал в беспамятство. Его пришлось срочно эвакуировать.

Для батальона это была серьезная потеря. Возглавляя штаб, Семен Иванович всегда оставался душевным человеком, старшим товарищем и другом курсантов. После него начальником штаба стал старший лейтенант Петр Ильич Акуленко. Это назначение было воспринято курсантами как само собою разумеющееся. Все уже давно оценили по достоинству тактическую грамотность, хладнокровие, выдержку, личную храбрость Акуленко, ведавшего до той поры связью. В условиях непрерывных боев и бесконечных переходов с одной позиции на другую он и его подчиненные умело обеспечивали связь штаба и с ротами, и с вышестоящими инстанциями.

Пользуясь случаем, хочу привести несколько эпизодов, характеризующих работу наших связистов.

Как-то, укрываясь от минометного обстрела в штабном блиндаже, я стала невольной свидетельницей разговора комбата с Акуленко.

— Какого черта твоя связь так часто прерывается?— кричал ему майор Шорин сквозь грохот разрывов.

Старший лейтенант был крайне озабочен.

— Немцы минами рвут.

— Так посылай связистов восстанавливать линии.

— Уже пятерых послал. Все ранены.

— Придумывай что хочешь. Но связь должна действовать безотказно.

— Прекрасно понимаю это, товарищ майор. Связь будет работать исправно...

Несмотря на сильный минометный огонь, Акуленко тут же вышел из блиндажа. Через некоторое время связь с ротами была восстановлена.

А дня за два до этого случая я вместе со старшим лейтенантом Акуленко и связистом Марченко была в тылу противника. Начальник штаба, включивший меня в эту маленькую разведывательную группу, ничего о характере работы мне не сказал.

Как я уже говорила, в тот первый период войны передний край был неустойчивым, подвижным, и перейти его лесом было не так уж трудно. Акуленко, Марченко и я прошли в глубь территории, занятой противником, без каких-либо осложнений. Старший лейтенант шагал так уверенно, будто дорога была им хожена-перехожена. Кто знает, может быть, так оно и было. Пока мы пересекали довольно густой перелесок, Акуленко даже покурил свою любимую «козью ножку».

У подошвы крутого косогора, поросшего редким кустарником, старший лейтенант указал мне место, откуда я должна была вести наблюдение, напомнил сигналы связи. Сам же он вместе с Марченко поднялся на косогор. Через несколько минут я увидела их лежавшими на земле. Они поочередно прикладывали к уху телефонную трубку. Разумеется, там могла проходить только немецкая линия связи. Выходит, Акуленко и Марченко подслушивали разговор, который вел противник. Только тут я поняла, почему старший лейтенант взял с собою Ивана Марченко: тот хорошо знал немецкий язык.

Время тянулось медленно, и мне порядком наскучила роль наблюдателя. Но в какой-то момент я обратила внимание на то, что Акуленко и его напарник, собрав несколько десятков метров провода, отбросили его в сторону.

На косогоре стали рваться советские снаряды. Похоже было на то, что кто-то из наших артиллеристов где-то допустил оплошность. Взрывы возникали неподалеку один от другого. Марченко поспешно скатился с косогора. Старшего лейтенанта не было видно в дыму.

В тот раз Иван Марченко был ранен. Правда, раны оказались не столь уж серьезными. Я забинтовала их. Надо было уходить. Но Акуленко все не возвращался.

Мы отправились искать его и нашли полузасыпанным землей возле одной из воронок. Нашли, откопали, проверили пульс. Старший лейтенант был жив. Осматривать его на месте я не рискнула. Мы с Марченко некоторое время тащили Акуленко на плащ-палатке. Тащили, пока не услышали вдруг сердитое:

— Да подожди ты, Вера!.. Ведь этак ты меня по кочкам и на тот свет отправишь!..

Обрадованные, мы наклонились над Акуленко. Я осмотрела его и не обнаружила никаких ранений и переломов.

— Как себя чувствуете, товарищ старший лейтенант?

— Плоховато я себя чувствую... В голове звон, тошнит немного... Но надо как можно быстрее уходить...

Обратный путь в батальон был нелегким. Теперь мы шли без дорог, пробирались чащей, кустарниками. К счастью, все обошлось благополучно.

Контузия не прошла бесследно. Но крепкий организм старшего лейтенанта Акуленко быстро справился с ней.

Особенно памятен мне наш батальонный радист, одессит Василий Гнатышин. До войны он служил в морской пограничной охране. Это был очень веселый человек, большой любитель пошутить, побалагурить. Как из рога изобилия, сыпались из него всякого рода остроты, анекдоты. Главное же его достоинство было в том, что он великолепно знал и любил свое дело, обладал волевыми качествами военного человека.

Под Петровицами противнику удалось потеснить роту лейтенанта Семина и приблизиться к наблюдательному пункту комбата. Обороняли НП до подхода курсантских подразделений связисты. Вот тут-то и показал себя Василий Гнатышин. Вместе с Василием Поповым, Петром Швецом и Петром Гусевым он стрелял по гитлеровцам из дзота, в котором стояла рация. Противник обрушил на дзот огонь тяжелых минометов. Попов погиб под обрушившимися бревнами наката. Гусев был оглушен. Он лежал на полу и корчился от приступов страшной рвоты. Гнатышин и Швец подбегали то к одной, то к другой амбразуре, отстреливаясь от наседавших на них вражеских пехотинцев. Улучив подходящий момент, Василий передал в эфир: «Веду бой в окружении. Боецман». В штабе, с которым Гнатышин держал связь, эта радиogramма была принята.

Между тем бой становился все более ожесточенным. Гитлеровцы подползали к блиндажу вплотную. Гнатышин прицелился в одного из них, нажал на спусковой крю-

чок винтовки, но выстрела не последовало — кончились патроны. Радист перебежал к соседней амбразуре, одну за другой проверил все винтовки. Магазины их были пустыми. Тяжело раненный Петр Швец впал в беспомощность. Найдя последнюю гранату, Гнатышин швырнул ее в гитлеровцев, когда они поднялись и бросились к дзоту. Швырнул, упал, переживая взрыв, и вдруг услышал доносившееся снаружи такое знакомое и такое родное «ура!». А через минуту чуть ли не на голову Гнатышина свалились курсанты Иван Коровин, Федор Удин, Петр Скидан, Александр Пахомов, Дмитрий Морозов, Федор Батьков и Виктор Тетерин.

— Жив, братишка! Ну и молодцы же вы, ребята! Отбились...

В минуты затишья курсанты похоронили возле дзота своего погибшего товарища Василия Попова. Гусев и Швец были отправлены в медпункт.

Не успел Гнатышин развернуть рацию на новом месте, как снова попал под минометный огонь. Несколько мин разорвалось возле окопа, в котором он теперь находился.

— Сначала я даже не понял, что со мной случилось, — рассказывал он позже. — Показалось, будто кто-то ударил меня по ноге. Ударил с такой силой, что нога мгновенно онемела...

Когда я прибежала в окоп радиста, курсант Иван Коровин бинтовал раненую ногу Гнатышина и пытался остановить кровь. Осколок порвал Гнатышину мягкие ткани ноги. Кость была цела. Василий держался бодро и продолжал поддерживать связь.

Это было еще до нашего первого боя под деревней Порожки. Когда батальон выдвигался к этой деревне, Гнатышин держал связь, лежа на носилках. Перед боем мы отправляли раненых в тыл, Гнатышин обратился к лейтенанту Семину:

— Товарищ лейтенант, прошу разрешения остаться в батальоне.

Просьбу Гнатышина ротный командир передал Шорину.

— Вообще-то нам радист позарез нужен. Но он же передвигаться не может, — произнес комбат.

— А мы его переносить будем, товарищ майор. Пусть он только держит связь, — сказал лейтенант Семин.

Посмотрев на Василия Гнатышина, ловко выстукивавшего ключом донесение, на его забинтованную ногу, на

синие полоски матросской тельняшки под расстегнутой гимнастеркой курсанта, Шорин тряхнул головой:

— Пусть остается!

НАС НАЗЫВАЛИ ШОРИНЦАМИ

А эти несколько страниц воспоминаний — о нашем командире батальона майоре Николае Александровиче Шорине. Хотя, в сущности, все, что о батальоне, — то и о нем. Был батальон известен на фронте как «хозяйство Шорина». И были мы известны как «шоринцы».

В архивах Музея пограничных войск СССР хранятся восемьдесят две статьи и корреспонденции о боевых делах воинов батальона, которым командовал майор Н. А. Шорин. Восемьдесят две статьи и корреспонденции из красноармейских газет, которые выходили в 1941 году на нашем участке фронта.

2 октября дивизионная газета «На разгром врага» весь номер посвятила шоринцам. В передовой статье «Героические подвиги шоринцев» говорилось: «Горячо любят в подразделении своего командира товарища Шорина и политработника Образцова. Бойцы говорят о них: „Это люди сильной воли. Они отлично знают бойцов своего подразделения, их думы и чувства, умеют оценить по достоинству способности каждого бойца. В бою наш командир и политработник всегда впереди, они показывают образцы изумительного героизма“». Через всю первую страницу газеты по диагонали был дан красный аншлаг: «Слава отважным шоринцам!» Вторая страница открывалась лозунгом, обращенным к красноармейцам: «Будьте, как шоринцы, — хладнокровными, инициативными, решительными и бесстрашными в бою!»

Газета 8-й армии «Ленинский путь» третью страницу номера за 9 октября 1941 года дала под «шапкой»: «За любимый город Ленина, за нашу Родину мужественно сражаются бойцы товарища Шорина». В одной из статей этого номера, озаглавленной «Славные шоринцы», рассказывалось, как наш комбат в бою лично уничтожил около двух десятков гитлеровцев. «Слава об отважных шоринцах растет с каждым днем, — писал автор статьи. — Бесстрашие, упорство в бою, решительные ночные налеты на врага, постоянная ночная разведка обеспечивают им победу над врагом... Для шоринцев не существует окружения. Они сами часто отправляются в

глубокий тыл противника, окружают фашистов и уничтожают их... Немало еще фашистских бандитов найдут себе могилу у ворот Ленинграда, встретившись в боях со славными шоринцами».

13 октября 1941 года газета «Ленинский путь» писала: «В наших частях и подразделениях гремит слава о бойцах товарища Шорина. В непрерывных боях с немецкими захватчиками шоринцы дрались стойко, упорно, наносили врагу чувствительные удары».

Вот что говорилось о боевых делах нашего батальона в передовой статье газеты «Ленинский путь»: «Шоринцы во главе со своим командиром показали в боях пример мужества, отваги, упорства. Много раз гитлеровские разбойники чувствовали на своей шкуре удары шоринцев, много раз хваленые гитлеровские вояки бежали от них. Шоринцы вооружены и снабжены так же, как и многие другие подразделения, они дрались в таких же условиях.

В чем же их сила?

Бойцы товарища Шорина не знают страха в борьбе. Сильные духом, они уверены в победе. Об их упорство и стойкость разбивались атаки фашистов.

Ни при каких обстоятельствах шоринцы не впадали в панику. Шоринцы не боятся трескотни фашистских автоматчиков, их не запугаешь попыткой обойти с фланга. Никогда в их рядах не слышны были слова «наас окружили». Шоринцы всегда ищут врага, чтобы навязать ему бой, чтобы уничтожить его.

Шорин воспитал у своих бойцов боевой порыв — стремление наносить врагу удары.

Часто бойцы товарища Шорина переходили в штыки. Однажды немцы готовились к атаке. Шоринцы ответили контратакой. Боевой опыт лучших воинов показывает, что в бою побеждает тот, кто презирает смерть, кто неудержимо идет вперед».

Слово «шоринцы» объединяло нас. Курсанты-пограничники знали, что в соседних подразделениях с них берут пример, и гордились этим. Знали они также, как ненавистно имя их командира врагу. Фашисты боялись шоринцев. И это наши ребята при всяком удобном случае не прочь были подчеркнуть.

О мужестве и боевом умении нашего комбата на фронте ходили легенды. Что же он за человек, Николай Александрович Шорин?

Он из тех, кто создан для военной службы. Взгляните на его фотографию. Таким, как Николай Александро-

вич, просто не идет штатский костюм. Возможно, я опять рассуждаю чисто по-женски. Но, согласитесь,— эта выправка, эта особая мужская статья! И взгляните в его лицо. Оно как бы изваяно из крепкого камня. Резко очерченные скулы выдают твердый, даже жесткий характер. Решительность, стойкость, хладнокровие уже в самом взгляде.

Таким он и был тогда. Ведь я видела его в бою, в минуты опасности. Шорин действительно был и волевым, и мужественным командиром. И, как мы теперь понимаем, именно благодаря шоринской тактике наш батальон всегда с честью выходил из самых тяжелых испытаний. А батальон был укомплектован кадровыми военными, курсантами-пограничниками, в высшей мере сознательными бойцами. Лучшие командирские качества комбата были удесятерены безграничным мужеством и воинским умением его подчиненных, их сыновней преданностью Родине, высочайшим партийным самосознанием, святой ненавистью к врагу и непоколебимой верой в свои силы, в нашу победу над фашистской Германией.

Командир батальона и его надежные помощники — комиссары Луканин, а затем Образцов, командиры рот, политруки, взводные командиры своим спокойствием, твердостью, деловитостью, что называется, цементировали ряды курсантов. Впрочем, все эти курсанты были «без пяти минут» командирами и политработниками. К тому же боевая обстановка ускорила их политическую, военную, да и просто человеческую зрелость. Бойцы были достойны своего командира. Он мог не колеблясь принимать самые трудные решения. Подчиненные были для него как пальцы собственной руки. Пальцы всегда можно было сжать в кулак. И Шорин делал это и наносопротивнику удар за ударом.

Истины ради должна сказать, что там, на фронте, он виделся мне как человек противоречивый и сложный. Иногда Николай Александрович казался мне слишком суровым, даже бесчувственным, бессердечным. Порой он был резким, нетерпимым. Если уж сказал что-то, ни за что потом не изменит своего решения. Я побаивалась комбата. Возможно, это был девчоночий страх перед грозным военным командиром. А для курсантов майор Н. А. Шорин был высочайшим авторитетом. Разумеется, устав приучил их к воинской дисциплине. Но я думаю, что и без устава они точно так же беспрекословно, без тени сомнения подчинялись бы Шорину.

Только спустя многие-многие годы я по-новому стала открывать для себя какие-то совершенно неожиданные черты Николая Александровича. Помню, даже за отлично проведенную вылазку в тыл противника комбат мог забыть похвалить ребят. Мол, сделали, ну и что, так оно и должно быть, а хвалит пусть комиссар. Поразить его воображение удалю было невозможно, но если уж комбат произносил сдержанно-строго «молодец» или «спасибо за службу», то человек, которому это было адресовано, ходил окрыленным. Было такое и со мной. И когда он мне сказал это, у меня душа запела.

А того, кто оплошал, майор распекал «на всю катушку». Причем к проштрафившемуся он обращался только на «ты». У меня и сейчас звучит в ушах его разгневанный голос:

— Бурнос! Я с тебя шкуру спущу за курсантов...

Или:

— Григорьев, ты мне кого привел? Не «язык» это, а дерьмо!

Порою комбат иронизировал:

— Подумаешь, герой — ефрейтора взял в плен!..

Эта ирония, эти «подначки» действовали сильно.

А однажды — об этом я уже рассказывала — Шорин расчувствовался до того, что обнял и поцеловал командира роты лейтенанта Семина. Я даже глаза протерла: не могла поверить в такое. Но это действительно было. Это было в тот раз, когда к командному пункту батальона прорвались вражеские автоматчики и Шорин, в сущности, вел бой один. Положив немало фашистов, он чудом остался цел — выручила подоспевшая рота Семина. Будто сейчас вижу: комбат пожал руку ротному, расцеловал его, произнес несколько слов и как ни в чем не бывало зашагал в сторону командного пункта.

Но вообще-то эмоции командир батальона проявлял редко. Пустых слов, пущенных просто так, на ветер, я от него никогда не слышала. И долгих речей он не любил. Зато обладал способностью двумя-тремя словами поднять дух бойца. Помню, как повеселели глаза много пережившего, только что вышедшего из окружения ополченца, когда майор мимоходом бросил ему:

— Ну-ну, орел, выше голову! За одного битого двух небитых дают...

И еще одна шоринская черта — к командирам он относился много строже, чем к курсантам, и требовал от них подчас, казалось бы, невозможного. Слыша, какие задачи ставит комбат перед лейтенантом Григорьевым,

я, каюсь, нередко думала: «За что он так не любит Бориса?...» И вот после войны полковник Б. А. Григорьев показал мне одно из писем, полученных им от Николая Александровича. Я перечитала это письмо не раз и не два и многое запомнила наизусть. Да простят мне адресат и автор письма, что я его процитирую здесь. «Посылал я тебя в тыл к немцам, ставил невыполнимые задачи,— писал Шорин Григорьеву.— Больше всех доставалось тебе. Из шестнадцати моих лейтенантов ты у меня был самый любимый. Но выражалась моя любовь к тебе в том, что посылал я тебя в самое страшное пекло войны, с самыми отчаянными задачами, подчас на верную смерть. А все потому, что доверял тебе и знал, что невыполнимые задачи можешь выполнить только ты, и никто больше...»

В откровенных словах этих, как мне кажется,— ключ к непростому характеру Николая Александровича Шорина.

Теперь-то я понимаю, что не был он железным и тогда, в суровом сорок первом. Были у него чувства, была душа. Но своеобразный панцирь покрывал его душу. Панцирь, отлитый из твердого сплава мужественности, сдержанности, умения жить только тем, что способствовало достижению победы над врагом. Душа глубоко внутри, а сверху — непробиваемая броня. Но это стало ясным теперь. А летом и осенью сорок первого нам казалось, что у комбата нет ничего личного. О себе, о своих переживаниях, о семье он никогда ни с кем не говорил. Знали мы только, что жену его зовут Ниной, что майор отправил ее с детьми на восток и что, с тех пор как ушел эшелон, не было от них никаких вестей.

Зато известны нам были некоторые штрихи воинской биографии нашего командира. Был он до 1935 года пограничником-кавалеристом на советско-польской границе. Командовал взводом, а потом был инструктором и старшим инструктором боевой подготовки отряда. Некоторое время Шорин преподавал во 2-й харьковской пограничной школе — обучал курсантов тактике. Стремился совершенствовать свое воинское мастерство. И это стремление привело его в Ленинградскую военную кавалерийскую школу. Окончив ее, Николай Александрович командовал взводом в полковой школе 9-й кавдивизии, потом был переведен в погранотряд войск ОГПУ. Уже перед самой войной получил он назначение в военно-политическое пограничное училище имени К. Е. Ворошилова и прибыл в Новый Петергоф.

В биографии нашего комбата был один штрих, который курсанты с гордостью подчеркивали: Николай Александрович заочно окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. Не так часто в те годы можно было встретить «академика» среди комбатов. Добавлю, что в 1941 году майору Н. А. Шорину исполнилось тридцать восемь лет.

ТОВАРИЩ КОМИССАР

Наше училище было военно-политическим. Естественно, что курсанты, будущие политруки, с особой пристальностью присматривались к политработникам, стремились брать с них пример. С большим уважением относились они к старшему политруку Образцову, ставшему нашим комиссаром после гибели батальонного комиссара Луканина.

Мы знали Василия Михайловича как опытного преподавателя истории партии, вдумчивого воспитателя, жизнерадостного, требовательного и справедливого человека. Для него характерны были редкостное доброжелательство, аккуратность, подтянутость, отличная воинская выправка.

На фронте он делом показал своим питомцам, каким должен быть политработник в бою. Хороший военный специалист, Василий Михайлович подавал пример ответственности при решении чисто военных вопросов. Он не подменял командира, не мешал ему. Однако мы знали: прежде чем принять какое-либо важное решение, Шорин всегда советовался с комиссаром.

Слово комиссара Образцова никогда не расходилось с делом. Он не раз водил в бой курсантские роты. Так было в бою у деревни Петровицы 4 сентября 1941 года, а через два дня — у деревни Новая. Подлинный героизм проявил комиссар, возглавляя курсантов, атаковавших укрепленный пункт гитлеровцев в деревне Порожки 10 сентября.

Армейская газета «Ленинский путь» 9 октября 1941 года писала: «Однажды комиссар Образцов вместе с группой бойцов атаковал вражеское зенитное орудие. Метко брошенные гранаты вывели из строя весь оружейный расчет. На группу отважных шоринцев устремились вражеские автоматчики. Комиссар приказал бойцам залечь и ждать приближения фашистов. Он первым выстрелил в фашистского автоматчика. Остальных забросали гранатами бойцы».

Помнится, после этого боя участвовавшие в нем курсанты рассказывали:

— Случилось непредвиденное: под огнем заело пулемет... Глядим — бежит к нам комиссар... «В чем дело? — спрашивает. — Кончились патроны!» — «Да нет, — говорим. — Обрыв гильзы». Он к пулемету: «Дайте-ка я посмотрю. А вы присоединяйтесь к группе и не давайте фашистам продвигаться». Не прошло и минуты, как пулемёт наш застрочил по гитлеровцам.

— А на обратном пути комиссар помогал идти раненному в ногу Михаилу Карамнову.

— Да еще нагрузил на себя автоматы ребят, которые несли тяжелораненых...

Газета «За большевистские кадры» писала в дни войны: «Образцом поведения для многих политработников служит боевая деятельность преподавателя истории ВКП(б) старшего политрука комиссара курсантского подразделения, затем комиссара Н-ского стрелкового полка товарища Образцова...»

Полковником встретил Василий Михайлович праздник Победы над фашистской Германией. К тому времени его грудь украсили ордена Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, два Красной Звезды, многие медали.

ЗА ЧАС ДО РАССВЕТА

Батальон наносил врагу удар за ударом. Гитлеровцы несли немалые потери в этих боях. Но и ряды курсантов редели.

— Каждый должен теперь воевать минимум за отделение, — говорили в те дни командир и комиссар. Да, так оно и получалось. Нас стало намного меньше. А чтобы воевать малыми силами, надо особенно хорошо знать возможности и намерения противника. Между тем захватывать «языков» становилось все труднее. На зевак рассчитывать уже не приходилось.

Штаб объявил своего рода конкурс на лучший замысел захвата пленного. Победил на этом конкурсе курсант Вадим Авакян. Он предложил захватить одного из вражеских солдат, охранявших мост через речку по дороге из Гостилиц в Петергоф. Имелось в виду действовать тремя небольшими разведгруппами. Одна из них должна была сосредоточиться в кустарнике и на островке недалеко от моста. Чтобы противник не смог обнаружить курсантов, в этот редкий кустарник, по идее

Авакяна, надо было добавить зелени. Темной ночью участники вылазки по пояс в воде перетаскивали на островок охапки ольховых веток. К утру кустарник, облюбованный разведчиками, стал несколько гуще и пышнее.

На следующую ночь курсанты отправились за «языком». Николай Калуцкий, Михаил Ершов и Петр Меньщиков по переброшенному через речку дереву перешли на правый берег. По левому берегу приблизились к мосту Вадим Авакян, Николай Лунин и Михаил Шакин. Николай Марченко, Федор Черемискин и Николай Бакин заняли позицию в кустарнике.

Курсанты знали, что ночью к своему окопу возле моста вражеские солдаты подходили в рост, не заботясь о маскировке. Время смены поста тоже было известно. Но на этот раз часовой ни с того ни с сего, причем в неурочное время, выбрался из окопа и поспешил в деревню. Захватывать в плен было некого. Придет или не придет на пост другой часовой, было неизвестно. Долго находиться у моста курсанты не могли.

До рассвета оставалось немного времени. Задание было под угрозой срыва. Но в это время в темноте к мосту приблизилась какая-то черная фигура. Вероятнее всего, это шел на пост новый часовой.

И тут произошло еще более неожиданное. Навстречу часовому во весь рост пошел Николай Калуцкий. Курсанты оторопели. Расстояние между ними сокращалось. Можно было ожидать, что гитлеровец поднимет тревогу или в упор выстрелит в Калуцкого. Но Николай что-то сказал по-немецки. Как позже стало известно, он произнес фразу, которая в переводе на русский означает: «Посмотри-ка, что я тут обнаружил!..»

Фашист, должно быть, принял Калуцкого за своего патрульного, пришедшего с другой стороны деревни. А Калуцкий, не доходя до часового, неторопливо повернулся и направился в сторону замаскировавшихся курсантов. Причем он стал громко кашлять, создавая впечатление, что это мешает ему продолжать разговор. Теперь-то разведчики поняли рискованный маневр своего товарища. Они напряженно следили за часовым, который сначала с полным доверием шел за Калуцким, а потом вдруг взял наизготовку автомат. И тогда из ночной темноты к нему скользнул Николай Лунин. Он сильным ударом приклада оглушил гитлеровца и сбил его с ног. На помощь Лунину бросились Авакян и Шакин, а затем Ершов и Меньщиков. Курсанты перехватили горло пленного удавкой и поволокли его в лес.

Должно быть, звуки возни возле моста услышал кто-то из наблюдателей противника. Послышались голоса и тяжелый топот. По шоссе к мосту подбежала группа гитлеровцев. Забыв об осторожности, они освещали перед собой дорогу карманными фонариками. Курсанты Марченко, Черемискин и Бакин открыли огонь по фашистам. Фонарики погасли. В темноте слышны были стоны. Потом началась ответная пальба. Однако преследовать разведчиков гитлеровцы не посмели.

После этой ночной вылазки в батальоне было много разговоров об отчаянном поступке Николая Калуцкого, сумевшего перехитрить вражеского часового. Курсанты восхищались его находчивостью и бесстрашием. Время показало, что смелость и инициатива в характере нашего товарища. Позднее, будучи уже артиллеристом, он в тяжелую минуту боя, окруженный вражескими автоматчиками, вызвал на себя огонь орудий. Противник был рассеян. Николай Калуцкий чудом остался жив. За этот подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В двадцатых числах сентября противнику удалось потеснить 1062-й стрелковый полк 281-й стрелковой дивизии и, овладев деревней Коровино, продвинуться вдоль Петергофского шоссе на несколько километров. Враг дошел до развилки дорог Петергоф — Ораниенбаум. В тот трудный момент нашему уже далеко не полнокровному батальону было приказано поддержать 1062-й стрелковый полк. Курсанты должны были перекрыть Петергофское шоссе и тем самым изолировать немецкие подразделения, находившиеся в Коровине.

С наступлением темноты 1-я и 2-я роты стали выдвигаться на указанный рубеж. Курсанты ползли, прижимаясь к земле. Довольно-таки плотный вражеский огонь не был прицельным. Вероятнее всего, противник не подозревал о появлении на этом участке курсантских подразделений, и они утвердились на достигнутых позициях.

Более сложной была задача 3-й роты: ей предстояло перевалить шоссе, развернуться фронтом на север и не допустить выхода гитлеровцев из деревни. Между тем вдоль шоссе били пулеметы. Били из четырех дзотов. Нужно было во что бы то ни стало подавить эти опасные огневые точки.

Первым попытался пересечь шоссе курсант Иван Бураков. Он был тяжело ранен пулеметной очередью. Его товарищи Иван Слепец, Митрофан Гамов, Алексей

Николаев, Петр Меньшиков, Савватей Пензин, Василий Самсонов, Александр Рыбалка и Иван Бурков немедленно вооружились гранатами и поползли к вражеским дзотам.

Рота ждала. И вскоре в темноте стали раздаваться глухие взрывы. Дзоты один за другим замолчали.

3-я рота перевалила шоссе и заняла позиции, которые ей были указаны. Стрелковый полк в назначенное время повел наступление на Коровино. Цепи красноармейцев приближались к деревне. Но противник, по-видимому, предвидел возможность такого удара. Лавина мин и снарядов обрушилась на наступавших. А наша огневая поддержка была слабой. Стрелки сначала залегли, а затем вынуждены были отходить. Всю ночь, успев довольно глубоко зарыться в землю, мы ждали приказа на возобновление наступления. А гитлеровцы, как видно, готовились к отражению наших атак. То и дело в небе зависали осветительные ракеты. Воздух сотрясали разрывы снарядов и пулеметные очереди.

Едва забрезжил рассвет, как на позиции стрелков снова обрушился артиллерийско-минометный огонь. Под прикрытием его с другой стороны, от Гостилиц, двинулся в атаку примерно батальон вражеской пехоты. Организованным огнем 2-й и 3-й курсантских рот эта попытка врага прорваться в Коровино была пресечена. Важную роль в этой схватке сыграли наши пулеметчики Михаил Салтыков, Александр Захаров, Пантелей Гавриленко, Алексей Кулагин, Федор Беляев, Афанасий Варченко, Иван Кулагин и Николай Лысенко.

После окончания боя Алексей Кулагин возбужденно рассказывал:

— Противник напирал отчаянно. Мои помощники Василий Скурыгин, Иван Валяевский и Иван Федоров заметили, как прямо на нас вынырнула из-за кустов довольно многочисленная группа фашистов. Одновременно правее и левее выросли, словно из-под земли, цепи врагов. Я нажал на гашетку. Мои напарники едва успевали подправлять ленту. Василий Скурыгин метким выстрелом уложил гитлеровца, пытавшегося с гранатой подобраться к нашему расчету. Мы израсходовали почти весь боезапас и стали перемещаться на линию окопов роты. В это время четверо из нас получили ранения. Раны ныли, но мы терпели.

Не имея представления о наших силах, гитлеровцы отошли. Но вскоре на подступах к Коровину опять закипели разрывы снарядов. Под артиллерийским прикрыти-

ем атака вражеских пехотинцев повторилась. Курсанты отбили и ее. Последовали новая обработка наших позиций огнем и новая атака.

Так повторялось несколько раз. Положение в наших ротах становилось тяжелым. Артиллерийским огнем была нарушена телефонная связь со штабом батальона. Комбат приказал экономить боеприпасы. Между тем гитлеровцы предприняли комбинированную атаку на Коровино со стороны Гостилиц и Туюзи. Силы были слишком неравными. Противнику удалось восстановить фронт обороны вдоль Петергофского шоссе. А 3-я курсантская рота, возглавляемая лейтенантом Глебом Пархалиным и политруком Иваном Ушаковым, оказалась во вражеском окружении.

ВРАГ С ЧЕТЫРЕХ СТОРОН

Курсанты не раз бывали в тылу противника и всегда били его. Поэтому окружение не испугало их. Командир посоветовался с политруком и принял решение отвести роту в лес северо-восточнее Коровина, пока гитлеровцы не разобрались в обстановке.

Вскоре рота была в лесу. Пехотинцы противника, атаковав ее прежние позиции, нашли лишь пустые окопы.

— Мы тем временем приводили себя в порядок,— рассказывал позже лейтенант Глеб Пархалин.— Я старался выработать план ближайших действий, а политрук— обеспечить спаянность коллектива, не допустить уныния и тревоги. Он хорошо понимал, что его незаметная, на первый взгляд, работа очень важна и нужна. Понимал и действовал. После его беседы с курсантами я, помнится, обратился к ним с вопросом: «Ну, как, товарищи, что предпримем дальше?» И по их глазам увидел, что такого вопроса можно было не задавать. Что делать? Ясное дело, прорываться к своим!

Разумеется, противник догадался, что курсанты укрылись в лесу. Вскоре начался артиллерийский обстрел опушки. Чтобы избежать потерь, лейтенант Пархалин повел роту в чащу, к болотам. Уже подходя к ним, головной дозор в составе курсантов Попова, Пелиха, Лимонова, Полипашева, Еремина и Фролова обнаружил на поляне погибшего советского командира. На петлицах его гимнастерки были знаки старшего лейтенанта,

артиллериста. В руке он держал партийный билет. Рядом лежали пистолет и листок бумаги. Трагедия разыгралась, по-видимому, недавно. Осенняя сырость еще не смыла чернила на партбилете и на листке.

Командиры и курсанты были поражены, опознав в погибшем бывшего командира тяжелой артиллерийской батареи старшего лейтенанта Бринькова. Он поддерживал огнем наш батальон в районе деревни Русские Анташи на Кингисеппском шоссе.

В письме, адресованном матери, Бриньков писал, что после тяжелого боя остался один, что он тяжело ранен, не может передвигаться и, чтобы не попасть во вражеский плен, принял решение... На партийном билете были выведены слова: «Коммунисты в плен не сдаются».

Похоронив старшего лейтенанта Бринькова, курсанты почтили его память минутой молчания. Партийный билет погибшего и его последнее письмо матери они взяли с собой.

Через некоторое время дозоры встретились в лесу с группой наших бойцов. Выяснилось, что они уже примерно неделю находятся во вражеском тылу. Ни боеприпасов, ни продовольствия у бойцов не было, питались они кониной и ягодами. Это была горстка до крайности изнуренных людей. Предложение о совместных действиях они не приняли. В ответ на него кто-то зло заявил, что группа уже не раз пыталась прорваться к своим и что, кроме потерь, это ничего ей не принесло. Пока шел разговор, некоторые из «окруженцев» скрылись в лесу. Курсанты отдали остальным свой мизерный запас продовольствия и поделились боеприпасами.

В последний момент к курсантам, тяжело прихрамывая, подошла раненая женщина, должно быть, медсестра. Она подошла молча и стала рядом с ними. Но и после этого ее бывшие спутники остались на месте, бессмысленно глядя в землю. Чтобы переубедить их, нужны были силы и время. А у роты на счету была каждая минута. Курсанты пошли своим путем, а «окруженцы» остались. Тяжело писать об этом даже спустя десятки лет. Но, как говорят, из песни слов не выбросишь.

Высланные вперед разведчики возвращались с плохими вестями: шоссе было всюду перекрыто вражескими войсками.

И как всегда в трудные моменты, кто-нибудь из курсантов и командиров находил выход из создавшегося положения. На этот раз Владимир Аванесов предложил для безопасного перехода всей группы уже испытанный

прием — при помощи чучел. Его в свое время курсанты применяли на Кингисеппском шоссе, под Гостилицами и под Порожками. На эту нехитрую выдумку гитлеровцы ловились безотказно.

У командира роты Глеба Пархалина и политрука Ивана Ушакова от предложения по лицу пробежала улыбка.

— В настоящей обстановке действовать надо исключительно осмотрительно. Враг догадывается, что мы где-то в болотах, и наверняка намерен уморить нас здесь голодом. Попытайтесь найти неохраняемый участок где-либо на всем протяжении дороги. Действовать скрытно. Имитировать робкие попытки прорыва к своим отдельных «окруженцев», — инструктировал лейтенант.

Возглавляемая Аванесовым группа отправилась лесом в сторону шоссе. Дойдя до опушки, курсанты остановились.

— Вот что, — сказал Аванесов, — подберите мне подлиннее жердь, очистите ее от сучков и тащите сюда.

Ребята занялись поиском подходящей осинки, а Владимир Аванесов, сняв со спины шинельную скатку, раскатал ее, застегнул шинель на все крючки, а затем стал туго набивать травой и мхом.

Вскоре вернулись Яков Басов и Михаил Миронов.

— Ну как, командир, подойдет? — Басов показал длинную осиновую жердь.

— Молодцы, ребята, сработали в темпе. Теперь надо просунуть кол в шинель и накрепко притянуть ее ремнями, чтобы не соскочила. «Окруженец» получится самый натуральный.

Вещевой мешок, набитый мхом, отлично воспроизводил голову человека. Все было готово, и курсанты поползли вдоль обочины, выбирая поудобнее место для проведения задуманного эксперимента.

— Внимательно следить как за опушкой леса, так и за вершинами деревьев, — наставлял товарищей Аванесов.

Вблизи дороги они пролежали долгое время, так как вынуждала обстановка: то и дело появлялись солдаты противника и проносились машины. К вечеру движение по шоссе уменьшилось, а затем и вовсе прекратилось. Курсанты решили, что можно начинать. Указав место товарищам, Аванесов выдвинулся к дороге и стал медленно имитировать чучелом переползание человека попластушки.

Фашистские секреты немедленно отозвались: они открыли огонь по «переползающему», обнаружив этим

себя. Ввязываться в перестрелку курсантам было запрещено, да и каждый патрон был на счету. Он требовался на случай возможного прорыва через заслон врага с боем. Аванесову, Басову и Миронову пришлось ползти все дальше и дальше в сторону Старого Петергофа. Раза четыре они пытались обманывать противника чучелом, и каждый раз фашисты засекали их. Шинель была уже изрядно пробита пулями, но Аванесов, видя результативность подобной разведки, решил повторить все сначала на других участках дороги. Проведя своих товарищей лесом, он снова свернул к дороге.

— Попробуем еще раз здесь. Если и на этом участке фашисты выставили секреты, тогда придется возвращаться и докладывать о том, что все шоссе находится под наблюдением вражеских дозоров и для выхода к своим надо искать другие возможности.

Позднее Николай Уваров рассказывал: «Когда мне сказали, что надо идти с Аванесовым на задание, я не обрадовался, зная его кавказский характер. А когда увидел его выдержку и спокойствие после четырех неудачных попыток с чучелом, то понял, что ошибался в оценке товарища. В другом месте мы снова выжидали некоторое время, а затем Аванесов, приподняв над землей чучело, стал бросать его то в одну, то в другую сторону. Мы ожидали выстрелов, но их не последовало. Прошло еще минуты три, и Владимир для гарантии повторил свои приемы. Было тихо.

— Ну, ребята, кажется нам удалось нащупать не охраняемый противником участок дороги! — радостно произнес старший группы. — Теперь нам надо быстрее добраться до своей роты и доложить обо всем командирам.

Примерно часа через полтора 3-я рота во главе с лейтенантом Пархалиным и политруком Ушаковым прибыла к разведанному месту.

— Да это же район бывшего военного городка! — воскликнул лейтенант. — Далеко вы, ребята, проскочили. Молодцы!

Лейтенант и политрук тщательно изучили особенности местности в направлении будущего прорыва, назначили наблюдателей. Курсанты подгоняли снаряжение, обматывали котелки и лопаты травой, подготавливали к бою оружие. Все с нетерпением ждали наступления темноты. Роте предстояло выйти из леса, преодолеть поле, пересечь шоссе и снова углубиться в лес. Еще и еще раз Пархалин и Ушаков напомнили курсан-

там о необходимости строжайшего соблюдения всех требований маскировочной дисциплины.

И вот наступило время действовать. Первым пошел шоссе политрук. За ним последовали курсанты Михаил Абдраязов, Виктор Перфильев, Николай Коротев, Павел Давыдов, Анатолий Чечетка, Федор Черников, Гавриил Сундеев, Александр Ионкин и медсестра из группы «окруженцев» (имя ее, к сожалению, мне установить не удалось). Удачно перебрались на другую сторону дороги курсанты Анатолий Попов, Иван Пелих, Николай Лысенко, Федор Удин, Иван Снегур, Сергей Федорович, Михаил Салтыков. С последней группой в составе Валентина Горшкова, Михаила Давидовича, Николая Левицкого, Ивана Романова, Михаила Иванько, Владимира Батина и Виктора Щербакова пересек шоссе лейтенант Глеб Пархалин.

Курсант Владимир Пономарев со своим «максимом» должен был прикрывать роту огнем. Когда надобность в прикрытии отпала, он тоже двинулся вперед. Однако как ни маскировался Пономарев, проскочить незамеченным через дорогу ему не удалось. Осветительная ракета заставила курсанта залечь в кювете. Вдоль шоссе пролегли огненные трассы пуль. К счастью, пулеметчик в этот момент был уже за дорогой и вместе с товарищами тащил увязавший в рыхлой земле «максим».

Утром 3-я рота во главе с лейтенантом Глебом Пархалиным и политруком Иваном Ушаковым прибыла в батальон. Это была большая радость для всех командиров и курсантов. Репутация батальона как отличного боевого подразделения была еще раз подтверждена.

Радость по поводу возвращения 3-й роты помогла мне справиться с потрясением, которое я незадолго до того пережила. Примерно за час до прихода наших ребят наш новый начальник штаба старший лейтенант Акуленко приказал мне перевязать пленного гитлеровца, раненного в плечо. Осторожно сняв с него мундир и обнаружив сильно кровоточившую рану, я обработала и перевязала ее. Курсант Коровин, сопровождавший пленного, попросил меня осмотреть его ногу. Оказывается, гитлеровец сильно хромал. Взглянув на его сапоги, я увидела, что один из них продырявлен. Чтобы снять сапог, необходимо было его распороть. Достав из санитарной сумки нож, я разрешила им голенище. Потом, осматривая раны, я положила финку на пенек. В этот миг послышался звучный удар, и пленный упал, выронив на

землю мой нож. Я отскочила в сторону и в недоумении уставилась на Коровина.

— Ну, Вера, повезло тебе, — сказал он. — Еще секунда, и этот гад прикончил бы тебя.

А произошло вот что. Когда я наклонилась над раненой ногой гитлеровца, он схватил мой нож и уже занес его надо мной. Спасло меня молниеносное вмешательство Коровина.

Сгоряча я прекратила было перевязку пленного. Но Акуленко приказал мне довести ее до конца. Гитлеровец глядел зверем. Он все порывался ударить меня здоровой рукой, но курсанты крепко держали его.

ДОВЕДЕТСЯ ЛИ ВСТРЕТИТЬСЯ СНОВА?

В начале октября 1941 года Военный совет 8-й армии издал приказ, в котором говорилось: «Батальон ВПУ НКВД вывести из боев, курсантов направить в штаб армии для производства выпуска. Весь личный состав батальона представить к награждению орденами и медалями».

Мы стояли в то время в густом лесу. Помню, как командиры и политруки рот, сидя на пеньках, в срочном порядке писали характеристики на курсантов, которые с честью выдержали экзамен боем. Каждый внес свой личный вклад в общее дело. Боевая характеристика одновременно была и аттестацией на присвоение воинского звания.

Днем 3 октября командир и комиссар провели последнее общее собрание батальона. На собрании были подведены итоги боев. Добрым словом выступающие помянули своих друзей по оружию, павших в сражении за город Ленина, за приближение радостного дня Победы над врагом.

Затем была прочитана телеграмма, полученная из Ленинграда. «Сердечно приветствуем и поздравляем, — говорилось в ней, — героических защитников города Ленина — курсантов, командиров, политработников — с блестящими сокрушительными ударами, нанесенными подлым германским фашистам!

Своей самоотверженностью и беззаветностью в борьбе вы доказали, что являетесь достойным пополнением рядов политработников, могущих высоко держать и с честью защищать славное знамя партии Ленина.

Гордись вашим мужеством и непоколебимостью,

бесстрашием и стойкостью, желаем вам, посланцам партии в Красной Армии, дальнейших успехов в боях против наглых гитлеровских мерзавцев.

Вперед, к новым победам! Вперед, за Родину!

Командование фронта».

— Спасибо за службу, товарищи курсанты!— говорил на собрании комиссар батальона Образцов.— Сегодня мы расстаемся с вами. Завтра вы уже сами будете командовать подразделениями. Воспитывайте своих будущих подчиненных в духе высокой преданности партии и Родине. Растите из своих бойцов таких же храбрецов и героев, какими являетесь сами. Не ради красного словца сказал я это. Своими подвигами в боях вы заслужили право называться героями...

Комиссар был взволнован. Он помолчал, окинул взглядом курсантский строй.

— Храните славные традиции нашего шоринского батальона. Будьте верны им. До свидания. Помните: мы всегда гордились и гордимся вами. Еще раз говорю вам спасибо и кланяюсь низко...

Он трижды низко поклонился.

Со всех сторон зазвучали взволнованные голоса:

— Вам спасибо!..

— Будем помнить вас!..

— Никогда не забудем училище!..

— Не забудем первых боев!..

Комбат, комиссар, все командиры и политработники (а их к тому времени было у нас немного) без слов, по-мужски крепко обнялись и расцеловались с каждым курсантом. Волнующие минуты. Доведется ли снова встретиться? Все понимали, что предстоят еще долгие и опасные бои, что путь к Победе потребует новых жертв.

Ребята пожимали мне руки, дружески меня обнимали. Они говорили что-то ласковое, нежное. После суровых боев, ожесточивших сердца, я впервые видела их такими. И конечно же, я расчувствовалась до слез.

— Помни, сестричка!.. Не забывай, сестричка! — говорили мне командиры и курсанты. А я только ахлипывала и ничего не в силах была сказать. И я думала, глядя на них сквозь слезы: «Сколько же у меня братьев!..»

Самой большой мечтой, о которой все говорили в тот день, было — встретиться после войны!..

В штаб армии, где оформлялось присвоение воинских званий и где наши товарищи должны были получить направления на фронт, ушли семьдесят два курсан-

та. Семьдесят два человека — это было все, что осталось от четырех полнокровных рот батальона. Многие курсанты лежали в госпиталях. Но и среди уходивших не было ни одного человека, который не был бы мечен пулей или осколком.

Шел еще только октябрь 1941 года. Позднее мы нет-нет да и получали отрывочные, случайные сообщения о наших боевых друзьях. Все они отважно дрались на различных фронтах.

Передо мной номер красноармейской газеты «За большевистские кадры». В нем приводится клятва «высоко нести честь ворошиловцев». Ее давал бывший курсант 7-й роты Николай Семенович Мовчан, выпускавшийся из училища в конце декабря 1941 года после долечивания ран, полученных в летних боях под Красногвардейском.

О том, как ворошиловцы держали клятву, писала газета «Удар по врагу» 30 ноября 1943 года, перед снятием блокады Ленинграда: «В предстоящих боях за разгром немцев под Ленинградом все наши бойцы и командиры должны воевать с такой же отвагой и с таким же мастерством, какое показывали герои-солдаты капитана Мовчана. Доблесть героев — пример для всех».

Газета поместила большой портрет бывшего курсанта-пограничника Н. С. Мовчана, сопроводив его стихами:

Слава бойцам,
что громят неустанно
Подлого немца,
не зная преград.
Слава солдатам
героя Мовчана,
Мстящим врагу
за родной Ленинград.

По-суворовски подготовил воинов вверенного ему батальона капитан Н. С. Мовчан. И они, сломив врага, захватили сильно укрепленный рубеж, совершив подвиг, по достоинству оцененный командованием. Капитан Н. С. Мовчан стал кавалером ордена Александра Невского. Ровно год водил он свой батальон в атаке на врага. 19 января 1944 года, при снятии блокады Ленинграда, отважный комбат пал смертью храбрых.

Под Урицком в составе 109-й стрелковой дивизии проходил службу ворошиловец Владимир Владимирович Елагин, ставший политруком также после залечивания ран и доучивания в осажденном Ленинграде. Он умело руководил снайперами, разъяснял им необходимость и

важность ведения личного счета мести. На своем боевом счету политрук Елагин имел 43 уничтоженных фашиста.

Двадцатитрехлетним комбатом с успехом водил он своих солдат на штурм Выборга и станции Хамила. С ними форсировал Одер и за удержание ответственного рубежа получил орден Александра Невского. Он воевал на Сандомирском плацдарме, под Краковом и Катовицами, громил остатки фашистских банд под Прагой, за что присоединил к своим многочисленным наградам орден Богдана Хмельницкого 2-й степени. Четыре ранения и тяжелая контузия вынудили пограничника оставить боевой строй. Ныне Владимир Владимирович трудится в Ленинграде.

За умелое ведение боев с превосходящими силами врага получили ордена Александра Невского ворошиловцы Василий Григорьевич Морозов, Антон Афанасьевич Золотарев и Василий Николаевич Фараонов.

Итогом фронтовой деятельности курсантских батальонов было сообщение газеты «За большевистские кадры» от 24 июня 1943 года. В нем говорилось: «Указом Президиума Верховного Совета СССР Военно-политическое училище НКВД имени К. Е. Ворошилова за доблесть и мужество, проявленные личным составом в боях с немецкими захватчиками, награждено орденом Красного Знамени».

Для получения заслуженного ворошиловцами ордена в Москву был направлен Николай Александрович Шорин. Мы не удивились этому выбору: Николай Александрович был отличным командиром и прекрасным воспитателем курсантов.

Началась церемония вручения наград. К трибуне был вызван Николай Александрович. Вместе с ассистентом они шли с чувством достоинства и гордости под многочисленные восторженные реплики:

— Ленинградцы! Пограничники!

Твердо и уверенно прозвучала благодарственная речь бывшего комбата:

— Если училищу придется вновь встретиться с заклятым врагом, ворошиловцы будут бить его так же мужественно и умело, как они делали это в боях за Ленинград.

Эвакуированное в Саратов, училище закончило подготовку офицерских кадров и было расформировано. Но его питомцы продолжали героическую борьбу с врагом на многих фронтах Великой Отечественной войны.

ЧЕРЕЗ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Война рвала нити, связывавшие курсантов. Когда же она закончилась, началось спешное послевоенное устроительство жизни. Первые два десятилетия промелькнули в напряженных трудовых буднях, в борьбе за восстановление хозяйства страны. У каждого из нас была уйма забот. Но мысль рассказать нашим детям о боях, которые вели курсанты-пограничники, жила. Об этом говорил мне в день нашей первой послевоенной встречи полковник в отставке Николай Александрович Шорин. Это у него возникла идея написать боевую историю курсантских батальонов, сражавшихся с гитлеровцами на подступах к Ленинграду. Николай Александрович воссоздал дневник всего периода боевых действий батальона, которым он командовал. Постепенно к этой работе подключались все новые люди. Ветераны боев присылали свои воспоминания. Разыскивались различные материалы в личных архивах, официальные донесения, газетные публикации периода войны.

Шла работа и по увековечению памяти павших героев. Труженики колхоза «Большевик» (деревня Большое Жабино Гатчинского района Ленинградской области) решили соорудить памятник воинам, погибшим на их земле. Правление колхоза отпустило необходимые для этого средства. 5 октября 1969 года монумент в районе деревни Большое Жабино был открыт. Торжественно прозвучала мелодия Гимна Советского Союза. С гранитного монолита упало белое покрывало, и перед взорами собравшихся серебром засияли слова: «Пограничникам Первого батальона Ново-Петергофского военно-политического училища, под командованием майора Н. А. Шорина насмерть стоявшим здесь в 1941 году».

Большой интерес к боевой истории Ново-Петергофского военно-политического училища имени К. Е. Ворошилова побудил совет ветеранов организовать встречу бывших курсантов училища и родственников погибших.

Большую помощь оказали нам в этом деле моряки-пограничники и политуправление погранвойск округа. Готовились к встрече также труженики колхоза «Большевик» и совхоза «Гатчинский», руководители районного комитета КПСС и районного Совета народных депутатов, представители воинов-пограничников, школьники Большого Жабина, Сельца, Сяськюлы, Гостилиц, города Петродворца, учащиеся ПТУ № 81.

Из Сибири, Казахстана, Белоруссии, Латвии, Крыма, с Дальнего Востока, Урала, Украины, Кавказа — со всех концов необъятной нашей страны отозвались на приглашение совета ветеранов бывшие курсанты, командиры и политработники училища. Еще задолго до намеченного дня встречи некоторые из них приехали в Ленинград. В числе первых прибыли сестры и братья погибшего курсанта Владимира Зайченкова. К вечеру 21 июня почти все участники встречи собрались в Сестрорецком интернате погранвойск.

Невозможно передать словами, какой это был волнующий вечер. Многие наши товарищи не виделись с осени 1941 года. Иные — на удивление — не очень изменились. Иных было трудно узнать. Пришли на встречу люди на протезах. Пришли на встречу люди, способные пожать руки друзей, увы, лишь одной рукой. Всем напоминали о войне видимые и невидимые шрамы.

Вот они, прославленные шоринцы, те, кто не давал гитлеровцам покоя ни днем, ни ночью, для кого не существовало вражеского «окружения», кто беспощадно громил оккупантов. Узнаю Перфильева и Сельницына, Архипова и Литвинова, Дудина и Крупского, Жабина и Меньщикова, Андрейченко и Марченко, Коротких и Мироненко, Батина и Коротева, Лямина и Шакина, Гнатышина и Романчикова, Уварова и Парамонова, Чеплю и Росликова, Кузьмина и Гусева, Польшинко и Кротова, Храмова и Жеребченко, Микрюкова и Полянца. Узнаю большинство. Да и как не узнать! Многим из них я оказывала первую помощь на поле боя. Со многими бывала в разведке.

Ко мне подходит бывший военфельдшер Найвельт. Он прихрамывает — у него протез. Но держится Абрам Давыдович бодро, как и три десятилетия назад. Он по-прежнему молод душой, хотя голова его стала совсем белой. Удивляюсь до сих пор, как мог этот тщедушный с виду человек нести ту гигантскую ношу, которую взвалила на его плечи война.

Знакомлюсь с немолодой женщиной — женой первого нашего комиссара Луканина. Рядом с нею сын, так и не увидевший своего отца, — Луканин погиб под Ирогосшей. Знакомлюсь с женой и дочерью лейтенанта Башкирова, с сыном и братом лейтенанта Бородачева. Дорогие мои! Не нахожу слов, чтобы выразить чувства, владеющие мной в эти минуты.

А вот невысокая миловидная девушка. Чертами лица напоминает она курсанта Федора Бурцева. И не мудре-

но — ведь это его дочь Сима. Никогда не знала она отцовской ласки. Рядом с Симой ее дядя — старший брат Федора и его дочь. Комсомольцы Курского трикотажного комбината зачислили Федора Бурцева почетным членом одной из передовых производственных бригад.

В наш разговор вступают сестры и брат павшего в боях за Ленинград курсанта Бураканова, братья погибших курсантов Черникова и Сундеева, братья и сыновья погибших курсантов Чечетки, Ревы, Коваленко, Амирова, Снитникова, Исаева, Леонова, Волкова, Ступенькова. Я гляжу на них, отвечаю на их вопросы, и у меня такое чувство, будто мы знакомы давным-давно.

Робко приближается к ветеранам училища пожилая женщина в сопровождении молчаливых мужчин. Это мать и братья отдавшего жизнь за Ленинград курсанта Ханыкина, мастера разведывательных поисков, смелого и сильного парня. Крепко пожимает мне руку по-спортивному подтянутый кавказец. Он спрашивает меня о своем брате курсанте Аванесове, рассказывает о сестре, тоже погибшей в бою против фашистских захватчиков.

Улыбаясь сквозь слезы, глядит на всех вокруг сестра погибшего лейтенанта Ария Зверева, любимца училища, остролова, весельчака и заводилы. Римма просит меня познакомить ее с теми, кто сражался рядом с ее братом в последнем для него бою под деревней Ирогосшей. Та же просьба у сестер курсантов Рамзаева, Соколова, Сырцова, Короткого, Савченко, Кузенева, Ромицына, Платонова. О последних днях жизни лейтенанта Александра Ивановича Жарикова просят рассказать его жена, сын, отец и сестра.

Смахивая слезу уголком платка, кланяется мать погибшего курсанта Ивана Герасименко его боевым друзьям. По-мужски крепится и старается быть сдержанным отец курсанта Федора Шматова. В окружении группы ветеранов стоят сестра Филиппа Гречко и его племянница.

Матери и отцы, сестры и братья, жены, дочери, сыновья — всех не назвать поименно...

Собравшись в тесный круг бывшие преподаватели училища. Константин Максимович Аносов, Виктор Андреевич Ражев, Иван Павлович Соболев и другие. Группу возглавляет сохранивший молодцеватость генерал Илларион Григорьевич Попов. Они с восторгом смотрят на своих питомцев, которым настойчиво, не жалея сил, передавали свой опыт и знания, прививая навыки бескомпромиссной борьбы с врагом.

Рядом с ними стоят бывшие командиры курсантских подразделений Волошко, Акуленко, Харин, Зарубин. Вижу бывших взводных Степанова, Белана, Логинова и бывшую заведующую курсантской столовой Марию Ефимовну Оттенко.

Узнав, что отделку памятника по собственной инициативе, за счет личного времени, бескорыстно, со знанием дела, отлично выполнил ленинградский рабочий Николай Васильевич Гайдидеев, ветераны дружно принялись его обнимать, а затем, подхватив на руки, подбросили его в воздух и качали по старинному русскому обычаю, выражая этим признательность и благодарность.

Все более шумным становится круговорот радостной встречи. Сотни голосов звучат в вестибюле. Украинский, казахский, кавказский акценты. Поцелуи, слезы, щелканье фотоаппаратов...

Поздней ночью с сожалением покидаю я жужжащий словно улей интернат.

Завтра — самое главное...

ЦВЕТЫ НА ГРАНИТЕ

Колонна автобусов отправляется в путь. Ветераны войны и их близкие едут в дорогие их сердцу места. Невский проспект, Нарвские ворота, памятник Сергею Мироновичу Кирову, Кировский завод, боевой танк на пьедестале. Отсюда уходили на фронт ленинградские рабочие, плечом к плечу с которыми били ненавистных захватчиков курсанты-пограничники. А вот и Новый Петергоф, здание бывшего училища. Сколько воспоминаний связано с этим большим двором, с этими старыми кленами и тополями. Ветераны приумолкли. Душу каждого теснит светлая печаль.

В унисон с общим настроением на площади вдруг заиграл духовой оркестр. Щемяще-торжественная мелодия вознеслась над городом.

В том самом зале, в котором когда-то впервые были названы курсантами пареньки, прибывшие сюда со всех концов страны, снова собрались они, ставшие более чем на тридцать лет старше. Они собрались, и стало светло в этом зале от блеска орденов и медалей, от цветов и улыбок. Я вижу среди ветеранов летчиков и моряков. Это тоже наши бывшие курсанты. Вот к микрофону подходит один из них — контр-адмирал Петр Зиновьевич Букань.

— Волнуюсь,— говорит он.— И крепко волнуюсь. Трудно было в сорок первом. Погибали друзья. Никто не знал, останется ли он в живых. Но никто не сомневался в нашей Победе...

У микрофона бывший разведчик курсантского батальона, ныне полковник запаса Герой Советского Союза Николай Васильевич Калущкий.

— Дорогие товарищи! — начинает он, обводя взглядом зал.— Я прошел от Ленинграда до Берлина и на всем этом нелегком пути никогда не забывал, о чем мы когда-то условились: если кто-нибудь дойдет до фашистского логова, пусть распишется за всех нас на каком-нибудь здании гитлеровской столицы. Очень рад, что мне удалось выполнить наказ боевых друзей. Я написался на рейхстаге и к своей подписи добавил лишь одно слово: «шоринец»...

Один за другим на сцену поднимаются ветераны. Затаяв дыхание, впитывая каждое слово, слушают их молодые солдаты, школьники, родственники погибших. Потом все идут взглянуть на бывшие курсантские жилые помещения, классы, красные уголки. Все в этом здании согрето памятью о невозвратном прошлом.

Иные воспоминания, иные раздумья пробуждает дорога, ведущая к местам боев, отгремевших много лет назад. Кажется непостижимым, что по левую сторону вот этой, ныне асфальтированной, магистрали в 1941 году были позиции гитлеровских оккупантов. Отсюда они рвались к Ораниенбауму и Кронштадту. Но фашистам не удалось преодолеть этот рубеж. Правая сторона дороги была передним краем легендарного Ораниенбаумского плацдарма. Еще и сейчас угадываются здесь заросшие травой и кустарником бомбовые воронки. Еще можно различить очертания траншей. В земле масса жавых осколков, обрывки колючей проволоки.

Знаками вечной народной памяти стоят на обочине магистрали памятники героям войны.

Как пахнут травы под Порожками! Знойное марево плывет, струится над желтой сурепкой, над всем просторным притихшим полем вплоть до самой опушки темного леса. А у самой деревеньки горит фиолетовое пламя июньской сирени. И над всем — яркое солнце.

— И тот день был вот таким же,— говорит кто-то из моих спутников.— И птицы так же пели. А я во-он там, в овраге лежал. В окопчике. И никак не мог двинуться дальше — обе ноги были перебиты...

Автобусы останавливаются у дороги. К стеле, возвы-

шающейся на холме, медленно поднимаются сотни людей. Поднимаются, молча собираются возле памятника, сосредоточенно смотря вдаль, туда, где синее небо. Гремят залпы в честь тех, кого не вернуть, а люди по-прежнему отрешенно вглядываются в опушку леса и в зеленое поле перед ней. Поле, которое они не раз попластунски переползали под минометным и пулеметным огнем. Поле, по которому они шли во весь рост в штыковую.

— А меня, помню, в левое плечо кусануло,— произносит вдруг кто-то негромко, как бы лишь для себя. — Много крови потерял. Бредил вон в том леске. Все арбуза просил почему-то. Запах арбузный мне мерещился — просто сил нет. Думал, помру, если не дадут...

— Дорогие друзья-однополчане! Дорогие матери, отцы, сестры и братья наших погибших товарищей! Наша подрастающая смена! — так начинает свое выступление перед собравшимися бывший командир курсантского взвода, ныне полковник запаса Борис Андреевич Григорьев. Седина серебрится в его шевелюре. Усы придают суровость лицу. Я смотрю на эту седину, на усы, а вижу Бориса Андреевича совсем еще юным. И вижу дым пожарищ, сполохи артиллерийских залпов, вздыбленную взрывами землю, курсантов, штурмующих Порожки. И гляжу на стелу, и читаю скупые слова, начертанные на мраморе: «В сентябре 1941 года на этом участке Ораниенбаумского плацдарма вели тяжелые оборонительные бои, контратаковали и сдерживали натиск врага воины 281-й стрелковой дивизии, 2-й дивизии народного ополчения, 2-й бригады морской пехоты, курсанты Ново-Петергофского военно-политического училища погранвойск и другие части».

И в памяти снова оживают картины минувшего, о которых рассказано. Но рассказано, конечно же, не все. Повествование о героизме советских людей в борьбе с ненавистным врагом будет продолжаться, потому как о жесточайшей из войн, даже о каком-то отдельном ее этапе, невозможно сказать все за один раз. Поиск новых документов об участниках великой битвы за честь, свободу и независимость нашей Отчизны, их судьбах не прекращается ни на один день. К этому святому делу подключились теперь уже и внуки тех, кто сорок с лишним лет назад отстаивал каждую пядь советской земли, кто своей честью и кровью писал героическую историю героического Советского государства с 1941 по 1945 год.

Недавно мне переслали письмо заместителя политу-
рука роты Михаила Евдокимовича Ревы. Это его послед-
нее письмо жене. Датировано оно 1941 годом. Не могу
не привести этот волнующий человеческий документ, на-
писанный воином-пограничником накануне боя.

«...Прошу тебя, Анна, не плакать. На мою долю вы-
пало большое счастье защищать город Ленина.

Большого счастья надо, чтобы мы увиделись с тобой.

Если надо будет отдать жизнь во имя выполнения
поставленной командованием задачи, я отдам ее с гор-
достью.

К вам в Донбасс движется банда Гитлера. Если ты не
сможешь эвакуироваться, то поезжай к моим родным
и делай хотя бы что-нибудь на пользу нашей армии.

Береги нашего сына.

Целую тебя и сына.

Михаил».

Простые, идущие от сердца слова.

Я верю, что и теперь, сорок лет спустя после победы
над оголтелым гитлеровским фашизмом, еще отыщутся
яркие и волнующие документы, раскрывающие душу со-
ветского человека — патриота и бойца. Об их влиянии,
силе их воздействия не говорю: и так ясно.

Письма, документы, фотографии...

Из рук в руки переходит небольшой пластмассовый
пенальчик. Он принадлежал в 1941 году курсанту Дмит-
рию Бабенко. При перезахоронении останков героиче-
ских защитников деревни Порожки пенальчик был об-
наружен в ислевшем обмундировании нашего погибше-
го товарища, послан на родину его близким. Сестра и
брат героя привезли с собой эту дорогую реликвию на
встречу с ветеранами училища. Мы читаем на сохранив-
шейся в пенальчике бумажной ленте имя его владельца
и как бы снова видим живого Дмитрия Бабенко, бес-
страшного, сильного, молодого...

Дорога за Порожками вьется среди полей и пере-
лесков. Алексей Алексеевич Небритов, глядя в окно ав-
тобуса, задумчиво говорит:

— Какие поля!.. Какое богатство!.. Ничего здесь не
узнать...

Все смотрят в окна. Да, узнать эти места можно раз-
ве что только по вековым лесам. Преобразились дерев-
ни и села. Давно забыты послевоенная нужда, недороды
полей. Достаток пришел в село.

Недалеко от Гостилиц, у поворота шоссе, колонна
автобусов снова останавливается. Мы выходим. Справа —

чистое поле, только у самой дороги — крохотный зеленый островок — несколько берез и елочек. В их тени виден скромный памятник Евгению Гагарину. Он погиб в год своего двадцатилетия. Двадцати лет не исполнилось ему. Два фашистских танка и крупнокалиберный пулемет подорвал гранатами Женя Гагарин. Кто-то тяжело вздыхает:

— Это такой был парень! Ему бы жить да жить.

И снова тишина. Только жаворонок счастливо заливается в небе. И сердце неровно бьется в груди. И хочется крикнуть: «Женя! Женя!.. Поднимись, посмотри, какая красота вокруг, как торжествует жизнь, за которую ты погиб! Послушай, как поют птицы, как шумят теплые ветры над Порожками. Встань, Женя! Встаньте, все наши дорогие ребята!.. Взгляните, какие дела вершат ваши соратники, ваши сестры и братья, ваши повзрослевшие дети!..»

Нет, не поднимутся павшие. Но они живут в нашей памяти, в наших сердцах...

Автобусы идут лесом. Русский лес. Как боялся его враг. Мы же низко кланяемся нашему другу и помощнику. Потом дорога снова выводит нас в открытое поле. Мы выезжаем на Кингисеппское шоссе. До боли знакомые места. Сюда, в деревню Русские Анташи, прибыл 17 августа 1941 года штаб 1-го курсантского батальона. С Русских Анташей начались легендарные бои батальона, вошедшие в историю как пятьдесят дней курсантского подвига.

Из Русских Анташей мы едем в деревню Большое Жабино. На окраине, у развилки дорог, нас встречают жители деревни. Гремит оркестр. Пройдя сквозь людской коридор, автобусы останавливаются на широкой зеленой поляне. Матери, отцы, братья, сестры, жены и дети погибших героев, ветераны — боевые соратники павших — медленно проходят вдоль пионерского строя к памятнику героям-курсантам.

Трудно, очень трудно передать словами то, что творилось в сердцах присутствовавших. Сбылись их мечты побывать на могиле дорогих и близких, вырванных из жизни жестокой войной. Убедились они, что не по белу свету разбросан прах погибших, что помнят и чтят их память благодарные люди, ныне живущие на той земле, за которую мужественно дрались и погибли герои.

Ветеран войны, удостоенный многих правительственных наград, председатель местного Совета народных депутатов открывает митинг. Проникновенно говорит он

о бессмертии дела, за торжество которого отдали свои жизни героические защитники Советской Родины. Затем выступают полковник запаса Николай Александрович Шорин, бывший политрук четвертой роты, ныне кандидат исторических наук, сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС доцент Герман Захарович Лecomцев, родственники погибших. С волнением слушают собравшиеся бывшего курсанта Павла Петровича Сорокина, отважно воевавшего в этих местах в сорок первом и прошедшего через Порожки, Гостилицы и Большое Жабино в сорок четвертом году. Ныне П. П. Сорокин — секретарь Восточно-Казахстанского обкома партии. Павел Петрович вручает труженикам колхоза «Большевик» памятный подарок — инкрустированный портрет Владимира Ильича Ленина. Прекрасно выполненный умельцами Казахстана портрет вождя принимает председатель колхоза Петр Сергеевич Семенов. Ветеранов училища приветствуют дети. До глубины души доходят их звонкие, клятвенно звучащие проникновенные голоса...

Под звуки скорбной мелодии к памятнику возлагают венки бывшие курсанты Романчиков и Крупский, Левицкий и Топиха, дочь Пайлака Захаряна Джульетта и его брат Вазген, Герой Социалистического Труда. Цветы принесли к братской могиле близкие героев-курсантов Ильченко, Павлова, Ведерникова, Кузьмина, Дидоренко, Ромицына, Кузенева, Прохорова, Бабенко, Булдакова, Гарана, Жемчугова, Захарова, Уланова и многих-многих других. Гранит утопает в цветах. Бывший курсант Остапенко высаживает по обе стороны памятника два деревца туи, привезенных им с крымской земли.

Ружейные залпы сотрясают воздух. Траурная мелодия сменяется походным маршем. Мимо памятника, чеканя шаг, проходят воины-пограничники.

А в это время у памятника происходит неповторимая, до глубины души трогающая картина: по местному обычаю семья бывшего курсанта Захаряна сжигает на маленьком костре сухие палочки и разбрасывает по ветру пепел. В немой тишине, отдавая глубокие земные поклоны памятнику, многие ветераны и родственники погибших специально припасенными ложками и просто руками торжественно и аккуратно, как крупницы чего-то дорогого, набирают в целлофановые и холщовые мешочки, а то и просто в носовые платки землю из цветника.

На другой день участники встречи совершили экскурсию по Ленинграду и его пригородам. Мы побывали в Разливе — у шалаша Владимира Ильича Ленина, на Мар-

совом поле, посетили Петропавловскую крепость, Смольный, Дворцовую площадь, Исаакиевский собор и Пискаревское мемориальное кладбище, на котором вместе с сотнями тысяч погибших ленинградцев лежат курсанты-ворошиловцы Иван Васильевич Козлов, Егор Иванович Белкин, Иван Ефимович Коровай, Алексей Елизарович Гриднев, Николай Павлович Шумилов, умершие в блокаду от тяжелых фронтовых ранений.

Возлагая цветы на братскую могилу, жена погибшего курсанта Петра Семеновича Захарова — Мария Алексеевна чуть слышным шепотом произнесла:

— Моей семье, а также семьям Василия Афанасьевича Калеменова, Константина Николаевича Андреева и Павла Макаровича Скрипяя вдвойне тяжело сознавать, что наши дорогие воины навечно остались вдали от Родины, в Польше и мы не имеем возможности хоть немного заглушить свою глубокую скорбь, возложить цветы на их могилы.

И совсем уж больно родственникам Михаила Анисимовича Карамнова и Якова Трофимовича Басова: воины погибли при штурме Берлина буквально за день до славной Победы.

С чувством глубокой благодарности и искреннего удволения встречей расставались однополчане с Ленинградом. Племянница погибшего курсанта Григория Матиенко, Мария Захожая, обращаясь к провожающим и организаторам встречи, на прощание сказала:

— Я знаю своего дядю только по рассказам родственников и односельчан. Нам ничего не было известно, где он воевал и как погиб. Запомнился мне только стон и рев по всей деревне, когда приходили похоронки, в том числе и на Григория. И думали мы тогда: «Неужели погибшие канули в вечность и никто не вспомнит о наших храбрых заборных парнях?» Война уходила в прошлое, а никаких известий о ребятах не поступало. Сердце грызли сомнение, тоска и печаль. И только на встрече мы с радостью узнали, что дорогие погибшие воины стали бессмертными. Их помнят, их подвиг стал достоянием народа. И конечно, мы оцепенели, на глазах появились слезы, когда торжественно на перекличке в строй ворошиловцев, взамен погибших, приглашали нас, родственников. Мы были совершенно потрясены и твердо осознали, что слова лозунга: «Никто не забыт и ничто не забыто» — золотые слова. Мы будем везде и всем рассказывать об этом, о замечательной

встрече и о том, как помнят и чтят ленинградцы каждого из своих защитников.

Улетел последний самолет, отошел последний поезд, увозивший участников встречи. Мысленно оцениваю проведенную работу от начала до конца — кажется, все хорошо. Желая снять напряжение, уже дома, сажусь к столу и машинально, по привычке, вынимаю список личного состава курсантов. Ставлю галочки против фамилий тех, кто присутствовал на встрече сам или кого представляли родственники. Обнаруживаю, что пока известна судьба не всех курсантов.

И незаметно для себя снова включаюсь в работу, начинаю строить планы дальнейшего поиска. Видимо, не будет нам покоя до тех пор, пока перед фамилией каждого ворошиловца не появится документальное подтверждение его судьбы.

На поле боя мы клялись друг другу донести правду о боевом пути каждого. Эту священную клятву не нарушим. Найдем каждого. Стоявшие насмерть это заслужили.

1-й батальон

**Шорин
Николай Александрович**

**Пархалин
Глеб Анатольевич**

**Лекомцев
Герман Захарович**

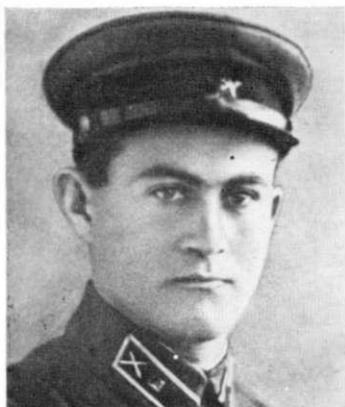
Григорьев
Борис Андреевич

Семи
Георгий Алексеевич

Ершов
Михаил Михайлович

Муратов
Алексей Александрович

Сулима
Петр Иосифович

Топиха
Иван Никанорович

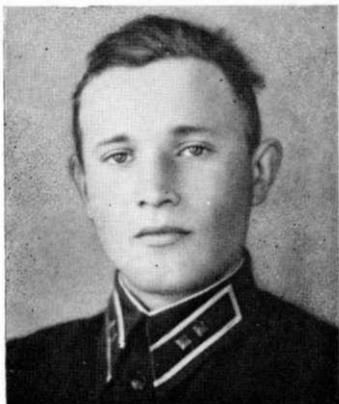
Шевченко
Ефим Севирьянович

Горшков
Валентин Афанасьевич

Бурцев
Иван Михайлович

Жеребченко
Александр Петрович

**Карелин
Кирилл Феоктистович**

**Федоров
Федор Иванович**

**Королев
Иван Георгиевич**

**Жабин
Петр Илларионович**

**Авакян
Вадим Мисакович**

**Виноградов
Виктор Федорович**

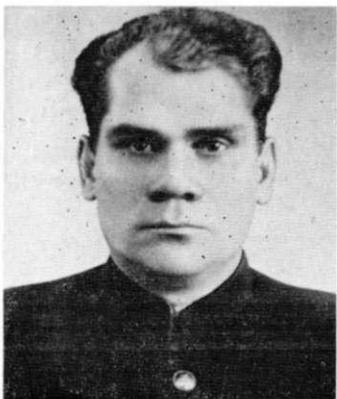
**Авдеенков
Алексей Капитонович**

**Чередникова (Царева)
Зоя Михайловна**

**Мазаев
Владимир Степанович**

**Балагаев
Иван Петрович**

Литвинов
Иван Иосифович

Одинцов
Василий Васильевич

Макаров
Михаил Егорович

Сорокин
Павел Петрович

Букреев
Максим Филиппович

**Тряцын
Сергей Васильевич**

**Гавриков
Василий Федорович**

**Калуцкий
Николай Васильевич**

**Семенов
Александр Павлович**

**Пицык
Алексей Степанович**

**Мироненко
Даниил Саввич**

**Слободчиков
Архип Григорьевич**

**Чепля
Даниил Ерофеевич**

**Небритов
Алексей Алексеевич**

**Панин
Николай Петрович**

**Шумилин
Михаил Павлович**

**Майдиков
Василий Дмитриевич**

**Кирпиченков
Ефим Федорович**

**Бакин
Николай Степанович**

**Набок
Иван Ермолаевич**

Арте́мьев
Иван Алекса́ндрович

До́лгов
Федо́р Евдо́кимович

Ма́тиенко
Григо́рий Па́рфентье́вич

Ма́риничев
Генна́дий Ива́нович

Па́влов
Михаи́л Ива́нович

**Кондратюк
Андрей Трофимович**

**Садовский
Иван Григорьевич**

**Борисенко
Александр Митрофанович**

**Савельев
Николай Степанович**

**Бураков
Иван Максимович**

**Бровкин
Александр Федорович**

**Кондратенко
Сергей Петрович**

**Цыганенко
Андрей Владимирович**

**Бурцев Федор
Михайлович**

**Наумов Петр
Яковлевич**

**Гусев Александр
Петрович**

**Жадан
Иван Лукьянович**

**Панасенко
Петр Федорович**

**Титов
Прокопий Андреевич**

**Долженко
Николай Константинович**

Перфильев
Виктор Андреевич

Бурнос
Дмитрий Григорьевич

Швырев
Михаил Ильич

Волков
Георгий Сергеевич

Прохоров
Алексей Терентьевич

**Миронов
Александр Алексеевич**

**Белан
Павел Евтихиевич**

**Хамзин
Халяф Хамзинович**

**Харин
Федор Петрович**

**Левицкий
Николай Митрофанович**

**Карамнов
Михаил Анисимович**

**Пасечный
Порфирий Яковлевич**

**Решетило
Григорий Зиновьевич**

**Скоренок
Трофим Антонович**

**Моняхин
Василий Константинович**

**Остапенко
Александр Иванович**

**Логвинов
Василий Тихонович**

**Букань
Петр Зиновьевич**

**Педько
Василий Климентьевич**

**Яцун
Тарас Алексеевич**

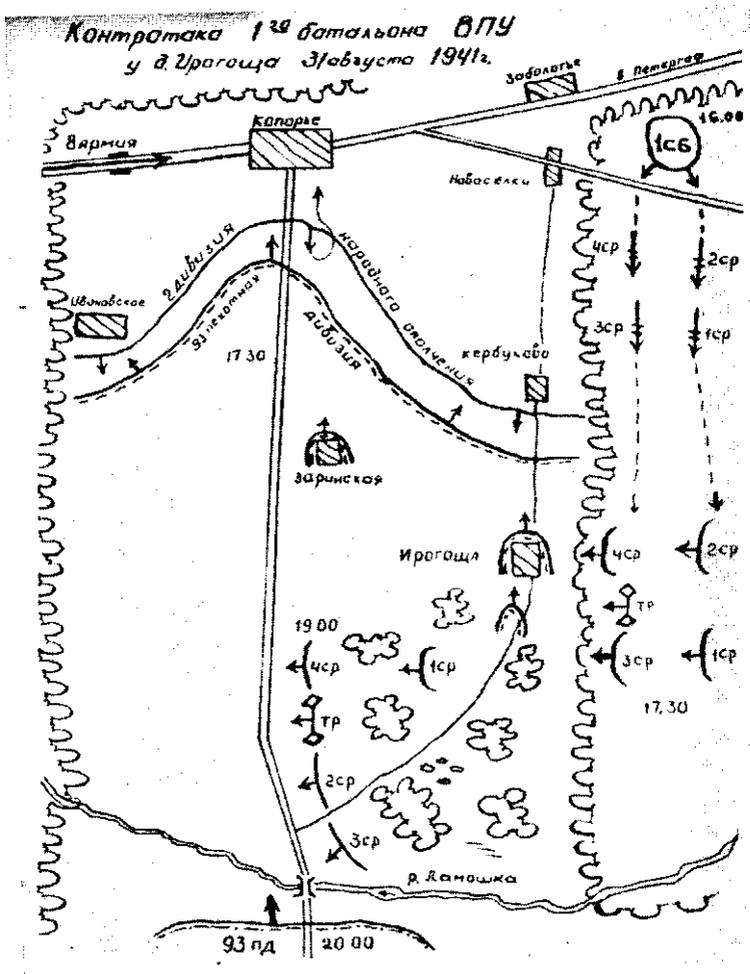

Схема боя у деревни Ирогощи 31 августа 1941 г.

2-й батальон

Золотарев
Антон Афанасьевич

Синявский
Иван Иосифович

Мачков
Григорий Иванович

**Вторыгин
Василий Андреевич**

**Попенко
Иван Петрович**

**Говырин
Михаил Павлович**

**Баранов
Петр Захарович**

**Киселев
Семен Петрович**

**Коваленко
Михаил Александрович**

**Юхимец
Николай Афанасьевич**

**Лушпа
Михаил Афанасьевич**

**Работягов
Иван Александрович**

**Новиков
Иван Григорьевич**

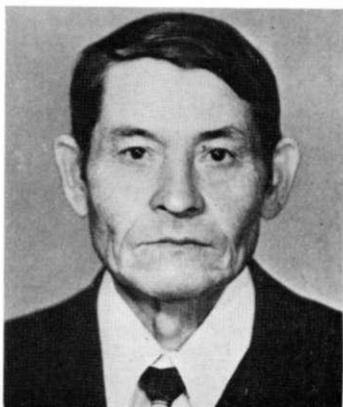
Голубов
Василий Емельянович

Кондрашов
Леонид Григорьевич

Квочка
Федор Фомич

Перский
Борис Моисеевич

Енин
Петр Павлович

**Афонин
Павел Григорьевич**

**Федоров
Степан Федорович**

**Козин
Михаил Павлович**

**Якименко
Александр Никифорович**

**Коротя
Андрей Андреевич**

Голубов
Василий Емельянович

Кондрашов
Леонид Григорьевич

Квочка
Федор Фомич

Перский
Борис Моисеевич

Енин
Петр Павлович

**Афонин
Павел Григорьевич**

**Федоров
Степан Федорович**

**Козин
Михаил Павлович**

**Якименко
Александр Никифорович**

**Коротя
Андрей Андреевич**

**Довганюк
Иван Григорьевич**

**Изюмин
Александр Макарович**

**Корнев
Александр Терентьевич**

**Петров
Алексей Георгиевич**

**Останний
Демьян Михайлович**

Теплых
Федор Иванович

Овчинников
Иван Иванович

Бобринев
Иван Никитович

Абдукаимов
Абдунаби Абдукаимович

Бозин
Федор Петрович

**Зацепин
Иван Иванович**

**Бурыкин
Михаил Петрович**

**Шаманов
Сергей Акимович**

**Федорович
Сергей Федорович**

**Сериков
Иван Алексеевич**

**Косматых
Василий Кузьмич**

**Ельчищев
Алексей Дмитриевич**

**Крыловецкий
Петр Устинович**

**Мухин
Петр Иванович**

**Гринько
Павел Григорьевич**

**Пукалов
Яков Афанасьевич**

**Шовть
Яков Федорович**

**Шулипенко
Владимир Лаврентьевич**

**Чернецов
Михаил Анисимович**

**Савченко
Виктор Владимирович**

Встреча через 35 лет.
Сидят (слева направо):
Киселев Н. В., Ежов И. Н.,
Наумов В. С.; стоят —
Средняков Б. А., Семенец С. С.

Левченко И. И. (слева)
и Пугачев И. И.

**Великанов
Иван Иванович**

**Калашник
Алексей Иванович**

**Никитин
Ефим Иванович**

**Моисеенков
Сергей Герасимович**

**Горский
Петр Михайлович**

**Колесников
Михаил Андреевич**

**Богацкий
Алексей Ефимович**

**Силин
Александр Матвеевич**

**Овчар
Евгений Лукьянович**

**Дедюра
Иван Степанович**

**Пронин
Петр Феофанович**

**Задорожный
Владимир Федорович**

**Акуленко
Петр Ильич**

**Шестаков
Валентин Андреевич**

**Белый
Александр Григорьевич**

544-65-64

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Забудь невозможно	7
Духом крепи в борьбе	11
«Внимание! Фашистские танки...»	14
Васина фотография	19
Рассказ о первой разведке	22
Бой у Елизаветино	26
А курсант не сплеховал	33
На третьем рубеже	36
Дерзкий налет	41
Предложение лейтенанта Усенко	47
Посуровели веселые парни	54
Выстрелы с колокольни	53
Ополченцы	62
Солнечные зайчики-детства	64
Фашисты стреляют в фашистов	68
Подвиг орденосца Жадана	69
Ловушка на кладбище	73
Приказано смеяться	76
Ирина принимает решение	82
Через линию фронта	87
Зарево над Волговым	91
«Помогите, разыщите...»	95
Спеси у врага поубавилось	98
«Кукушка» с петлей на шее	103
Большое Жабино	107
«Я ваш друг»	114
Внезапность — сестра успеха	119
Листок из полевой книжки	122
Перепутались дни и ночи	124
Политрук Лекомцев	127
Один против пяти	129
Штыком и прикладом	131
Коротки августовские вечера	135
«Узнай же меня, узнай!..»	139
Ночные тревоги	145
«Береги наше дело, сынок...»	150
Привалы, бои, походы	155
Крепче брони	158
Остались на сердце отметины	164
На живую приманку	172
	239

Когда друг в беде...	176
С козой на поводке	180
Дымок походной кухни	185
Раненые остаются в строю	193
«Очнись, лейтенант!»	197
Человек большой души	202
Позыванные летят в эфир	204
Нас называли шоринцами	209
Товарищ комиссар	214
За час до рассвета	215
Враг с четырех сторон	219
Доздается ли встретиться снова?	224
Через десятилетия	228
Цветы на граните	231

Вера Михайловна ФЕЛИСОВА

СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ

Заведующий редакцией Ю. А. Васильев
 Редактор Н. К. Новяков
 Младший редактор Е. Б. Никанорова
 Художественный редактор А. К. Тимошевский
 Художник А. И. Сянушкин
 Технический редактор И. В. Буздалева
 Корректор Т. В. Мельникова

ИБ № 2744

Сдано в набор 12.03.84. Подписано к печати 06.09.84. М-13403. Формат 84×108^{1/32}.
 Бумага типограф. № 2. Гарн. журн.-рубл. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,60+
 +вкл. Усл. кр.-отг. 14,75. Уч.-изд. л. 13,86+1,40+0,05=15,31. Тираж 50 000 экз.
 Заказ № 433. Цена 1 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59.
 Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата,
 491023, Ленинград, Фонтанка, 57.